

МЕЖДУНАРОДНАЯ АНАЛИТИКА

2025 / ТОМ 16 / НОМЕР 2

ДИАСПОРЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

11–29

И.В. ОЛЕЙНИКОВ

«Драконы в стране
длинного белого
облака»: фактор
китайской диаспоры
в Новой Зеландии
(очерк взаимодействия
в мультикультурном
обществе)

81–97

Л.Р. ХЛЕБНИКОВА

Произраильский
лоббизм в США:
основные
представители
и инструменты
достижения их
политических целей

46–62

А.В. КУПРИЯНОВ

Индийская диаспора
между политикой и
бизнесом

118–135

Н.В. БОДИШТЯНУ

Феномен диаспоры
в современных
электоральных
процессах
Республики Молдова

CHIEF EDITOR

Sergey M. Markedonov
MGIMO University (Russia, Moscow)

DEPUTY EDITOR

Akhmet A. Yarlykapov
MGIMO University (Russia, Moscow)

EDITORIAL BOARD

Andrei Tsygankov – San Francisco State University (USA)
Aleksandar Životić – University of Belgrade (Serbia)
Benedikt Harzl – University of Graz (Austria)
Erkin Baydarov – R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies (Kazakhstan)
Kimitaka Matsuzato – University of Tokyo (Japan)
Mitat Celikpala – Kadir Has University (Turkey)
Richard Sakwa – University of Kent (UK)
Sanjay Deshpande – University of Mumbai (India)
Sayed Kazem Sajjadpour – Institute for Political and International Studies (Iran)
Xue Fuqi – Chinese Academy of Social Sciences (China)
Zhao Huasheng – Fudan University (China)
Alexander L. Chechevishnikov – MGIMO University (Russia, Moscow)
Andrey A. Sushentsov – MGIMO University (Russia, Moscow)
Dmitriy I. Pobedash – Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
Ilya N. Tarasov – Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia, Kaliningrad)
Larisa V. Deriglazova – Tomsk State University (Russia, Tomsk)
Lyubov A. Fadeeva – Perm State University (Russia, Perm)
Maxim A. Suchkov – MGIMO University (Russia, Moscow)
Michael I. Rykhtik – Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia, Nizhni Novgorod)
Natalia V. Eremina – Saint-Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)
Oleg Yu. Mikhalev – Voronezh State University (Russia, Voronezh)
Valeriy N. Konyshv – Saint-Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)
Viktor Yu. Apryshchenko – Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don)
Viktor L. Larin – Institute of History, Archaeology and Ethnology, the Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Russia, Vladivostok)
Yakov Ya. Grishin – Kazan Federal University (Russia, Kazan)

SCOPE

Journal of International Analytics focuses on current problems of international relations, theory and methodology of international politics based on a collection of regional materials. From 2010 to 2016, the journal was called the Institute for International Studies Yearbook.

Published since 2010 quarterly.

INDEXING

The Journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI), and in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Q2). The Editorial Board is continuing to advance the Journal in international databases.

Mass media registration certificate
PI No. FS77-65736 of May 20, 2016

DOI Prefix 10.46272
ISSN (print) 2587-8476
ISSN (online) 2541-9633

PUBLISHER

Institute for International Studies, MGIMO University, Russia

ASSOCIATE EDITORS

Alexander L. Chechevishnikov
Anastasia V. Pavlova
Evgenia S. Larina
Evgeni S. Pankov
Natalya A. Samoylovskaya
Uliana V. Yakutova

COMPUTER LAYOUT

Alexey V. Talalaevsky

DESIGN

Veronika E. Levitskaya

2025 / ТОМ 16 / № 2

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Сергей Мирославович Маркедонов
МГИМО (Россия, Москва)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ахмет Аминович Ярлыкапов
МГИМО (Россия, Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Александар Животич – Белградский университет (Сербия)

Бенедикт Гарцль – Университет Граца (Австрия)

Андрей Павлович Цыганков – Университет штата Калифорния в Сан-Франциско (США)

Еркин Уланович Байдаров – Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова (Казахстан)

Кимитака Мацузато – Токийский университет (Япония)

Митат Челикпала – Университет Кабир Хас (Турция)

Ричард Саква – Кентский университет (Великобритания)

Сайед Казем Саджадпур – Институт политических и международных исследований (Иран)

Санджай Дешпанде – Университет Мумбаи (Индия)

Сюэ Фуци – Китайская академия общественных наук (КНР)

Чжао Хуашэн – Фуданьский университет (КНР)

Александр Леонидович Чечевишников – МГИМО (Россия, Москва)

Андрей Андреевич Сушенцов – МГИМО (Россия, Москва)

Валерий Николаевич Конышев – Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Виктор Лаврентьевич Ларин – Институт истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Россия, Владивосток)

Виктор Юрьевич Апрыщенко – Южный федеральный университет (Россия, Ростов-на-Дону)

Дмитрий Иванович Победаш – Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Илья Николаевич Тарасов – Балтийский федеральный университет имени И. Канта (Россия, Калининград)

Лариса Валерьевна Дериглазова – Томский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Томск)

Любовь Александровна Фадеева – Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Пермь)

Максим Александрович Сучков – МГИМО (Россия, Москва)

Михаил Иванович Рыхтик – Нижегородский государственный национальный исследовательский университет имени Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

Наталья Валерьевна Еремина – Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Олег Юрьевич Михалёв – Воронежский государственный университет (Россия, Воронеж)

Яков Яковлевич Гришин – Казанский федеральный университет (Россия, Казань)

ЦЕЛИ

В журнале поднимаются актуальные вопросы современных международных отношений, а также теории и методологии изучения международно-политических процессов с опорой на страновой материал.

В 2010–2016 годах издание носило название «Ежегодник Института международных исследований».

Издается с 2010 г.

Выходит 4 раза в год.

ИНДЕКСИРОВАНИЕ

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (К2).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77–65736 от 20 мая 2016 г.

DOI Prefix 10.46272

ISSN (print) 2587-8476

ISSN (online) 2541-9633

ИЗДАТЕЛЬ

Институт международных исследований
МГИМО МИД России.

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

Александр Леонидович Чечевишников
Анастасия Вячеславовна Павлова
Евгений Сергеевич Панков
Евгения Сергеевна Ларина
Наталья Александровна Самойловская
Ульяна Вячеславовна Якутова

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Алексей Владимирович Талалаевский

ДИЗАЙН

Вероника Евгеньевна Левицкая

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА

Многоликий феномен: диаспоры
в международных отношениях

С.М. МАРКЕДОНОВ

7

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

«Драконы в стране длинного
белого облака»: фактор
китайской диаспоры
в Новой Зеландии
(очерк взаимодействия
в мультикультурном обществе)

И.В. ОЛЕЙНИКОВ

11

Китайская диаспора в США
в условиях углубляющегося
американо-китайского
раскола

Я.В. ЛЕКСЮТИНА

30

Индийская диаспора между
политикой и бизнесом

А.В. КУПРИЯНОВ

46

Проблемы и тенденции
формирования диаспор
в странах Северной Европы

Г.И. ГАДЖИМУРАДОВА

63

Произраильский лоббизм в
США: основные представители
и инструменты достижения их
политических целей

Л.Р. ХЛЕБНИКОВА

81

Политические контексты
афганской эмиграции

А.А. КНЯЗЕВ, Н.Я. ГУЛАМ

98

Феномен диаспоры
в современных электоральных
процессах Республики
Молдова

Н.В. БОДИШТЯНУ

118

ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

Импатриация как феномен и
направление политики развития
(на примере современной
России)

С.П. АРТЕЕВ, А.Л. БАРДИН, Т.И. ПОПАДЬЕВА,
М.И. СИГАЧЁВ

136

Разрешение конфликтов
о вождествах в Северной
Гане: роль традиционных
механизмов и вовлеченность
диаспоры

М. ВОМБЕГО, А.Р. ШИШКИНА, М.Й.Б. ЗИНГ

159

CONTENTS

EDITORIAL NOTE

The Multifaceted Phenomenon:
Diasporas in International Relations
S. MARKEDONOV 7

RESEARCH ARTICLES

“Dragons in the Land of the Long
White Cloud”: The Factor
of Chinese Diaspora in New
Zealand (An Essay on Interaction
in a Multicultural Society)
I. OLEYNIKOV 11

The Chinese Diaspora in the U.S.
amid the Deepening U.S.–China
Split
YA. LEKSYUTINA 30

Indian Diaspora Between
Politics and Business
A. KUPRIYANOV 46

Problems and Trends
in the Formation of Diasporas
in the Nordic Countries
G. GADZHIMURADOVA 63

Pro-Israel Lobbyism in the United
States: Key Representatives and
Their Instruments for Achieving
Political Goals
L. KHLEBNIKOVA 81

Political Contexts of Afghan
Emigration
A. KNYAZEY, N. GULAM 98

The Phenomenon
of the Moldovan Diaspora
in the Modern Electoral Process
of the Republic of Moldova
N. BODISHTEANU 118

RESEARCH ESSAYS

Impatriation as a Phenomenon
and a Direction of Development
Policy (the Case of Russia)
S. ARTEEV, A. BARDIN, T. POPADEVA, M. SIGACHEV 136

Chieftaincy Conflicts in Northern
Ghana: The Role of Traditional
Mechanisms and Diaspora
Engagement
M. WOMBEOGO, A. SHISHKINA, M. ZING 159

Многоликий феномен: диаспоры в международных отношениях

В 1999 году, обращаясь к читателям и потенциальным авторам первого русскоязычного специализированного журнала «Диаспоры»¹, историк Виктор Дятлов обозначил две фундаментальные исследовательские проблемы. Во-первых, растущий интерес к проблематике диаспор, объяснимый множеством факторов в спектре от деколонизации, распадов полиэтнических империй и федераций до глобализационных процессов, сопровождаемых масштабными перемещениями населения. Во-вторых, теоретико-методологическую неопределенность самого феномена диаспоры.

По словам ученого, «в последние годы термин “диаспора” употребляется весьма часто и, как правило, без толкований и объяснений. Имплицитно подразумевается, что содержание его настолько ясно, а явление им называемое настолько определено, что особых комментариев просто не требуется. Но самый беглый анализ показывает, что слово это используется для обозначения чрезвычайно широкого круга разнородных явлений...»².

За прошедшую четверть века интерес к изучению диаспор не только не уменьшился, а напротив, многократно возрос. По справедливому замечанию Роджерса Брубейкера, термин «диаспора» «сделал блестящую карьеру в социологии и других гуманитарных науках»³. Однако теоретико-методологические сложности, справедливо отмеченные Дятловым еще в 1999 г., никуда не исчезли. Об этом автор подробно рассказывает и в одной из своих новых публикаций, подводя некоторые историографические итоги осмысления феномена диаспор в современной России⁴.

Сегодня мы наблюдаем своеобразный исследовательский парадокс. С одной стороны, понятие «диаспора» как академический концепт достаточно молодое. Оно вошло в научный оборот примерно в 1950–1960-х годах. Но с другой стороны, начало его употребления отсылает нас к библейским временам. За все это время смысл, вкладываемый в определение диаспоры, претерпел существенную

1 Издание «Диаспоры» позиционировало себя как независимый научный журнал и выходило в период с 1999 по 2015 годы. Его главным редактором был известный российский востоковед, демограф Анатолий Вяткин (1946–2015).

2 Дятлов, В.И. Диаспора: попытка определиться в термине и понятии // Диаспоры. 1999. № 1. С. 8.

3 Брубейкер, Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами // Диаспоры. 2000. № 3. С. 6–7.

4 Дятлов, В.И. Концепт диаспоры: динамика исследовательского и общественно-политического использования в России // Идеи и идеалы. 2025. № 2. Ч. 1. С. 157–173.

эволюцию. Понимание диаспоры как синонима еврейского «рассеяния» уступило место расширительным трактовкам, наполнилось расовыми, этническими, национальными смыслами¹.

Впрочем, все эти процессы развивались нелинейно. И связи с религиозной принадлежностью, которые, казалось бы, утратили свою актуальность с наступлением секуляризации и «века национализма», снова оказываются в фокусе внимания, когда речь заходит о диаспорных сообществах.

Современной науке известны также попытки выработать генерализацию и типологию диаспор. Так, Андрей Панибратов и Лиана Рысакова взялись за решение амбициозной задачи по выявлению основных подходов к определению диаспоры и ключевых направлений в ее изучении. Однако представленную ими классификацию вряд ли можно считать исчерпывающей. И прежде всего потому, что она базировалась на экономоцентричном подходе, при котором диаспора рассматривалась в первую очередь как важный игрок в сфере международного и странового бизнеса, туризма, маркетинга².

Проблематика диаспор охватывает не только социально-экономическую сферу. Это – комплексное исследовательское поле, которое включает в себя вопросы идентичности, национализма, дилеммы интеграции – размежевания, межэтнические (межконфессиональные) конфликты, миграционные процессы, деятельность неправительственных организаций и лоббизм. По справедливому замечанию израильского исследователя Габриэля Шеффера, «скрупулезное изучение [диаспор] может помочь прояснению более общих остро дискуссионных вопросов. Например, какова природа этничности... и, наконец, является ли этническая составляющая неотъемлемой чертой большинства государств?»³.

Говоря об изучении диаспор, не уйти и от взаимопроникновения академического, политического и журналистского дискурсов. Ведь как бы мы ни стремились к «чистой науке», невозможно исключить тот факт, что политики и высокопоставленные государственные чиновники оперируют понятием «диаспора», апеллируют к нему, далеко не всегда соотносясь с канонами и критериями научной дискуссии⁴. Игнорировать их конструкты – занятие контрпродуктивное, поскольку гуманитарные науки (как, впрочем, и любые другие) не могут существовать в отрыве от общественных запросов и государственных оценок. Поэтому диалог между теоретиками и практиками востребован как никогда. В том числе и для качественного анализа феномена диаспор, а также для преодоления имеющихся принципиальных разногласий. Это позволило бы, с одной стороны, повысить исследовательскую эвристичность, а с другой, теснее связать экспертизу с практическими государственными задачами.

В 2025 г. второй номер нашего издания посвящен роли и значению диаспор в международной политике. По словам Габриэля Шеффера, от исследователей

1 Лошкарев, И.Д. Эволюция понятия «диаспора» в политической науке // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 4 (106). С. 70–78.

2 Panibratov, Andrei, and Liana Rysakova. "The Diaspora Phenomenon: Scholarly Assessment and Implications for Countries and Firms." *Journal of Global Mobility* 9, no. 1 (2020): 107–144.

3 Шеффер, Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1. С. 166.

4 Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2011. 624 с.

требуется «более действенные усилия, поскольку в условиях “нового мирового порядка” (или, скорее, беспорядка) диаспоры быстро набирают в весе как агенты влияния и расширяют масштабы своей деятельности, что в какой-то мере является отражением межэтнической напряженности, нередко выливающейся в конфликты»¹. В условиях, когда новое мироустройство только формируется, а надежды на «дивный новый мир» в виде торжествующей глобализации не оправдались, мы наблюдаем существенный рост интереса к идентитарным проблемам. И этот поиск сопровождается непростыми коллизиями между границами государств и наций. Диаспоры как «трансграничные сети коммуникаций»² являются и триггерами конфликтов, и факторами примирения и гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений, и площадками для широкого взаимодействия между «старой» и «новой» родинами.

В представляемом номере две статьи посвящены проблемам китайской диаспоры. Илья Олейников исследует опыт взаимодействия между выходцами из Китая, новозеландским государством и обществом. Автор пытается выявить особенности интеграции иммигрантов, показывает специфику их взаимодействия с коренным народом страны маори, анализирует разногласия в отношениях между принимающим обществом и диаспорой, а также влияние «китайской карты» на внутри- и внешнеполитический курс Новой Зеландии.

Яна Лексютина обращается к изучению феномена китайской диаспоры в США на фоне углубляющихся стратегических противоречий между Вашингтоном и Пекином. С одной стороны, автор говорит о Соединенных Штатах как о самом популярном направлении китайской эмиграции, а с другой – о нарастании конфликта между двумя сверхдержавами современности, сказывается на положении диаспоры.

Алексей Куприянов исследует индийскую диаспору на примере трех кейсов (Маврикий, Фиджи и США). По его мнению, несмотря на рост численности и значения выходцев из Индии в различных странах мира, дивиденды от этого процесса (если говорить о выгодах для официального Дели) пока неочевидны.

В статье Гюльнары Гаджимурадовой рассматриваются основные тенденции в развитии диаспор в странах Северной Европы. В своей работе автор проводит широкий компаративистский анализ различных стратегий интеграции и адаптации иммигрантов и диаспорных сообществ в Норвегии, Швеции и Финляндии, показывает как очевидные достижения, так и проблемы, возникающие на этом пути.

Работа Луизы Хлебниковой посвящена феномену израильского лоббизма в США. Автор показывает, что израильский лоббизм несводим к этническому или религиозному формату, а основные его цели – политические. Не менее важный момент – это рассмотрение лоббистских структур как конгломерата разных организаций, подчас конкурирующих, по-разному понимающих перспективы и самого Израиля, и американо-израильских отношений.

Президентские выборы и конституционный референдум в Молдове, прошедшие осенью 2024 г., а также предстоящие парламентские выборы

1 Шеффер, Г. Указ. соч. С. 166.

2 Ibid.

актуализировали фактор диаспоры. Во многом голосование ее представителей способствовало успеху правящей партии «Действие и солидарность» и президента Майи Санду. Феномен диаспоры в молдавских электоральных процессах рассматривается в статье Николь Бодиштяну.

В работе Александра Князева и Нинэль Гулам анализируется процесс формирования афганских диаспор. Авторы изучают их в различных политических контекстах на Западе и на Востоке. Если в некоторых обществах афганцы смогли успешно интегрироваться в местные социумы, то в других – маргинализировались и оказались в положении дискриминируемых сообществ.

В коллективной статье Сергея Артеева, Андрея Бардина, Татьяны Попадьевой и Максима Сигачёва авторы обращаются к российскому кейсу и проблеме импатриации. По их мнению, хотя «ценностный подход к миграционной политике не является принципиально новым в мировой практике», в условиях России он может рассматриваться в качестве важной социальной инновации.

Исследование Алисы Шишкиной, Максимы Вомбеого и Микаха Зинга посвящено конфликтам в Северной Гане (изучены восемь кейсов в трех регионах этой страны), а также вовлечению диаспоры в их урегулирование.

Не претендуя на решение базовых теоретико-методологических и терминологических вопросов, коллектив редакции, наши авторы и рецензенты постарались представить различные аспекты влияния диаспор на международную политику. Мы стремились показать широкий спектр социально-экономических, политических, социокультурных коллизий. В дальнейшем наше издание планирует обращаться к данной проблематике в рамках других контекстов, связанных с миротворчеством, конфликтами, интеграционными и миграционными процессами.

Сергей Маркедонов, главный редактор

«Драконы в стране длинного белого облака»: фактор китайской диаспоры в Новой Зеландии (очерк взаимодействия в мультикультурном обществе)

Илья Васильевич Олейников, ИГУ, БГУ, Иркутск, Россия

Контактный адрес: ilyavasilich@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена фактору китайской диаспоры в Новой Зеландии. Проведен обзор ключевых российских и зарубежных исследований по этой проблеме. Представлена историческая справка о китайской иммиграции в Новую Зеландию, отражена специфика формирования китайской диаспоры. Освещены тенденции деятельности китайцев в Новой Зеландии в конце XX – первых десятилетиях XXI века. Выявлены особенности встраивания китайских мигрантов в мультикультурное новозеландское общество, показана специфика их взаимодействия с коренным народом маори. Отмечено, что в Новой Зеландии происходит конфликт между китайцами, действующими как «меньшинство-посредник», и различными частями принимающего общества. Этот конфликт вызван как экономическими различиями, так и фактором культурной идентичности. Рассмотрена дискуссия о китайском влиянии, которая является важной составляющей внутренней и внешней политики Новой Зеландии. Споры о китайском воздействии через иммигрантов и диаспору влияют на позиции новозеландских политических партий. В предвыборной риторике политические силы зачастую прибегают к популизму и разыгрывают «китайскую карту», используя дискурс о китайском влиянии на внутреннюю и внешнюю политику государства. Новая Зеландия как малое государство заинтересована в торговых и инвестиционных преференциях в отношениях с Китаем, а также в формировании гарантий безопасности при сохранении мягкого внеблокового статуса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

китайская иммиграция, Китай, Новая Зеландия, китайская диаспора, новозеландские китайцы

Введение

Миграция представляет собой комплексное явление, которое проявляется как следствие процессов глобализации и фрагментации, диалектически сосуществующих в современных международных отношениях. Характер миграции во многом определяется причинами, вызывающими перемещение отдельных людей и народов: открытые границы способствуют естественному стремлению людей к лучшим условиям для жизни, в то время как политика изоляционизма приводит к возникновению миграционных волн. Миграция воздействует на экономические, политические и социальные тенденции в различных регионах и странах, в ряде случаев способствуя конструированию и переопределению национальных и личных идентичностей в ходе формирования диаспор. Воздействие фактора иммиграции применительно к Западной Европе и США ведет к росту социально-политической напряженности, а в ряде случаев, в том числе и в таком малом государстве Запада, как Новая Зеландия, приводит к активизации национализма, ксенофобии и терроризма, а также к конфликтам, влияющим на формирование новых волн миграции¹.

Действительно, Новая Зеландия не является исключением. С момента создания британской колонии на новозеландских островах на протяжении более 250 лет происходило постепенное формирование сначала бикультурного, а затем и многосоставного общества, в котором взаимодействовали автохтонный народ маори, потомки английских, ирландских и шотландских колонистов, трудовые мигранты из Индии, Юго-Восточного Китая и стран Юго-Восточной Азии.

Следует проанализировать процесс китайской миграции в Новую Зеландию более детально. Будучи частью современного глобализованного мира, Новая Зеландия участвует в процессе переопределения национальной идентичности. Тенденции мультикультурализма в многонациональных обществах изучаются в рамках социально-антропологических подходов², теории нации³, теории международных отношений⁴.

На миграционную политику государств влияют внутрисполитический контекст, национальные интересы, внешнеполитический курс, трансформирующаяся международная обстановка. Применительно к Новой Зеландии темпы иммиграции были стремительны, мигрантов привлекали экономические возможности. Нехватка трудовых ресурсов в молодой британской колонии влияла на приток дешевой рабочей силы из Азии⁵.

Проблема китайской миграции в Новую Зеландию освещалась в отечественной и зарубежной историографии. Отечественные исследователи обращались к изучению вопроса эпизодически. Исторические аспекты присутствия китайцев в Новой Зеландии были рассмотрены признанным исследователем Океании

1 Дудина, Г.С., Тарасенко, П.Н. Антиисламский джихадизм. Ультраправые заявили о себе терактами в мечетях Новой Зеландии // Коммерсант, 15 марта 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3914897> (дата обращения: 14.02.2025).

2 Smith 2009.

3 Андерсон 2016.

4 Подробнее см.: Шайн, Барт 2015.

5 Bernardelli 1952, 39.

К.В. Малаховским в научно-популярной работе «Британия южных морей»¹ и в классической монографии «История Новой Зеландии»².

Ряд вопросов был проанализирован в работах представителей иркутской школы изучения Новой Зеландии и Океании. Некоторые исторические данные о начальном этапе китайской миграции в Новую Зеландию в тезисной форме представила Л.П. Савельева³. Одним из первых отечественных авторов, предметно осветивших историческую динамику китайской иммиграции в Новой Зеландии с середины XIX в. по 1980-е гг., стал С.В. Жбанов⁴. Обзор проблемы идентичности китайской диаспоры в Новой Зеландии провели И.В. Олейников и В.П. Олтаржевский⁵. Китаевед В.Я. Портяков, освещая итоги конференции по проблемам зарубежных китайцев «Поднимающиеся драконы, летящие ввысь бананы», которая прошла в 2009 г. в новозеландском Окленде, уделил внимание китайской диаспоре в Новой Зеландии⁶. Обзор развития этой диаспоры в конце XX – начале XXI вв. предприняла Е.С. Анохина⁷. Обстоятельный очерк развития китайской диаспоры в Новой Зеландии с XIX в. до середины второго десятилетия XXI в. представила Л.Г. Стефанчук⁸.

И.В. Олейников частично коснулся данной темы в третьей главе коллективной монографии «Новая Зеландия и страны Восточной Азии: взаимоотношения в сфере политики, экономики и культуры»⁹. Использование китайской диаспоры в Новой Зеландии в качестве ресурса «мягкой силы» Китая и последующего влияния на политические элиты южно-тихоокеанского государства рассмотрел В.Л. Сведенцов¹⁰.

В западной литературе проблема китайской миграции в Новую Зеландию и формирования китайской диаспоры представлена более системно. История китайцев в Новой Зеландии отражена в монографии Н.Б. Фонг¹¹. Предметная ретроспектива социальной организации китайцев в Новой Зеландии в 1866–1976 гг. содержится в статье Ч. Седжвика¹². Глубокий обзор правительственной политики и расовых отношений применительно к китайским мигрантам представила Маньин Ип¹³. Она же рассмотрела эволюцию идентичности китайских мигрантов в Новой Зеландии¹⁴, выявила специфику взаимодействия между ними и коренным народом маори¹⁵. Из исследований 2010-х гг. следует особо выделить главу «Новая китайская иммиграция в Новую Зеландию: политика, иммиграционные паттерны, мобильность и восприятие» в монографии «Современная китайская диаспора», подготовленную Ляни Лю¹⁶. В работе Э. Батчера рассматриваются

1 Малаховский 1973.

2 Малаховский 1981.

3 Савельева 1994.

4 Жбанов 1994.

5 Олейников, Олтаржевский 2008.

6 Портяков 2010.

7 Анохина 2012, 175–180.

8 Стефанчук 2014.

9 Олейников et al. 2014, 102–108.

10 Сведенцов 2022.

11 Fong 1959.

12 Sedgwick 1985.

13 Ip 2013.

14 Ip 2006.

15 Ip 2003.

16 Liu 2017, 233–259; Liu, Wu 2017.

долгосрочные вызовы, с которыми Новая Зеландия сталкивается как внутри страны, так и на международном уровне: в отношениях с государствами Азии, в том числе и с Китаем¹.

Рассматривая развитие китайской диаспоры в Новой Зеландии, можно отметить, что эта проблема в современной историографии проанализирована не в полной мере. В настоящей работе приведена историческая справка о китайских иммигрантах в Новой Зеландии, показана специфика взаимодействия волн китайской миграции с мультикультурным новозеландским обществом, отражены особенности использования китайской диаспоры в контексте внутренней и внешней политики Новой Зеландии и в отношениях между Новой Зеландией и Китаем.

В настоящей статье под китайскими мигрантами будут пониматься в основном новозеландские китайцы, появившиеся в стране в результате трех миграционных волн: 1) в XIX – начале XX вв. – в ходе трудовой миграции из южных китайских провинций; 2) в 1930-х – начале 1950-х гг. – в результате Второй мировой и гражданской войн; 3) в конце 1980-х гг. – в связи с процессами глобализации и экономического развития в Китае². Современная китайская миграция из Сянган (Гонконга), Аомынь (Макао) и Тайваня, как и из зоны «Большого Китая» (Сингапур и страны Юго-Восточной Азии), в данной статье не затрагивается, так как этот вопрос требует отдельного изучения в силу иных причин миграции, квалификационной и демографической структуры миграционного потока.

Китайская диаспора в Новой Зеландии: исторический обзор

Китайцы начали появляться в Новой Зеландии в начале 1850-х годов. Увеличения числа мигрантов из империи Цин не наблюдалось вплоть до начала разработки золотоносных месторождений в провинции Отаго в 1860-е годы. В 1867 г. в южной колонии Британии находилось 1219 китайцев, а в 1874 г. – 4816³.

Британские колонисты относились к прибывавшим китайцам негативно: «В 1857 г. в Нельсоне организовался антикитайский комитет для борьбы с “монгольскими подданными”, хотя в районе Нельсона не было тогда ни одного китайского иммигранта»⁴.

Отрицательное отношение жителей Новой Зеландии формировалось благодаря интенсивному притоку иммигрантов из цинского Китая, что можно объяснить расовыми и экономическими причинами. Сами колонисты утверждали, что ими движет «...не антипатия к китайской культуре или китайской нации, а осознание угрозы происходящего процесса для безопасности страны»⁵.

Член новозеландского парламента Р. Седдон в 1880 г. внес законопроект о запрете китайской иммиграции. Он не был принят, так как с экономической точки зрения препятствовал ввозу дешевых трудовых ресурсов, в которых

1 Butcher, 2010.

2 Олейников et al. 2014, 104–144; Сведенцов 2022, 76.

3 Малаховский 1981, 84.

4 Малаховский 1973, 72.

5 Ibid.

нуждалась стремительно развивающаяся новозеландская промышленность. Законы об ограничении китайской иммиграции становились все жестче. В 1881 г. был введен закон о «подушном налоге». В 1882 г. из-за истощения золотосодержащих провинций китайцы прекратили добывать золото в Новой Зеландии¹. В изменившейся ситуации выходцы из Китая стали заниматься огородничеством и садоводством, мелкой торговлей, стиркой белья. В стране насчитывалось «200 китайских прачечных и 200 бакалейных лавок»².

В 1889 г. парламент Новой Зеландии ввел закон об ограничении иммиграции в отношении как китайцев, так и прочих азиатов³. С 1907 г. китайцы, приезжающие в Новую Зеландию, должны были проходить специальное языковое тестирование на способность читать по-английски. В 1920 г. новозеландским правительством был принят акт об ограничении иммиграции, согласно которому для въезда в страну требовалось получить письменное разрешение. Однако новый закон отменил ограничения в виде языкового тестирования для китайских иммигрантов, оставив без изменения размер въездной пошлины в 100 фунтов. В 1935 г. были введены меры по ограничению въезда иммигрантов из Китая в рамках «воссоединения семей» – не более десяти человек в год. Вследствие этого изменилась интенсивность китайской иммиграции. Схожие тенденции проявлялись и на пятом континенте, где была провозглашена политика «белой Австралии»⁴. Столь жесткий подход в отношении азиатской миграции был связан с воздействием общего дискурса «желтой угрозы», который стремительно распространялся по Европе и проникал в колонии и доминионы Британии, к которым относилась и Новая Зеландия.

Китайская диаспора в Новой Зеландии до Второй мировой войны была представлена преимущественно мужчинами. Их семьи оставались в Китае, поэтому в качестве причины для запрещения дальнейшего въезда в страну выдвигалось обвинение этих мужчин в «аморальном» поведении⁵. Чтобы легче закрепиться в Новой Зеландии, некоторые из них женились на маорийках⁶.

Только в феврале 2002 г. на праздновании Нового года по китайскому календарю премьер-министр Новой Зеландии Х. Кларк официально принесла извинения представителям китайской общины, платившим подушевой налог и подвергавшимся гонениям и дискриминации⁷.

По состоянию на 2025 г. в Новой Зеландии действует Общество новозеландско-китайской дружбы, поддерживающее контакты с Китаем⁸. В 1934 г. для гармонизации и единства китайской диаспоры в Новой Зеландии, нивелирования столкновений между ее частями, отстаивания прав и свобод китайские сообщества и организации сформировали Ассоциацию новозеландских китайцев. Борьба Китая с Японией во время Второй мировой войны оказала влияние на

1 Малаховский 1973, 73; Жбанов 1994; Стефанчук 2014.

2 Стефанчук 2014, 109.

3 Ковалева et al. 2013.

4 Пузыня 2009.

5 Малаховский 1981, 86.

6 Ip 2003.

7 Helen Clark, "Address to Chinese New Year Celebrations," The New Zealand Government, February 12, 2002, accessed April 17, 2025, <https://www.beehive.govt.nz/speech/address-chinese-new-year-celebrations>; Попряков 2010, 166.

8 "New Zealand – China Friendship Society," accessed April 20, 2025, <https://nzchinasociety.org.nz/>.

отношение к китайской диаспоре среди европейской части новозеландского общества.

После начала японо-китайской войны в 1937 г. жены и дети китайцев, работавших в Новой Зеландии, получили право въезда и постоянного пребывания на территории государства в качестве беженцев. Предполагалось, что они возвратятся в Китай после установления мира¹. В 1944 г. для китайцев, прибывающих в Новую Зеландию, была отменена въездная пошлина. В 1947 г. были введены более мягкие требования к проживанию китайцев в Новой Зеландии, которые не рассматривались как элемент «желтой угрозы». Право постоянного пребывания было дано тем китайцам, чьи жены и дети прибыли в Новую Зеландию после 1937 г., а также тем, кто родился в Новой Зеландии или, будучи студентом, прожил в стране более пяти лет.

Провозглашение Китайской Народной Республики в октябре 1949 г. после длительной гражданской войны сделало возвращение в Китай невозможным для большей части новозеландских китайцев. Произошел разрыв связей китайской диаспоры с родиной, в том числе и из-за фактора холодной войны. Китайцы были вынуждены активно встраиваться в принимающее общество Новой Зеландии и постепенно формировать классические «предпринимательские меньшинства», аналогичные тем, которые появлялись в государствах Арабского Востока и Тропической Африки².

Китайцы в Новой Зеландии: тенденции конца XX – первых десятилетий XXI века

Следует рассмотреть проблему идентичности диаспоры новозеландских китайцев и проанализировать различия между поколениями иммигрантов из Китая, а также охарактеризовать их постепенное встраивание в общество Новой Зеландии, в котором развиваются тенденции мультикультурализма.

Еще в начале 1970-х гг. в Новой Зеландии началось обсуждение вопроса о трансформации миграционной политики в отношении выходцев из Азии. К этому подталкивали изменения на международной арене, связанные со сближением США и Китая, а также последствия экономического кризиса, распространявшиеся в странах Запада, к которым относилась и Новая Зеландия. 22 декабря 1972 г. были установлены дипломатические отношения между Новой Зеландией и Китаем³. Премьер-министр Новой Зеландии Н. Кирк, отметил, что Китай входит в основной поток мировой политики, играет важную роль в ООН, а его влияние в Азии и странах Тихого океана велико и будет возрастать, поэтому для Новой Зеландии логично и благоразумно признать Китайскую Народную Республику и установить с ней полноценные дипломатические отношения⁴. Впоследствии на фоне качественного улучшения отношений между государствами новозеландский премьер-министр заявил об активизации восточноазиатского и тихоокеанского направления внешней политики и предложил разработать новый

1 Roy 1966, 38.

2 Подробнее см.: Дятлов 1996.

3 Scott 1991, 250.

4 Ibid., 251.

подход к миграции с учетом профессиональных качеств иммигранта, а не его расы и цвета кожи.

В 1986 г. политика в отношении миграции была пересмотрена: был отменен приоритет для Британии, традиционного источника мигрантов. Миграционная политика отныне выстраивалась на основе либеральных принципов: меритократии и отказа от какой-либо дискриминации на основе расового, национального или этнического происхождения¹. Поощрялся приток в страну квалифицированных специалистов, бизнесменов. Иммиграция рассматривалась как инструмент для привлечения инвестиций из стран Азии и обеспечения экономического роста. Вследствие этого количество мигрантов из Китая в Новую Зеландию стало постепенно увеличиваться. Е.С. Анохина отмечает, что «за период 1991–1996 гг. количество этнических китайцев в Новой Зеландии выросло с 44,7 тыс. до 81,3 тыс. человек. В 1996 г. порог для иммиграции был повышен, однако это не остановило рост китайского населения страны, к 2006 г. его численность превысила уже 147,5 тыс. человек»².

В начале 1990-х гг. в Новую Зеландию прибывали в основном выходцы из Сян-гана (Гонконга) и Тайваня (в том числе и из-за опасений в связи с грядущим присоединением Гонконга к Китаю). К концу 1990-х гг. приток иммигрантов из Китая возрос. В условиях холодной войны границы Китая были закрыты вплоть до начала политики реформ и открытости внешнему миру в конце 1970-х годов. Правительство Китая стало отправлять исследователей, специалистов и студентов за границу, ожидая, что после получения необходимых навыков они возвратятся в страну.

В начале 2000-х гг. было реализовано очередное изменение иммиграционной политики Новой Зеландии – произошел резкий рост численности иммигрантов из Китая, в том числе благодаря улучшению экономического благосостояния этнических китайцев. В дальнейшем происходили колебания численности китайских иммигрантов в силу изменения иммиграционных правил и введения новых требований к квалификации мигрантов, а также особых программ для инвесторов и представителей бизнеса.

Важной частью китайской диаспоры в стране являются молодые люди, прибывшие в Новую Зеландию из Китая по студенческим визам, чтобы получить образование. «Китайские студенты для Новой Зеландии являются важнейшим источником иностранных обучающихся»³ – они стремятся получить «западный диплом», который будет котироваться на китайском рынке труда так же, как приобретенный опыт и расширенный кругозор⁴. Присутствует и возвратная миграция в Китай: рынок труда и возможности для развития бизнеса в малом государстве Запада по сравнению с Китаем ограничены, сказывается и «предоставление властями КНР хороших материальных условий и карьерных возможностей возвращающимся из-за границы ученым и выпускникам вузов»⁵. Китайские студенты, получив образование, возвращаются на родину для помощи пожилым

1 Liu 2017, 233.

2 Анохина 2012, 179.

3 "China. 2025," New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade, 2025, accessed March 22, 2025, <https://www.mfat.govt.nz/en/countries-and-regions/asia/china#bookmark3>.

4 Liu 2017, 242.

5 Портяков 2010, 168.

родителям. Среди групп, из которых состоит китайская диаспора, следует выделить «киви-китайцев» – потомков первой волны мигрантов из империи Цин XIX в., проживающих в аграрных районах страны. Основные виды занятости – садоводство, торговля, рестораны с китайской кухней. Отмечается, что «киви-китайцы» родом из традиционных семей, мигрируя, пользовались семейной поддержкой, займами, помощью в изучении новых навыков»¹. Новозеландские «киви-китайцы» иронично называют себя бананами («желтые снаружи, белые внутри»), что иллюстрирует проблему конструирования идентичности потомков иммигрантов в новозеландском обществе². О «киви-китайцах» в настоящее время публикуются материалы, фотографии и воспоминания в цифровых библиотеках Новой Зеландии³. Эта группа китайской диаспоры имеет преимущество в виде развитых социальных связей и контактов.

Китайские иммигранты конца 1990-х гг. – первых десятилетий XXI в. – это выходцы из мегаполисов: Пекина, Шанхая, Чжэнчжоу, Сианя и Тяньцзиня. Представители волн миграции конца 1980-х – 1990-х гг. численно превосходят «киви-китайцев» и сконцентрированы в районах Окленда и Крайстчерча на более теплом Северном острове. Процесс встраивания в принимающее новозеландское общество проходил для них стремительно, этому способствовали хорошее образование, опыт городской жизни, финансовая стабильность и навыки, благодаря которым они смогли оказаться на территории Новой Зеландии. К тому времени иммиграционная политика государства была направлена на привлечение молодых профессионалов. Прибытие новой волны иммигрантов из Китая оказало влияние на структуру китайской диаспоры в стране. «Новые» китайские мигранты приезжают на новозеландские острова уже не в силу экономических причин, а в поиске более комфортного образа жизни, «зеленых пейзажей», качественного образования и здравоохранения, а уровень требований для въезда в страну и затраты на проживание ниже, чем в США, Канаде и Австралии⁴. Между собой представители различных волн китайской миграции общаются на английском языке – ведь потомки первых выходцев из южных провинций Китая говорят на кантонском диалекте, а представители недавних волн китайской миграции используют в общении между собой северокайский диалект.

Е.С. Анохина⁵ и Лянни Лю⁶ обращают внимание на феномен миграции в Новую Зеландию как форму статусного потребления для состоятельных китайцев⁷, которые стремятся защитить свой капитал, дать качественное образование детям, иметь доступ к незагрязненному воздуху и экологичным продуктам питания – происходит конвертация экономических ресурсов в социальный статус и престиж.

Среди китайских мигрантов становится больше женщин, в то время как мужчины средних лет активно действуют на рынке труда, реализуют бизнес-

1 Олейников, Олтаржевский 2008, 196.

2 Beattie 2007, 48.

3 "Chinese New Zealanders: Introduction," DigitalNZ, accessed April 10, 2025, <https://digitalnz.org/stories/6328fb-33764f44002e2ef959>; "Chinese New Zealanders – a Dynamic History," National Library of New Zealand, 2024, accessed April 10, 2025, <https://natlib.govt.nz/blog/posts/chinese-new-zealanders-a-dynamic-history>.

4 Liu 2017, 241.

5 Анохина 2012, 180.

6 Liu 2017, 242.

7 В этом контексте применяется термин *тайкунжень* – от английского *tycoon* (магнат) и китайского *ren* (человек).

интересы в странах Юго-Восточной Азии, проживая в Новой Зеландии¹. Многие китайцы, прибывающие в страну, получив образование и опыт работы, впоследствии стараются перебраться в Австралию – этому способствуют тесные двусторонние отношения государств и достигнутый уровень интеграции, в том числе в области иммиграционного законодательства. В частности, между этими государствами действует взаимный безвизовый режим.

Этнические китайцы в Новой Зеландии в настоящее время занимают должности специалистов, менеджеров, инженерно-технических рабочих, административных сотрудников, водителей и операторов машин, продавцов и неквалифицированных рабочих². В отраслевой структуре занятости доминируют образовательные, медицинские, транспортные, коммуникационные и финансовые услуги, сферы недвижимости, производства, общественного питания и гостиничного бизнеса³. В рамках неоплачиваемой деятельности в домашних хозяйствах они занимаются работой по дому, приготовлением еды, садоводством, ухаживают за детьми, пожилыми и больными родственниками.

Трансформация новозеландской иммиграционной политики привела к изменению отношения к китайской диаспоре, ведь правительство «страны большого белого облака» планировало развивать более тесные связи с экономиками стран Восточной Азии, а использование социальных и деловых связей могло способствовать развитию интеграции по коммуникативному сценарию.

Таким образом, диаспора новозеландских китайцев фрагментирована, но китайская культура и цивилизационные традиции и практики продолжают воздействовать на ее членов. Многие из молодых китайцев пытаются восстановить связи с Китаем, изучая китайский язык и регулярно посещая эту страну.

Во второй половине XX в. новозеландские китайцы пытались получить социально защищенные специальности врача, юриста, инженера или архитектора. В первые десятилетия XXI в. часть китайской молодежи стала интересоваться творческими специальностями, становясь артистами, музыкантами, писателями, поэтами и блогерами. Эта тенденция вполне соотносится с выводами философа З. Баумана о том, что современный мир является текучим и жесткая, твердая идентичность паломника, характерная для эпох традиционного общества и модерна, в период постмодерна сменяется более актуальными и выгодными жизненными стратегиями игроков, туристов и «бродяг» – значение имеют не «жесткие», а «мягкие» навыки, более характерные для сферы услуг⁴.

Китайская диаспора в мультикультурном обществе Новой Зеландии

Китайские иммигранты, взаимодействуя с новозеландским обществом, преодолели период отчуждения конца XIX – начала XX вв., вызванного негативными настроениями властей Новой Зеландии. Развиваются экономиче-

1 Анохина 2012, 180.

2 "Chinese Not Further Defined," Stats NZ, accessed April 20, 2025, <https://tools.summaries.stats.govt.nz/ethnic-group/chinese-not-further-defined#2009>.

3 Анохина 2012, 179.

4 Бауман 1995.

ские отношения между Китаем и Новой Зеландией, китайцы становятся частью мультикультурного новозеландского общества.

В новозеландском обществе мультикультурализм начал развиваться под воздействием процессов глобализации в 1980-х годах. Однако мультикультурное общество островного государства не в полной мере толерантно по отношению к азиатским иммигрантам, в том числе и из Китая. Новозеландское общество первоначально было бикультурным и состояло из потомков британских колонистов и коренного населения – маори. Новые мигранты из Китая прохладно воспринимаются новозеландским обществом и медиасредой, как и их предшественники в XIX веке. С недоверием к китайцам относятся и представители коренного населения островов – маори. Статус маори в Новой Зеландии был признан в 1980-е гг., в то время как новые группы мигрантов (в том числе и китайцы) продолжают оставаться в положении «классических иностранцев». Однако маори полагают, что реализация «политики открытых дверей», благодаря которой китайцы и представители прочих национальностей оказались в Новой Зеландии, проводилась без должных консультаций с ними¹. Лянни Лю подчеркивает: «Среди маори популярно представление о том, что китайская иммиграция может поставить под угрозу их борьбу за восстановление своего престижа и суверенитет»². Вновь прибывшие иммигранты из Китая воспринимаются маори как конкуренты за рабочие места и культурная угроза, сказывается фактор ресентимента³, так как новозеландские китайцы, как правило, состоятельны (значение имеет не только феномен «тайкунжень», но и трудолюбие китайцев, которое улучшает их положение в обществе), что вызывает недовольство коренных жителей – маори. Китайцы, в свою очередь, полагают, что статус маори в Новой Зеландии предоставляет им много привилегий, маори зависят от социальной поддержки и ассоциируются с криминалом. Таким образом, происходит транзит бикультурного общества в мультикультурное, в котором бикультурная составляющая встраивается в мультикультурную рамку.

Китайское влияние как фактор внутренней политики Новой Зеландии

Присутствует и фактор политизации китайской иммиграции, становящийся элементом борьбы новозеландских политических партий. Так, новозеландский политик маорийско-шотландского происхождения У. Питерс использовал антикитайскую повестку в своей популистской предвыборной стратегии на парламентских выборах 1996 г., а поддержка националистической партии «Новая Зеландия прежде всего» благодаря такой риторике выросла с 3% в феврале до 28% в июле 1996 года. В рамках предвыборной кампании использовался следующий слоган: «Иммигранты – это незванные гости из чуждой культуры, которые толкают маори на самое дно»⁴. Он описывал маори как народ, в наибольшей степени страдавший в экономическом и образовательном плане, в то время как мигранты

1 Liu 2017, 251.

2 Ibid.

3 Ip 2003, 247.

4 Ibid., 244.

из Азии занимали места коренных жителей на рынке труда и в университетах. Отмечалось, что в иммиграционной игре проиграли именно маори, а также нетрудоустроенные пакеха¹, маргинализированные в своей стране. Маори полагают, что иммигранты не только высасывают экономические ресурсы, но и угрожают позициям аборигенов в обществе и политике Новой Зеландии².

Любопытно, что лозунги новозеландских популистов очень созвучны тенденциям, распространенным во втором и третьем десятилетиях XXI в. на другом берегу Тихого океана – в США. Так, И. Крастев и С. Холмс отмечают, что «страх перед “кражей рабочих мест” – прекрасный материал для популистских спекуляций, поскольку в нем воедино сплавляются страх перед иностранным вторжением и страх перед иностранной конкуренцией. Возможный рост числа претендентов на сокращающееся количество рабочих мест, естественно, беспокоит тех, чьи шансы на трудоустройство со временем снижаются. Однако паника перед иммиграцией имеет более глубокие корни, чем страх потерять работу и статус. Это касается потери идентичности»³. Исследователи добавляют: «Антииммигрантская политика очень эмоциональна, поскольку массовая иммиграция, реальная или вымышленная, угрожает смыть последние остатки воображаемого сообщества, и без того исторически достаточно лоскутного. Наш анализ предполагает, что идентичность наиболее ярко проявляется в чувствах, вызванных ощущениями чуждости и принадлежности. <...> Идентичность провоцирует клановые антагонизмы и даже смертельно опасные социальные конфликты только тогда, когда одна принадлежность, как правило к религиозной или этнической группе, играет такую важную роль в самосознании человека, что затмевает все иные, соперничающие с ней принадлежности. Трайбализм и фундаментализм являются такими эффективными политическими мобилизаторами постольку, поскольку на основе категорически одномерного различия между “ними” и “нами” они определяют, “кто мы такие”. В условиях экономического стресса или быстрых и непредсказуемых социальных изменений влияние этого различия на мотивацию человека возрастает»⁴.

Часть новозеландских китайцев, столкнувшись с националистическими тенденциями в рамках «антиазиатской кампании» 1996 г., начала покидать Новую Зеландию. Некоторые представители китайской диаспоры стали взаимодействовать с маори и в том числе с их старейшинами, впоследствии распространяя знания о народе среди новых представителей китайской иммиграции, в частности о «договоре Вайтанги», который был переведен и включен в специальное пособие, распространявшееся по китайским домовладениям в стране⁵.

Антикитайские настроения в новозеландском обществе вызваны демографическим фактором (*Таблица 1*): китайцы представляют собой четвертую по численности (после новозеландских европейцев, маори и выходцев с островов Океании) и быстрорастущую группу населения – 259,8 тыс. человек согласно

1 Пакеха – жители Новой Зеландии европейского происхождения.

2 *Ibid.* 2003, 245.

3 Крастев, Холмс 2020, 258.

4 *Ibid.*, 260.

5 *Ibid.* 2003, 247.

переписи населения 2023 года¹. Их средний возраст составляет 36,2 года, а проживают они в основном в Окленде, Веллингтоне, Уаикато, Кентерберри и Отаго². По месту рождения проживающих в стране китайцев доминируют государства Азии (68,8%), а на Новую Зеландию приходится 28,2%. Медианный персональный доход взрослого населения составляет 34,4 тыс. новозеландских долл. (41,5 тыс. новозеландских долл. для всего населения Новой Зеландии)³.

Таблица 1.

**ДОЛЯ НАСЕЛЕНИЯ ПО ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ: КИТАЙЦЫ
БЕЗ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ЭТНИЧЕСКИЕ
ГРУППЫ ВСЕГО НАСЕЛЕНИЯ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ,
ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСЕЙ (2013–2023), %**

**SHARE OF POPULATION BY AGE:
'CHINESE NOT FURTHER DEFINED' AND ETHNIC GROUPS
OF THE ENTIRE NEW ZEALAND'S POPULATION,
BASED ON CENSUSES (2013–2023), %**

Возрастная группа	Китайцы без дополнительного определения происхождения			Все население Новой Зеландии		
	2013	2018	2023	2013	2018	2023
до 15 лет	18,6	19,9	20	20,4	19,6	18,7
15–29 лет	28	24,7	18,9	19,9	20,5	19,4
30–64 года	44,7	46,1	48,8	45,4	44,6	45,3
65 лет и старше	8,6	9,4	12,2	14,3	15,2	16,6

Источник: составлено автором на основе данных с официального сайта *Stats NZ*, www.stats.govt.nz.

Постепенно представители китайской диаспоры начинают избираться в новозеландский парламент. Так, П. Вонг, член Национальной партии Новой Зеландии, в 1996–2011 гг. была первым представителем новозеландского правительства с китайскими корнями, занимая должности министра по делам национальностей и министра по делам женщин⁴. Однако ее карьера в правительстве завершилась обвинениями в коррупции: заявлялось, что она использовала официальный статус министра для содействия бизнес-интересам своего мужа в Китае. Адрес избирательного штаба П. Вонг был использован им в качестве юридического адреса коммерческих предприятий.

Примечательно, что во время парламентских выборов 2023 г. были опубликованы результаты исследования, согласно которому избиратели из числа этнических китайцев голосуют в основном за Национальную партию (70,9%), 13,4% поддерживают партию *ACT New Zealand*, 12,5% голосуют за Лейбористскую партию, а партии «зеленых» отдают предпочтение 1,4% избирателей⁵. Среди проблем, которые беспокоят новозеландских китайцев, следует выделить рост стоимости жизни, вопросы соблюдения закона и порядка, темпы экономического роста, расовое равенство, здравоохранение. К примеру, Д. Чен, родившаяся в Новой Зеландии ки-

1 "Chinese Not Further Defined," Stats NZ, accessed April 20, 2025, <https://tools.summaries.stats.govt.nz/ethnic-group/chinese-not-further-defined#2009>.
2 Ibid.
3 Ibid.
4 Butcher 2010, 145.
5 Liu Chen, "Opinion Polls Help Chinese Voters Engage in the Political Process," Radio New Zealand, March 21, 2023, accessed April 22, 2025, <https://www.rnz.co.nz/news/chinese/498430/opinion-polls-help-chinese-voters-engage-in-the-political-process>.

таянка и мать трехлетнего сына, обеспокоена проблемами роста стоимости жизни и образования: ее сын в течение восьми месяцев ожидал место в детском саду¹. Таким образом, привычный для жителей России имидж тихой и пасторальной Новой Зеландии размывается при более пристальном рассмотрении.

Из вышесказанного следует, что новозеландские китайцы постепенно и в результате длительных изменений стали играть роль «меньшинства-посредника» – предпринимателей, выполняющих роль посредников между доминирующей и подчиненной группами². Они, как правило, взаимодействуют с расовыми и этническими группами, отделенными от группы большинства, надеясь со временем вернуться в страну происхождения. Благодаря своему переселенческому статусу и прочным внутригрупповым связям меньшинства-посредники получают конкурентное преимущество в бизнесе, предприниматели минимизируют расходы на рабочую силу, используя членов семьи и этнических рабочих, которые интенсивно трудятся за незначительную заработную плату. Таким образом, «меньшинство-посредник» постепенно начинает занимать все более значимое положение в экономике. Происходит конфликт между различными частями принимающего общества, вызванный преимущественно экономическими, а не расово-культурными различиями, что видно на примере Новой Зеландии конца XIX – начала XX вв., когда конфликт разгорался по линии «англоновозеландцы – китайцы», а сто лет спустя новый виток межэтнических трений на экономической почве наблюдается уже между автохтонным народом маори и представителями китайской иммиграции и диаспоры. Конфликт идентичностей, описанный И. Крастевым и С. Холмсом, дополняют экономические опасения, в принимающем обществе конструируется образ угрозы, исходящей от представителей китайской диаспоры и иммигрантов, и соответствующий дискурс начинают использовать политические силы. Демографические изменения на рубеже первого и второго десятилетий XXI в. способствуют трансформации публичной политики Новой Зеландии, активизировалось использование антииммигрантской риторики, с помощью которой политическая партия «Новая Зеландия прежде всего» пыталась получить больше мест в парламенте. Возникают сложности в традиционных бикультурных отношениях: в уже сложившееся взаимодействие по линии «пакеха – маори» вмешиваются интересы диаспоры новозеландских китайцев, формируя новые проблемы при обсуждении национальной идентичности.

Китайская диаспора как фактор внешней политики Новой Зеландии

Новая Зеландия – классический пример «малого государства», балансирующего между интересами великих держав³. Китайская Народная Республика – важнейший торговый партнер островного государства, поэтому вполне естественно, что новозеландское правительство подключается к реализации китайских торго-

1 Liu Chen, Tom Blessen, "Asian Voters Highlight the Cost of Living and Crime as Top Election Concerns," Radio New Zealand, August 28, 2023, accessed April 22, 2025, <https://www.rnz.co.nz/news/chinese/496588/asian-voters-highlight-the-cost-of-living-and-crime-as-top-election-concerns>.

2 Bonacich 1973.

3 Нечаева 2023.

во-экономических предложений, в частности инициативы «Пояса и пути». С другой стороны, Новая Зеландия является частью западного мира, взаимодействуя в области торговли и безопасности с Австралией, Британией и США.

Еще перед проведением летних Олимпийских игр в Пекине в 2008 г. китайское правительство побуждало граждан за рубежом выступить в поддержку эстафеты олимпийского огня. Однако в странах Запада она периодически сталкивалась с протестами и демонстрациями в связи с нарушениями прав человека китайскими властями. Примечательно, что и в новозеландских Окленде и Веллингтоне проходили выступления против эстафеты, хотя олимпийский огонь не прибывал на территорию страны. Китайская диаспора провела в городах контрпротесты, оперативно реагируя на критику внутренних проблем страны¹.

В.Л. Сведенцов, анализируя опубликованный в 2019 г. доклад «Китай и эпоха стратегического соперничества», отметил: «Пекин поставил под свой контроль китаеязычные СМИ, китайскую общину и этнических китайских политиков в Новой Зеландии. Более того, авторы документа утверждают, что Китай путем слияний и поглощений различных компаний и налаживания партнерских связей между китайскими и новозеландскими организациями получил доступ к военным технологиям, коммерческим секретам и другой стратегической информации»². Далее автор отмечает, что алармистский доклад, подготовленный в Канаде, не вызвал особой тревоги среди экономической элиты³. Представляется, что фактор китайской финансовой помощи через представителей диаспоры в Новой Зеландии является элементом предвыборной риторики, используемой Лейбористской и Национальной партиями островного государства. Так, депутата новозеландского парламента Т. Макклея, поддерживавшего официальную позицию китайских властей по чувствительной уйгурской проблеме, обвинили в получении 100 тыс. долл. от китайского бизнесмена при посредничестве иностранной компании, зарегистрированной в Новой Зеландии⁴, а депутат от Национальной партии обвинялся в сотрудничестве с китайской разведкой. Ряд обвинений в продвижении интересов Китая был сделан новозеландской прессой и в отношении депутатов от Лейбористской партии. В декабре 2019 г. новозеландский парламент принял закон, запрещающий иностранное вмешательство во внутренние дела, спонсорская помощь политическим партиям и кандидатам из-за рубежа была ограничена 50 новозеландскими долларами.

Однако исполнительный директор Новозеландско-китайского совета С. Джакоби еще в 2018 г. иронично отметил: «...Некоторые комментаторы полагают, что китайское правительство активно ищет возможности, чтобы подорвать демократию Новой Зеландии и право новозеландцев свободно выражать свои взгляды. Шпионаж, сети интриг, использование мест на фермах, которыми владеют китайцы, для развития систем ракетного вооружения являются частью предлагаемого коктейля»⁵. Далее автор подчеркивает, что некоторые заметные члены китайского сообщества в Новой Зеландии сталкиваются с серьезной критикой их

1 Butcher 2010, 147.

2 Сведенцов 2022, 93.

3 Ibid., 95.

4 Ibid., 96.

5 Jacobi 2018, 21.

прошлых и настоящих связей с китайским правительством и Коммунистической партией Китая. Сети китайского сообщества описываются в прессе как канал для китайских представителей, стремящихся продвигать позитивный имидж Китая, разрушать систему принятия решений на местном уровне, финансировать новозеландские политические партии¹. Схожие дискуссии о «китайском следе» шли в конце второго десятилетия XXI в. и в Австралии, но новозеландская политическая культура иная: государство не является военным союзником США и поэтому реализует иные внешнеполитические установки, направленные на сотрудничество с мощным восточноазиатским партнером.

Еще одна проблема – экономическое усиление Китая в Новой Зеландии. Так, китайский бизнес в 2010 г. проявил интерес к покупке молочного предприятия *Crafar Farms* – по этому вопросу премьер-министр Новой Зеландии Д. Ки выразил опасения, что новозеландцы могут стать «арендаторами на собственной земле», и распорядился пересмотреть правила иностранных инвестиций². Управление по зарубежным инвестициям Новой Зеландии в итоге отказалось одобрить сделку по продаже *Crafar Farms* китайским инвесторам. Однако, как справедливо отмечает Э. Батчер, ирония этих споров заключается в том, что в сельскохозяйственном секторе Новой Зеландии присутствуют значительные американские и австралийские инвестиции, но активная медийная и политическая дискуссия по этому вопросу в стране не велась³. Таким образом, происходит игнорирование китайских инвестиционных интересов в Новой Зеландии при активизации торговли товарами и услугами в рамках двустороннего Соглашения о свободной торговле 2008 года.

В последнее время также ведется дискуссия о вовлечении китайских общин в Новой Зеландии в деятельность китайской разведки на территории страны и против нее – соответствующие данные содержатся в отчете Службы безопасности и разведки Новой Зеландии (NZSIS)⁴. По данным новозеландской спецслужбы, враждебная деятельность осуществляется посредством кибершпионажа, онлайн-пропаганды и дезинформации, однако ведомство подчеркивает, что следует проводить различие между китайским государством и жителями Новой Зеландии китайского происхождения.

В политических кругах Новой Зеландии используется дискурс о «китайском влиянии» как элемент внутривнутриполитической борьбы и ситуативного внешнеполитического позиционирования. Представляется, что алармистские заявления в новозеландской прессе по отношению к китайской диаспоре и иммигрантам имеют как внутренних, так и внешних адресатов. Внешними адресатами являются государства Запада (бывшая метрополия Британия и США), а также собственно Китай – с помощью использования жесткой риторики Новая Зеландия пытается реализовать свои внешнеполитические интересы в Океании и защитить

1 Jacobi 2018, 22.

2 Bernard Hickey, "Opinion: Why 'Save Our Farms' Is a Myopic and Xenophobic Campaign That Needs Debating," Interest, August 24, 2010, accessed April 25, 2025, <https://www.interest.co.nz/opinion/50451/opinion-why-save-our-farms-myopic-and-xenophobic-campaign-needs-debating>.

3 Butcher 2010, 148.

4 Alexander Martin, "New Zealand Intelligence Report Accuses China of Cyber-Enabled Interference," The Record, August 11, 2023, accessed April 27, 2025, <https://therecord.media/new-zealand-report-china-interference-cyber-intelligence>.

торгово-экономические интересы своих корпораций на китайском рынке. Новая Зеландия балансирует между интересами великих держав. Лозунг «торговля – это наша кровь!» сохраняет актуальность, и торгово-экономические связи с Китаем являются значимыми для малого государства.

Заключение

С середины XIX в. китайская диаспора является важным элементом внутренней и внешней политики Новой Зеландии – вначале коронной колонии, доминиона Британии, а впоследствии независимого государства. Китайцы в Аотеароа («стране длинного белого облака») прошли долгий и сложный путь встраивания в принимающее общество: против них работал дискурс о «желтой угрозе», разделявшийся «просвещенными» государствами Запада, долгое время они находились на второстепенных ролях, занимаясь мелкой торговлей и сельскохозяйственной деятельностью, и не принимали активного участия в политической и культурной жизни страны. Представляет интерес специфика взаимодействия китайцев и маори, полагающих, что выходцы из Азии не только являются конкурентами за рабочие места, но и размывают исходную идентичность, поскольку являются проводниками иной культуры, нехарактерной для островного государства. Происходит конфликт между «меньшинством-посредником», в качестве которого выступают китайцы, и автохтонным населением островного государства, что приводит к напряжению на национальной почве, которое сдерживается политикой мультикультурализма, реализуемой на государственном уровне.

Осторожная позиция Новой Зеландии по отношению к возможному китайскому влиянию вызвана позитивной динамикой торговых связей с Китаем, наличием комплексной экономической взаимозависимости¹. В то же время усиление Китая в Океании, традиционной и жизненно важной сфере интересов Новой Зеландии, вызывает необходимость нежесткого блокирования с традиционными партнерами на Западе: прежде всего с бывшей метрополией Британией и США. Таким образом, регулярное использование «китайской карты», включающее дискурс о влиянии китайской иммиграции и китайской диаспоры, является важным фактором внутривнутриполитической и внешнеполитической жизни Новой Зеландии, который применяется экономической и политической элитой малого государства как для предвыборной риторики и борьбы, в рамках которых активно используются популистские лозунги, так и для получения преференций в торговле и инвестиционном сотрудничестве с Китаем, а также для формирования гарантий безопасности при сохранении мягкого внеблокового статуса островного государства.

1 McKinnon 2019.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.
- Anderson, Benedict. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Moscow: Kuchkovo Pole, 2016 [In Russian].
- Анохина, Е.С. «Новая» китайская миграция и политика КНР по ее регулированию. Томск: ТГУ, 2012.
- Anokhina, Elena S. «Novaya» kitaiskaya migratsiya i politika KNR po ee regulirovaniyu. Tomsk: TGU, 2012 [In Russian].
- Бауман, З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133–154.
- Bauman, Zygmunt. "From Pilgrim to Tourist." *Sociologic Journal*, no. 4 (1995): 133–154 [In Russian].
- Дятлов, В.И. Предпринимательские меньшинства: торгаши, чужаки или посланные Богом? Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки. М.: Наталис, 1996.
- Dyatlov, Victor I. *Predprinimatel'skie men'shinstva: torgashi, chuzhaki ili poslannye Bogom? Simbioz, konflikt, integratsiya v stranakh Arabskogo Vostoka i Tropicheskoi Afriki*. Moscow: Natalis, 1996 [In Russian].
- Жбанов, С.В. Китайская иммиграция в Новую Зеландию // Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири. Тезисы докладов международной научно-практической конференции 6–8 октября 1994 г. Иркутск: ИГУ, 1994. С. 69–72.
- Zhbanov, Sergey V. "Kitaiskaya immigratsiya v Novuyu Zelandiyu." In *Diapory v istoricheskom vremeni i prostranstve. Natsional'naya situatsiya v Vostochnoi Sibiri. Tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 6–8 oktyabrya 1994 goda*, 69–72. Irkutsk: IGU, 1994 [In Russian].
- Ковалева, Т.А., Нестеркин, В.Д., Нечаев, В.С., Линдер, В.И., Панов, С.В., Степанова, П.М., Звезгинцева, И.А. Новая Зеландия // Осипов, Ю.С. (гл. ред.) Большая российская энциклопедия. Том 23. Николай Кузанский – Океан. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2013. С. 113–127.
- Kovalyova, Tatyana A., Viktor D. Nestyorkin, Vasily S. Nechayev, Vladimir I. Linder, Sergey V. Panov and Irina A. Zvegintseva. "New Zealand." In *Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya. Tom 23. Nikolai Kuzanskii – Okean*, edited by Yuri S. Osipov, 113–127. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya, 2013 [In Russian].
- Крастев, И., Холмс, С. Свет, обманувший надежды: Почему Запад проигрывает борьбу за демократию. М.: Альпина Паблишер, 2020.
- Krastev, Ivan, and Stephen Holmes. *The Light that Failed: A Reckoning*. Moscow: Alpina Publisher, 2020 [In Russian].
- Малаховский, К.В. Британия южных морей. М.: Наука, 1973.
- Malakhovsky, Kim V. *Britaniya yuzhnykh morei*. Moscow: Nauka, 1973 [In Russian].
- Малаховский, К.В. История Новой Зеландии. М.: Наука, 1981.
- Malakhovsky, Kim V. *Istoriya Novoi Zelandii*. Moscow: Nauka Press, 1981 [In Russian].
- Нечаева, В.С. Внешнеполитические установки партий Новой Зеландии сквозь призму концепции «малого государства» // Клио-2022: Материалы Всероссийской ежегодной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Иркутск, 24–25 ноября 2022 г. / науч. ред. Е.А. Матвеева. Иркутск: ИГУ, 2023. С. 214–218.
- Nechaeva, Valentina S. "Vneshnepoliticheskie ustanovki partii Novoi Zelandii skvoz' prizmu kontseptsii «malogo gosudarstva»." In *Klio-2022: Materialy Vserossiiskoi ezhegodnoi nauchnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh, Irkutsk, 24–25 noyabrya 2022 goda*, edited by Elizaveta A. Matveeva, 214–218. Irkutsk: IGU, 2023 [In Russian].
- Олейников, И.В., Пузыня, Н.Н., Сучкова, А.А. Новая Зеландия и страны Восточной Азии: взаимоотношения в сфере политики, экономики и культуры. Иркутск: Издательство ИГУ, 2014.
- Oleynikov, Ilya V., Nikolay N. Puzynya, and Anna A. Suchkova. *Novaya Zelandiya i strany Vostochnoi Azii: vzaimootnosheniya v sfere politiki, ekonomiki i kultury*. Irkutsk: Izdatel'stvo IGU, 2014 [In Russian].
- Олейников, И.В., Олтаржевский, В.П. Проблема культурной идентичности китайской диаспоры в Новой Зеландии // Вестник Иркутского университета. Специальный выпуск. 2008. С. 195–197.
- Oleynikov, Ilya V., and Vladimir P. Oltarzhevsky. *Problema kul'turnoi identichnosti kitaiskoi diaspory v Novoi Zelandii*. "Vestnik Irkutskogo universiteta, Special Issue (2008): 195–197 [In Russian].
- Портяков, В.Я. Конференция в Новой Зеландии по проблемам зарубежных китайцев // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 1. С. 165–168.
- Portyakov, Vladimir Ya. "Conference in New Zealand on Overseas Chinese." *Far Eastern Affairs*, no. 1 (2010): 165–168 [In Russian].
- Пузыня, Н.Н. Политика «белой Австралии» и японский фактор // Британские доминионы: история и современность. Выпуск 2. Сборник научных статей / под ред. Э.А. Бабаева. Красноярск: КГПУ, 2009. С. 32–54.
- Puzynya, Nikolay N. "Politika «beloi Avstralii» i yaponskii faktor." In *Britanskii dominiony: istoriya i sovremennost'. Vypusk 2. Sbornik nauchnykh statei*, edited by Elchin A. Babaev, 32–54. Krasnoyarsk: KGPU, 2009 [In Russian].
- Савельева, Л.П. Переселенческая колония Новая Зеландия в контексте проблемы диаспоральности. Диаспоры в историческом времени и пространстве: национальная ситуация в Восточной Сибири / под ред. В.И. Дятлова, Л.М. Дамешек, А.А. Маглеева, Б.С. Шостаковича, В.Х. Харнахоева. Иркутск: ИГУ, 1994. С. 66–69.
- Savelieva, Ludmila P. "Pereselencheskaya koloniya Novaya Zelandiya v kontekste problemy diasporal'nosti." In *Diapory v istoricheskom vremeni i prostranstve: natsional'naya situatsiya v Vostochnoi Sibiri*, edited by Viktor I. Dyatlov, Lev M. Dameshek, Alexandr A. Magleev, Boleslav S. Shostakovich, and Viktor Kh. Kharnakhoev, 66–69. Irkutsk: IGU, 1994 [In Russian].
- Сведентов, В.Л. Китайская диаспора в Австралии и Новой Зеландии в контексте взаимоотношений Пекина с Канберрой и Веллингтоном // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 1 (70). С. 74–99. https://doi.org/10.52311/2079-3359-2022_1_74
- Svedentsov, Vladimir L. "Chinese Diasporas in Australia and New Zealand in the Context of Beijing's Relations with Canberra and Wellington." *National Strategy Issues* 1 (2022): 74–99. https://doi.org/10.52311/2079-3359-2022_1_74 [In Russian].
- Стефанчук, Л.Г. Китайцы в Новой Зеландии (первое знакомство и иммиграция) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. № 23. С. 98–116.
- Stefanchuk, Ludmila G. "The Chinese in the New Zealand (the First Acquaintance and Immigration)." *Southeast Asia: Actual Problems of Development*, no. 23 (2014): 98–116 [In Russian].

Шайн, Й., Барт А. Диаспоры и теория международных отношений. Современная наука о международных отношениях за рубежом: Хрестоматия в трех томах. Том 3 / под ред. И.С. Иванова. М.: НП РСМД, 2015. С. 961–995.

Shain, Yossi, and Aharon Barth. "Diasporas and International Relations Theory." In *The Modern Science of International Relations Abroad. The Textbook*, edited by Igor S. Ivanov, 3: 961–995. Moscow: NP RIAC, 2015 [In Russian].

Beattie, James. "Growing Chinese Influence in New Zealand: Chinese Gardens, Identity and Meaning." *New Zealand Journal of Asian Studies* 19, no. 1 (2007): 38–61.

Bernardelli, Harro. "New Zealand and Asiatic Migration." *Population Studies* 6, no. 1 (1952): 39–54.

Bonacich, Edna. "A Theory of Middleman Minorities." *American Sociological Review* 38, no. 5 (1973): 583–594.

Butcher, Andrew. "Demography, Diaspora and Diplomacy: New Zealand's Asian Challenges." *New Zealand Population Review* 36, no. 1 (2010): 137–157.

Fong, Ng Bickleen. *The Chinese in New Zealand: a Study in Assimilation*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 1959.

Ip, Manying. "Chinese Immigration to Australia and New Zealand: Government Policies and Race Relations." In *Routledge Handbook of the Chinese Diaspora*, edited by Tan Chee-Beng. London; New York: Routledge, 2013.

Ip, Manying. "Maori-Chinese Encounters: Indigene-Immigrant Interaction in New Zealand." *Asian Studies Review* 27, no. 2 (2003): 227–252.

Ip, Manying. "Returnees and Transnationals: Evolving Identities of Chinese (PRC) Immigrants in New Zealand." *Journal of Population Studies*, no. 33 (2006): 61–102.

Jacobi, Stephen. "Dancing with the Dragon." *New Zealand International Review* 43, no. 3 (2018): 20–23.

Liu, Liangni S. "New Chinese Immigration to New Zealand: Policies, Immigration Patterns, Mobility and Perception." In *Contemporary Chinese Diasporas*, edited by Min Zhou. Singapore: Palgrave Macmillan, 2017. <https://doi.org/10.1007/978-981-10-5595-9>.

Liu, Liangni S., and Xiaohan Wu. "New Chinese Migrants from China to New Zealand: Pathways, Mobility, Multigenerational Families and Policy Implications." In *New Chinese Migration: Mobility, Home and Inspirations*, edited by Koh Sin Yee, and Chan Yuk Wah. London: Routledge, 2017. <https://doi.org/10.4324/9781315163239>.

McKinnon, John. "New Zealand's China – Past, Present and Future." *New Zealand International Review* 44, no. 2 (2019): 2–6.

Roy, William T. "New Zealand Immigration Policy and External Affairs." *International Migration Review* 1, no. 1 (1966): 33–43.

Scott, John. "Recognising China." In *New Zealand in World Affairs. Volume 2. 1957–1972*, edited by Malcolm McKinnon, Wellington: New Zealand Institute of International Affairs, 1991.

Sedgwick, Charles P. "Persistence, Change and Innovation: the Social Organization of the New Zealand Chinese 1866–1976." *Journal of Comparative Family Studies* 16, no. 2 (1985): 205–229.

Smith, Anthony D. *Ethno-Symbolism and Nationalism: A Cultural Approach*. London; New York: Routledge, 2009.

Сведения об авторе

Олейников Илья Васильевич,

к.и.н, доцент, доцент кафедры политологии, истории и регионоведения
Иркутского государственного университета
664003, Россия, Иркутск, ул. К. Маркса, 1;

доцент кафедры международных отношений и таможенного дела
Байкальского государственного университета
664003, Россия, Иркутск, ул. Ленина, 11

e-mail: ilyavasilich@yandex.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 15 апреля 2025.

Переработана: 20 мая 2025.

Принята к публикации: 9 июня 2025.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Олейников, И.В. «Драконы в стране длинного белого облака»: фактор китайской диаспоры в Новой Зеландии (очерк взаимодействия в мультикультурном обществе) // Международная аналитика. 2025. Том 16 (2). С. 11–29.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-2-11-29>

“Dragons in the Land of the Long White Cloud”: The Factor of Chinese Diaspora in New Zealand (An Essay on Interaction in a Multicultural Society)

ABSTRACT

The article dwells on the factor of Chinese diaspora in New Zealand. It makes the review of the key Russian and foreign studies on the issue. The article also reflects the historical background of Chinese immigration to New Zealand and specifies the formation of Chinese diaspora. The article highlights tendencies of Chinese activity in New Zealand in the late 20th – early 21st centuries. The peculiarities of embedding Chinese migrants in the multicultural New Zealand's society and the specifics of their interaction with indigenous Maori are shown. The article finds that there is a conflict between the Chinese, acting as an “intermediary minority”, and different parts of the host society. This conflict is caused by both economic differences and the factor of cultural identity. This article examines the debate about Chinese influence, which is an important component of New Zealand's domestic and foreign policy. The debate about Chinese influence through immigrants and the diaspora influences the positions of New Zealand political parties. In their election rhetoric, political forces often resort to populism and play the “China card” using the discourse of Chinese influence on the state's domestic and foreign policy. As a small state, New Zealand is interested in trade and investment preferences in its relations with China, as well as in the formation of security guarantees while maintaining a soft non-aligned status.

KEYWORDS

Chinese immigration, China, New Zealand, Chinese diaspora, New Zealand Chinese

Author

Ilya V. Oleynikov,

PhD (Hist.), Associate Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies,
Irkutsk State University

1, Karl Marx street, Irkutsk, Russia, 664003

Associate Professor, Department of International Relations and Customs
Baikal State University

11, Lenin street, Irkutsk, Russia, 664003

e-mail: ilyavasilich@yandex.ru

Additional information

Received: April 15, 2025. Revised: May 20, 2025. Accepted: June 9, 2025.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Oleynikov, Ilya V. “Dragons in the Land of the Long White Cloud”: The Factor of Chinese Diaspora in New Zealand (An Essay on Interaction in a Multicultural Society).”

Journal of International Analytics 16, no. 2 (2025): 11–29.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-2-11-29>

Китайская диаспора в США в условиях углубляющегося американо-китайского раскола

Яна Валерьевна Лексютина, ИККА РАН, Москва, Россия

Контактный адрес: lexyana@ya.ru

АННОТАЦИЯ

При исследовании миграционных потоков из Китая большое внимание традиционно уделяется Соединенным Штатам, которые рассматриваются как самое популярное направление китайской эмиграции. Ввиду взятого Вашингтоном в 2018 г. курса на «сдерживание» Китая и последовавшей за этим реализации конфликтного сценария американо-китайских отношений можно ожидать его воздействие как на миграционные потоки из Китая, так и на саму китайскую диаспору в США. Цель данной статьи состоит в комплексной оценке и характеристике влияния американской политики «сдерживания» Китая и ухудшения двусторонних отношений на китайскую диаспору в США. С привлечением статистических данных Бюро переписи населения США оценивается динамика численности китайской диаспоры с разбивкой на отдельные группы. С опорой на социологические опросы, проведенные разными исследовательскими центрами в США, дается ответ на вопрос о том, является ли китайская диаспора однородной в политических взглядах (включая мнения о политике китайского руководства, электоральные предпочтения) и служит ли проводником интересов китайского правительства в США.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

китайская диаспора, США, американцы китайского происхождения, иммиграция, американо-китайские отношения

Введение

Китайская диаспора за рубежом¹ в силу огромной численности (это крупнейшая в мире диаспора) и ярко выраженных отличий от других этнических диаспорных групп всегда находилась в центре внимания ученых по всему миру. По мере роста китайской экономики и комплексного усиления Китая интенсифицировался интерес к изучению истории миграции, демографии, социально-экономического профиля, структуры семьи и организации сообщества, сохранения и изменения культурного наследия и многих других аспектов функционирования этой этнической группы в зарубежных обществах.

В Соединенных Штатах проживает наибольшее количество этнических китайцев за пределами Азии, оцениваемое ныне в 5,8 млн человек². Сейчас китайцы являются старейшей и крупнейшей группой среди азиатских диаспор и одной из трех основных групп иммигрантов в США. Интерес к изучению китайской диаспоры в США велик. Однако нельзя не обратить внимание на то, что среди многочисленных исследований, посвященных китайской диаспоре в США, преобладающий пласт представлен работами, в которых раскрываются такие исследовательские вопросы, как история китайской миграции в США, современное состояние и трансформация сообщества китайских иммигрантов в стране, включение и интеграция китайских иммигрантов в американское общество, вопросы образования, занятости, опыта работы, семейной жизни, имущественного положения и социальной мобильности китайских иммигрантов³. В весьма ограниченном числе исследовательских работ раскрываются вопросы политических взглядов и поведения представителей китайской диаспоры в США, их электоральных предпочтений, политической активности и вовлеченности, рассмотрения их как групп давления в процессе лоббирования интересов правительства Китая в США. И, наконец, совсем мало исследований сфокусировано на изучении китайской диаспоры как фактора развития американско-китайских отношений или на изучении того, как состояние американско-китайских отношений влияет на социальный статус американцев китайского происхождения и отношение к китайской диаспоре в США. Среди немногочисленных работ, посвященных именно этим политическим сюжетам, можно выделить публикации Инь Сяохуана и Лань Чжюна⁴, Чжао Чжэньчжэня и Сунь Вэя⁵, Хой Ок Чена⁶, Лю Цзяци⁷, Лень Пэйтэ⁸, Я. Миси-

1 В китайском языке есть специальные термины для обозначения китайской зарубежной диаспоры («хуацяо»), этнических китайцев, родившихся и воспитанных за границей («хуайи»), американцев китайского происхождения («мэйго хуажэнь»). В США распространенными наименованиями для обозначения американцев китайского происхождения является *Chinese Americans*, а для родившихся в США китайцев – *ABC* или *American Born Chinese*; именно они используются в американских статистических документах и экспертной литературе.

2 "Selected Population Profile in the United States," US Census Bureau, 2019–2023, accessed April 22, 2025, <https://tinyurl.com/mrc5mjzu>.

3 Kwong, Mischevic 2005; Гарусова et al. 2018; Анохина 2012; Min 2009; Lu et. al. 2013; Guo 2013; Kim et al. 2015; Chung 2013.

4 Yin 1999; Yin, Lan 1997.

5 Zhao, Sun 2010.

6 Hoi Ok Jeong 2017.

7 Liu 2022.

8 Lien 2007.

уна¹, В.Б. Кашина², Я.В. Лексютиной³, Чэнь Ипина и Инь Чжаои⁴, Чэнь Хуэйяна и Чао Лунци⁵, Ян Юэхуэя⁶.

Изучение указанных сюжетов приобретает особое значение в свете развивающегося конфликтного сценария развития американско-китайских отношений ввиду взятого Вашингтоном в 2018 г. долговременного курса на «сдерживание» Китая. Ответов требует целый ряд исследовательских вопросов. Как именно американская политика «сдерживания» Китая влияет на китайскую диаспору в США? Происходит ли сокращение китайской иммиграции в США и возвращаются ли этнические китайцы из США обратно в Китай? С какими формами дискриминации американцы китайского происхождения сталкиваются в современных условиях? Насколько уместно говорить о том, что китайская диаспора однородна в политических взглядах и служит проводником интересов правительства КНР в США? Способны и хотят ли американцы китайского происхождения переломить центробежные тенденции в развитии американско-китайских отношений? Цель данной статьи состоит в оценке и характеристике влияния американской политики «сдерживания» Китая и напряженности в американско-китайских отношениях на китайскую диаспору в США.

Американцы китайского происхождения в США: численность, волны миграции и характеристики

Одной из самых быстрорастущих диаспорных групп в США являются американцы азиатского происхождения (*Asian Americans*). С 2013 по 2023 гг. их численность возросла с 18,9 до 24,8 млн человек, а доля в общем количестве жителей США увеличилась почти на 24% и составила 7,4%⁷. Наиболее многочисленной диаспорой⁸ среди американцев азиатского происхождения⁹ является китайская. Численность американцев китайского происхождения в 2023 г. достигла 5,8 млн человек (см. *Таблицу 1*) и составила почти четверть (23%) всех американцев азиатского происхождения. Китайская диаспора является сейчас девятой по величине в США после диаспор из Германии, Мексики, Великобритании, Ирландии, Италии, Польши, Пуэрто-Рико и Франции¹⁰.

1 Misiuna 2018.

2 Кашин 2005.

3 Лексютина 2009.

4 Chen, Yin 2019.

5 Chen, Chao 2021.

6 Yang 2013.

7 Здесь и далее, если не обозначено иное, статистические данные приводятся по: "Selected Population Profile in the United States."

8 К китайской диаспоре в американской статистике принято относить как тех, кто указал китайское происхождение (родившиеся в США), так и китайских иммигрантов (их еще называют «родившиеся за границей»: это могут быть натурализованные граждане, легальные постоянные иммигранты, беженцы и лица, получившие убежище, законные неиммигранты, включая тех, кто имеет студенческие, рабочие или другие временные визы, а также лица, проживающие в стране без разрешения).

9 Подразумеваются получившие гражданство и постоянный вид на жительство.

10 Madeleine Greene, and Jeanne Batalova, "Chinese Immigrants in the United States," MPI, January 15, 2025, accessed April 7, 2025, <https://www.migrationpolicy.org/article/chinese-immigrants-united-states>.

Таблица 1.

КИТАЙСКАЯ ДИАСПОРА В США (2019–2023), МЛН ЧЕЛ.
CHINESE DIASPORA IN THE U.S. (2019–2023), MLN

Демографические группы	2019	2021	2022	2023
американцы китайского происхождения, из них:	5,398	5,549	5,789	5,788
рожденные в США	2,218	2,483	2,640	2,630
рожденные за границей, из них:	3,180	3,065	3,149	3,158
натурализованные	1,858	1,856	1,900	1,904
не имеют гражданства США	1,322	1,209	1,249	1,254

Источник: составлено автором на основе данных с официального сайта *US Census Bureau*, www.data.census.gov.

Китайские иммигранты (в том числе из Гонконга и Макао) представляют третью по величине группу национального происхождения среди приехавших в США, уступая только иммигрантам из Мексики и Индии. Соединенные Штаты являются основным местом назначения для китайских иммигрантов во всем мире: на середину 2020 г. на них приходилось около 28% из 8,6 млн китайцев, которые обосновывались за пределами Китая (включая Гонконг и Макао). Другие популярные направления китайской иммиграции – Канада (930 тыс.), Южная Корея (803 тыс.), Япония (776 тыс.), Австралия (764 тыс.) и Сингапур (514 тыс.)¹.

На 2023 г. численность китайских иммигрантов составляла около 5% от 47,8 млн всех иммигрантов в США². Китайская иммиграция в США динамично росла в течение последнего десятилетия, но еще быстрее в последние несколько лет увеличивалось число граждан Китая, пытающихся нелегально пересечь американскую границу. Так, число задержанных при попытке нелегального пересечения американо-мексиканской границы увеличилось с 2200 в 2022 г. до 24300 в 2023 г. и 38200 человек в 2024 г., а на американо-канадской границе почти удвоилось – с 6700 в 2022 г. до 12400 два года спустя³. Число задержанных за попытку нелегального въезда в США только в 2023 г. превышает суммарные показатели за предыдущие 10 лет⁴.

Этот резкий миграционный всплеск является лишь самым последним в долгой и сложной истории китайской иммиграции в США. В ней, в соответствии со степенью регулирования американским законодательством, можно выделить несколько крупных исторических периодов с конца 1840-х гг. как отправной точки массовой китайской иммиграции в США. Для *первого* этапа (1848–1881) была характерна неограниченная китайская иммиграция, побудившая Вашингтон принять Закон об исключении китайцев 1882 г., который считается одним из первых крупных иммиграционных ограничений в США. На протяжении *второго* этапа (1882–1943) в соответствии с указанным законом действовал запрет на китайскую трудовую иммиграцию в США (запрет не распространялся на дипломатов, студентов, учителей и туристов⁵) и натурализацию уже проживавших в стране

1 Madeleine Greene, and Jeanne Batalova, “Chinese Immigrants in the United States.”
2 Ibid.
3 Ibid.
4 Miranda Wilson, “Chinese Immigration to the United States: Past, Present, and Future,” US-China Perception Monitor, May 24, 2024, accessed April 18, 2025, <https://uscnpm.org/2024/05/24/chinese-immigration-to-the-united-states-past-present-and-future/>.
5 Гапусова et al. 2018, 11.

китайцев. На *третьем* этапе (1944–1965) иммиграция осуществлялась по квотам. На *четвертом* (с 1965 г. по настоящее время) – на равноправной основе после принятия Закона об иммиграции и гражданстве 1965 г., устранившего барьеры для неевропейских иммигрантов¹.

Со второй половины 1960-х гг. стала развиваться так называемая «вторая волна» китайской иммиграции в США. Сначала это были преимущественно выходцы из Гонконга (сегодня эта группа составляет около 10% проживающих в США китайцев), а в 1978 г. после того, как власти КНР решили снять миграционные ограничения и открыть экономику, в США хлынул поток иммигрантов из материкового Китая. В результате в 1980–1990 гг. их число почти удвоилось, увеличившись с 299 до 536 тысяч². Если более ранние миграционные потоки формировали мигранты, переезжавшие в США в поисках лучших экономических возможностей (это характерно для «первой волны» миграции) или бежавшие по политическим причинам и имевшие неоднозначную лояльность к режиму в родной стране (например, диссидентские волны миграции, особенно после событий на площади Тяньаньмэнь 1989 г.), то более поздние миграционные потоки в XXI в. были обусловлены экономическим ростом Китая, формированием там нового среднего класса, что привело к увеличению среди иммигрантов числа бизнесменов и студентов, имеющих более тесные связи со страной происхождения.

Как отмечают специалисты, в отличие от тех, кто прибыл в XIX в., и в отличие от других иммигрантов в США, китайские иммигранты «второй волны», как правило, хорошо образованы, обладают высокой квалификацией и имеют более высокие доходы. Так, Китай занимает одно из первых мест в списке стран происхождения иностранных студентов и обладателей временных виз для высококвалифицированных иностранных специалистов (*H-1B*). При этом китайские иммигранты, как правило, немного старше других иммигрантов³. В срезе территориального распределения по состоянию на 2019–2023 гг. половина китайских иммигрантов проживала в Калифорнии (32%) или Нью-Йорке (18%)⁴.

Граждане с китайскими корнями являются не только самой большой группой среди американцев азиатского происхождения, а также более образованной, квалифицированной и обеспеченной, но и отличаются такой характеристикой, как склонность к поддержанию культурных и языковых связей с родиной. Так, например, китайским языком свободно владеют 44% родившихся в США американцев китайского происхождения, что контрастирует, например, с 13% американцев филиппинского происхождения или 18% американцев японского происхождения, владеющих родным для них языком⁵.

Характеризуя китайскую диаспору в США, стоит учитывать, что, в отличие от других иммигрантских сообществ, массовое прибытие китайцев – явление

1 Min, Kim 2006, 231.

2 Misiuna 2018, 161.

3 Madeleine Greene, and Jeanne Batalova, "Chinese Immigrants in the United States," MPI, January 15, 2025, accessed April 7, 2025, <https://www.migrationpolicy.org/article/chinese-immigrants-united-states>.

4 Ibid.

5 Liu 2020, 2.

относительно недавнее. Так, по данным переписи населения 1990 г., более 69% американцев китайского происхождения были рождены за границей. Как следует из статистики Бюро переписи населения США, на 2023 г. 3,2 млн человек или 55% всех американцев китайского происхождения родились за границей и только 2,6 млн были рождены в США (см. *Таблицу 1*). При этом среди рожденных за границей доля приехавших в США до 2000 г. составляет 44%, с 2000 по 2009 гг. – 20,9%, с 2010 г. – 35,1%. Среди родившихся за границей американцев китайского происхождения 1,9 млн человек (см. *Таблицу 1*), или 59%, были натурализованы, т.е. получили американское гражданство и право голосовать. В 2023 г. около 25 тыс. китайских иммигрантов стали гражданами Соединенных Штатов. Это число соответствует показателям предыдущих лет: от 20 до 30 тыс. иммигрантов ежегодно становились натурализованными гражданами в период с 2020 по 2022 год¹.

Китайская диаспора: отношение к Китаю и роль в развитии американо-китайского взаимодействия

Американцы китайского происхождения представляют собой очень разнородную диаспорную группу. Так, китайские иммигранты XIX в. и периода после 1965 г. заметно отличаются друг от друга. Как отмечает Л. Чэн, «среди американцев китайского происхождения есть... люди, которые гордятся, когда белые американцы хвалят их за свободное владение английским, на изучение которого они потратили двадцать лет, и те, кого возмущает тот же комплимент, потому что английский – их родной язык»². Американцы китайского происхождения различаются по месту их исходной точки иммиграции в США (это иммигранты из Китайской Народной Республики и других частей мира), социально-экономическому статусу, политическим взглядам и по отношению к современному Китаю. С одной стороны, любая их классификация будет основана на довольно грубом упрощении из-за значительного количества допущений и исключений, но с другой – все они являются носителями во многом схожего опыта жизни в США.

Исходя из их настроений по отношению к Китаю и степени интереса к американо-китайским отношениям, американцев китайского происхождения, иммигрировавших именно из континентального Китая (исключая выходцев из Гонконга и Макао), можно условно разделить на три основные группы: рожденные в США китайцы, их называют *ABC* – *American Born Chinese* (согласно статистике, в 2023 г. их численность оценивалась в 2,6 млн); американцы китайского происхождения в первом поколении (натурализованные); а также пока еще не натурализованные иммигранты из Китайской Народной Республики (среди них, в частности, много студентов).

При характеристике рожденных в США китайцев (*ABC*) и особенно тех, чьи семьи обосновались в США несколько поколений назад, эксперты, как правило, указывают на утрату ими эмоциональной и личной привязанности к стране

1 Miranda Wilson, "Chinese Immigration to the United States: Past, Present, and Future," US-China Perception Monitor, May 24, 2024, accessed April 18, 2025, <https://uscnpm.org/2024/05/24/chinese-immigration-to-the-united-states-past-present-and-future/>.

2 Cheng 1999, 70.

происхождения по мере их продвижения вниз по генеалогическому древу. Вместе с тем примерно в 1990-х гг. стала проявляться новая тенденция – многие из них стали испытывать потребность в поиске своих культурных корней, они все больше проявляют интерес к родине и американской политике в отношении Китая¹. Растущие по мере динамичного развития китайской экономики и американо-китайского торгово-экономического взаимодействия деловые и профессиональные возможности в областях, связанных с Китаем, еще больше увеличили их интерес к отношениям между США и Китаем. Их меняющееся отношение к Китаю подтверждалось растущим числом рожденных в США китайцев (ABC), специализирующихся на изучении страны происхождения в университетах, а также возрастающей заинтересованностью в получении профессий, связанных с Китаем. Несмотря на растущий интерес к Китаю, отношение рожденных в США китайцев к американо-китайскому взаимодействию, особенно по практическим вопросам (таким как торговые споры), часто совпадает с преобладающими в американском обществе взглядами, в этом смысле они мало чем отличаются от рядовых американцев.

В отличие от китайцев, рожденных в США (ABC), американцы китайского происхождения первого поколения имеют глубоко укоренившуюся эмоциональную привязанность к своей родине². Согласно соцопросам, 70% американцев китайского происхождения поддерживают тесные связи с членами семьи в материковом Китае, Гонконге, Тайване или Макао³.

Взгляды американцев китайского происхождения первого поколения достаточно сильно разнятся, сложны и могут быть неоднозначны. Например, несмотря на личные связи с Китаем, у большинства из них мало времени, энергии и ресурсов для участия в политической жизни, приоритетом для них может являться обеспечение себя и своих семей в новой стране. Поэтому только небольшое количество американцев китайского происхождения первого поколения проявляют политическую активность в вопросах развития американо-китайских отношений.

Отдельно среди этой группы иммигрантов можно выделить бывших студентов и ученых из Китая, приехавших в США для получения высшего образования, прохождения обучения или стажировки в 1980-х гг. (сейчас это возрастная группа старше 55–60 лет). После нормализации американо-китайских отношений в конце 1970-х гг. американские высшие учебные заведения приняли беспрецедентно большое количество студентов и ученых из Китая. Хотя большинство из них изначально намеревалось вернуться на родину после завершения образования или стажировки, они изменили свое решение после инцидента на площади Тяньаньмэнь в 1989 году. С принятием Закона о защите китайских студентов в 1992 г. более 54 тыс. из них получили постоянный вид на жительство и обосновались в США⁴. Безусловно, среди этой группы есть оппозиционно настроенные люди, придерживающиеся критического взгляда на современный Китай и реализуемую его руководством политику, а также поддерживающие конфронта-

1 Yin, Lan 1997, 39.

2 Ibid.

3 Nathan Kar Ming Chan, Vivien Leung, and Sam Collitt, "State of Chinese Americans Survey 2024: Full Report," Committee of 100, October 31, 2024, accessed April 19, 2025, <https://tinyurl.com/2nbp4hnj>. P. 2.

4 Zhang 2021, 454.

ционный подход Вашингтона по отношению к Пекину. Вместе с тем в своей массе эти люди занимают сбалансированную позицию по китайской проблематике и хорошо представляют специфику проводимых в Китае с конца 1970-х гг. экономических реформ, а также сложность стоящих перед китайским руководством задач. Те из них, кто в своей профессиональной деятельности взаимодействует с Китаем (например, работает в крупных американских ТНК с бизнес-операциями на китайском рынке или преподает в американских университетах), как правило, выступают за конструктивную политику в отношении Пекина, так как видят в позитивной динамике американо-китайских отношений преимущества для своего профессионального развития, а также в целом не усматривают оснований для раздувания «китайской угрозы». Поскольку они понимают американскую политическую систему и могут выражать свои взгляды на английском языке, многие из них активно участвуют в отношениях между США и Китаем¹.

Важно отметить, что «вторая волна» переселения из Китая сопровождалась созданием новых иммигрантских организаций, отличных от уже существовавших деловых, семейных или региональных ассоциаций. Подавляющее большинство новых организаций объединяет людей китайского происхождения во всех секторах экономики и поддерживает тесные связи с китайскими правительственными учреждениями, некоторые из которых были созданы на местном и центральном уровнях с единственной целью укрепления связей китайской диаспоры со страной их происхождения². Китайское правительство на современном этапе придает большое значение развитию связей с китайскими диаспорами, при этом с 2010-х гг. политика Пекина в отношении диаспор меняется. Если раньше она была направлена на привлечение диаспор к обеспечению внутреннего экономического роста (через инвестиции и технологии) и национального объединения, то теперь нацелена на управление диаспорой как политическим средством расширения зарубежного влияния Китая³. Однако, как отмечают исследователи, успех Китая в мобилизации диаспор остается в значительной степени ограниченным, а китайское лобби в США не входит в число самых мощных с точки зрения влияния на американскую внешнюю политику⁴.

В этом контексте уместно подчеркнуть, что уже во второй половине 1990-х гг. исследователи обратили внимание: американцы китайского происхождения (безусловно, отдельные их представители, преимущественно из интеллектуальной и деловой элиты) стали проявлять интерес к участию в развитии американо-китайского взаимодействия⁵. Присутствие большого числа хорошо образованных иммигрантов неизбежно привело к повышению вовлеченности американцев китайского происхождения в американо-китайские отношения. Несмотря на различия в их происхождении и личных взглядах, они проявили интерес к вопросам, связанным с Китаем и развитием двусторонних отношений. Этническая принадлежность позволяла американцам китайского происхождения выступать в качестве посредников при развитии американо-китайского экономического и академического

1 Yin, Lan 1997, 42.

2 Misiuna 2018, 164.

3 Liu 2022.

4 Misiuna 2018, 164.

5 Yin, Lan 1997.

сотрудничества. Так, например, с 1990-х гг. и вплоть до первой администрации Д. Трампа американские образовательные и научные учреждения были заинтересованы в рекрутировании американцев китайского происхождения для развития взаимодействия с китайскими партнерами. Американцами китайского происхождения также создавались специальные профильные ассоциации, чья деятельность была направлена на интенсификацию американо-китайского делового сотрудничества. Например, в начале 1980-х гг. была создана Китайско-американская нефтяная ассоциация (*Chinese American Petroleum Association, CAPA*), объединившая китайских экспертов из различных нефтяных компаний в США, профессоров и ученых из университетов и научно-исследовательских институтов, и насчитывавшая более тысячи членов. Ассоциация ежегодно проводит семинары как в целях содействия техническому обмену, так и в интересах развития нефтяной промышленности Китая, активно продвигает деловое сотрудничество между Китаем и американской нефтяной промышленностью, привлекает инвестиции в азиатскую страну, а также налаживает связи для китайских компаний, чтобы ускорить их выход на рынок США¹.

Особо следует выделить и то, что вскоре после инцидента на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. группа влиятельных американцев китайского происхождения, чтобы выступать в качестве посредника и консультационного ресурса для правительств двух государств, по настоянию Г. Киссинджера создала «Комитет 100» – некоммерческую организацию, объединившую деятелей из сферы бизнеса, государственного управления, науки и образования, технологий и искусства. Заявляется, что ее двойная миссия состоит в «содействии полноценному участию американцев китайского происхождения во всех аспектах жизни Америки и поддержке конструктивных отношений между США и Большим Китаем»². Однако, как отмечали еще в конце 1990-х гг. Инь Сяохуан и Лань Чжияун, и это замечание сохраняет свою релевантность и в наши дни, влияние американцев китайского происхождения – их видных представителей – на политику Вашингтона в отношении Китая зависит от того, соответствуют ли их взгляды и позиция внутриполитической и международной повестке США³.

В целом следует отметить, что, как следует из результатов соцопросов, чем дольше китайские иммигранты остаются в США и чем больше взаимодействуют с американским обществом, тем выше вероятность того, что их отношение к Китаю изменится. Так, по данным *Pew Research Center*, среди американцев китайского происхождения рожденные в США гораздо менее склонны иметь позитивное отношение к Китаю, чем те, кто родился за границей (25% против 45%), а среди иммигрантов те, кто прожил в США дольше, склонны относиться к Китаю гораздо менее позитивно, чем те, кто иммигрировал недавно⁴. Примечательно и то, что американцы китайского происхождения являются исключением среди всех американцев азиатского происхождения, большинство из которых положительно относятся к своей родине. Так, около 90% американцев тайваньского и японского

1 Zhao, Sun 2020, 58.

2 "About Us," Committee of 100, accessed April 22, 2025, <https://www.committee100.org/about-us/>.

3 Yin, Lan 1997, 53.

4 Neil G. Ruiz, Carolyne Im, Christine Huang, and Laura Silver, "Most Asian Americans View Their Ancestral Homelands Favorably, Except Chinese Americans," Pew Research Center, July 19, 2023, accessed April 1, 2025, <https://tinyurl.com/3826kuzc>. P. 20.

происхождения, большинство взрослых корейцев (86%), индийцев (76%) и филиппинцев (72%) очень или довольно благоприятно относятся к своей исторической родине. У американцев китайского происхождения, напротив, более неоднозначные взгляды на Китай: менее половины (41%) выражают положительное отношение¹. Более того, немногие хотят вернуться в Китай: около 80% говорят, что они не планируют переезжать в страну происхождения – по сравнению с 16%, которые выражают такое намерение². Что касается их отношения к США, оно в целом положительное: 72% относятся к США очень или довольно положительно.

В вопросах политических предпочтений, согласно проведенному «Комитетом 100» опросу, около половины американцев китайского происхождения ассоциируют себя с демократами (46%), а остальные в значительной степени разделены между республиканцами (31%) или не идентифицируют себя ни с одной из партий (24%)³. Такое соотношение выявлено и другими исследовательскими группами. Так, согласно опросам *AAPJ*, в 2020 г. 45% зарегистрированных избирателей китайского происхождения поддерживали демократов, 20% – республиканцев, а 35% не идентифицировали себя ни с одной из основных партий⁴. При этом китайцы, родившиеся за пределами США, чаще идентифицируют себя как республиканцы и «независимые», чем китайцы, родившиеся в США (*ABC*), которые склонны поддерживать демократов. Китайцы постарше также чаще поддерживают республиканцев, чем демократов⁵.

Влияние напряженности в американо-китайских отношениях на китайскую диаспору в США

За десятилетия, прошедшие с момента образования Китайской Народной Республики, американо-китайские отношения претерпели несколько существенных трансформаций: от конфронтации – к нормализации, от взаимодействия и экономической взаимозависимости – к стратегической конкуренции. Такие колебания неизменно оказывали большое влияние на американцев китайского происхождения. Как демонстрируют в своем исследовании китайские эксперты Чэнь Ипин и Инь Чжаои⁶, после основания Китайской Народной Республики в 1949 г. Китай и США вступили в период конфронтации, и в американском общественном мнении возобладали антикитайские настроения, препятствовавшие нормальному развитию китайской диаспоры. После заданной Р. Никсоном в 1970-х гг. нормализации американо-китайского диалога отношение к Китаю среди американцев постепенно смягчилось, а китайская община активно интегрировалась в американское общество и была воспринята как «образцовое меньшинство»⁷.

1 Neil G. Ruiz, Carolyne Im, Christine Huang, and Laura Silver, "Most Asian Americans View Their Ancestral Homelands Favorably, Except Chinese Americans," Pew Research Center, July 19, 2023, accessed April 1, 2025, <https://tinyurl.com/3826kuzc>. P. 20.

2 Ibid., 19.

3 Nathan Kar Ming Chan, Vivien Leung, and Sam Collitt, "State of Chinese Americans Survey 2024: Full Report," Committee of 100, October 31, 2024, accessed April 19, 2025, <https://tinyurl.com/2nbp4hnj>. P. 27.

4 "2020 Asian American Voter Survey (National)," APIA Vote, AAPJ Data, and Asian Americans Advancing Justice, September 15, 2020, accessed April 17, 2025, https://aapidata.com/wp-content/uploads/2024/02/aavs2020_crosstab_national.pdf.

5 Nathan Kar Ming Chan, Vivien Leung, and Sam Collitt, "State of Chinese Americans Survey 2024: Full Report," Committee of 100, October 31, 2024, accessed April 19, 2025, <https://tinyurl.com/2nbp4hnj>. P. 28.

6 Chen and Yin 2019, 8–18.

7 Chen and Yin 2019, 15.

После окончания холодной войны в американо-китайских отношениях были и взлеты, и падения, однако возникновение коронакризиса в 2020 г. спровоцировало по-настоящему сильную волну антиазиатской и антикитайской ненависти в США, которая по-прежнему сохраняется на высоком уровне. Как указывается в опубликованном «Комитетом 100» докладе, американцы азиатского происхождения, включая китайцев, стали сталкиваться с «системной дискриминацией»¹. Более того, по мнению М. Уилсон, в США укрепляются антииммигрантские настроения, по этому вопросу американское общество становится все более поляризованным². И, наконец, возросшая активность китайского правительства в поддержании тесных контактов с диаспорой в США в условиях «сдерживания» Китая подорвала положение китайской диаспоры в американском обществе и, как следствие, любое потенциальное влияние на политику Вашингтона в отношении Пекина.

Согласно исследованию «Комитета 100», около двух третей американцев китайского происхождения (68%) говорят, что сталкиваются с какой-либо дискриминацией, причем чаще всего об этом сообщают молодые люди, неграждане и женщины. 85% считают, что эта дискриминация обусловлена их расовой, этнической принадлежностью, акцентом или именем. Более половины американцев китайского происхождения (54%) регулярно подвергаются микроагрессии, например когда люди предполагают, что они не из США. Многие также подвергаются словесным оскорблениям (27%), физическим угрозам или преследованиям (21%)³.

Как следует из результатов исследований ряда китайских экспертов (в том числе Чэнь Ипина, Инь Чжаои, Ян Юэхуэя)⁴, социальный статус американцев китайского происхождения и отношение к китайской диаспоре в США напрямую связаны с изменениями в американо-китайских отношениях: независимо от того, насколько решительно китайцы настроены интегрироваться в американское общество, напряженность в американо-китайском диалоге неизбежно оказывает негативное влияние на их адаптацию в США и отношение к ним со стороны американцев⁵.

Согласно проведенному по инициативе «Комитета 100» соцопросу, нынешнее состояние американо-китайского диалога почти девять из десяти американцев китайского происхождения (89%) считают негативным, а почти две трети (64%) говорят, что динамика двустороннего взаимодействия отрицательно сказывается на том, как американцы относятся к ним и другим лицам китайского происхождения⁶. 61% утверждают, что язык и риторика, используемые американскими новостными агентствами при освещении китайской и американо-китайской проблематики, негативно влияют на то, как незнакомцы относятся к ним и другим людям китайского происхождения. Около четверти китай-

1 Nathan Kar Ming Chan, Vivien Leung, and Sam Collitt, "State of Chinese Americans Survey 2024: Full Report," Committee of 100, October 31, 2024, accessed April 19, 2025, <https://tinyurl.com/2nbp4hnj>. P. i.

2 Miranda Wilson, "Chinese Immigration to the United States: Past, Present, and Future," US-China Perception Monitor, May 24, 2024, accessed April 18, 2025, <https://uscnpm.org/2024/05/24/chinese-immigration-to-the-united-states-past-present-and-future/>.

3 Nathan Kar Ming Chan, Vivien Leung, and Sam Collitt, "State of Chinese Americans Survey 2024: Full Report," Committee of 100, October 31, 2024, accessed April 19, 2025, <https://tinyurl.com/2nbp4hnj>. P. 9.

4 Chen, Yin 2019, 8–18; Yang 2013.

5 Chen, Yin 2019, 16.

6 Nathan Kar Ming Chan, Vivien Leung, and Sam Collitt, "State of Chinese Americans Survey 2024: Full Report," Committee of 100, October 31, 2024, accessed April 19, 2025, <https://tinyurl.com/2nbp4hnj>. P. 19.

ских американцев также говорят, что их взаимодействие со знакомыми (26%) и коллегами (25%) также подверглось негативному влиянию¹.

Как указывает С. Коллитт, один из соавторов исследования «Комитета 100», в последние годы американцы китайского происхождения стали сталкиваться с дискриминацией и со стороны органов государственной власти. В качестве примера он приводит законодательные усилия американских штатов и Конгресса по ограничению права резидентов США с китайским гражданством владеть различными видами собственности в стране. Согласно подсчетам С. Коллитта, с 2023 г. 39 американских штатов и Конгресс рассмотрели 241 законопроект, ограничивающий или полностью запрещающий нахождение имущества в собственности иностранных правительств, предприятий и / или граждан. Из них 194 (80%) запрещают гражданам Китая приобретать имущество или владеть им, и семь таких законопроектов были приняты в шести штатах².

В 2018–2022 гг. на фоне торговой и технологической войны США с Китаем действовала так называемая «Китайская инициатива» – программа Министерства юстиции США, направленная на противодействие угрозам национальной безопасности со стороны Китая ввиду обнаруженных американской администрацией попыток Пекина осуществлять промышленный и экономический шпионаж, хакерские атаки, кражу коммерческих секретов. «Китайская инициатива» затронула сотни выдающихся американцев китайского происхождения, ученых и исследователей. Под эгидой этой инициативы многие американцы китайского происхождения были обвинены в шпионаже³.

Ранее некоторые американские университеты создали отделения в Китае, включая Гарвардский, Стэнфордский, Чикагский и Нью-Йоркский университеты. Другие заключили соглашения о сотрудничестве с китайскими университетами, включая Массачусетский технологический институт, Мичиганский университет и Калифорнийский университет. Начиная с 2018 г. эти изменения были встречены с подозрением на фоне растущей геополитической напряженности между двумя государствами. Поскольку правительство США ввело жесткую политику для противодействия предполагаемым угрозам кражи интеллектуальной собственности и шпионажа, китайско-американские исследователи и специалисты столкнулись с повышенным вниманием. К 2021 г. обвинения были предъявлены по меньшей мере 77 лицам, из которых около 88% имели китайское происхождение⁴.

Проведенный исследовательской группой Университета Дж. Хопкинса опрос 1949 ученых и исследователей из числа американцев китайского происхождения по всей территории США выявил широко распространенный стресс и беспокойство. Почти три четверти заявили, что боятся слежки со стороны правитель-

1 Nathan Kar Ming Chan, Vivien Leung, and Sam Collitt, "State of Chinese Americans Survey 2024: Full Report," Committee of 100, October 31, 2024, accessed April 19, 2025, <https://tinyurl.com/2nbp4hnj>. P. 19.

2 Samuel Collitt, "Federal and State Bills Restricting Property Ownership by Foreign Entities (2024)," Committee of 100, 2024, accessed April 10, 2025, <https://tinyurl.com/4wz2twcm>.

3 Nathan Kar Ming Chan, Vivien Leung, and Sam Collitt, "State of Chinese Americans Survey 2024: Full Report," Committee of 100, October 31, 2024, accessed April 19, 2025, <https://tinyurl.com/2nbp4hnj>. P. i.

4 Eileen Guo, Jess Aloe, and Karen Hao, "The US Crackdown on Chinese Economic Espionage is a Mess," MIT Technology Review, December 2, 2021, accessed April 19, 2025, <https://www.technologyreview.com/2021/12/02/1040656/china-initiative-us-justice-department/>.

ства США; почти две трети отметили, что боятся ложных обвинений в шпионаже; многие (42%) признались, что рассматривают возможность покинуть США, более трети (38%) сказали, что раздумывают об уходе из академической среды или вообще о смене профессии. Эта атмосфера страха повлияла на саму науку: 45% респондентов сократили свое сотрудничество с учеными из Китая; 40% сократили участие в финансируемых из федерального бюджета проектах¹. Как указывает американский профессор из Массачусетского технологического института Хуан Яшэн, хотя «Китайская инициатива» официально завершилась в 2022 г., ее глубокое влияние на американско-китайское сотрудничество и удержание талантов все еще ощущается, представляя значительные проблемы для исследовательской экосистемы США².

Заключение

Несмотря на открыто проводимую Вашингтоном с 2018 г. политику «сдерживания» Китая и, как результат, деградацию американско-китайских отношений, китайская диаспора в США продолжает оставаться одной из наиболее быстро растущих с высокими показателями ежегодной натурализации относительно других диаспорных групп. Так, высокая динамика роста численности китайской диаспоры в 2019–2022 гг. следует из статистических данных Бюро переписи населения США (см. *Таблицу 1*). Однако зафиксированные в 2023 г. показатели стали исключением из этой тенденции: упала общая численность американцев китайского происхождения (на 1560 чел.), прежде всего за счет сокращения числа рожденных в США (на 10 тыс. чел.) (см. *Таблицу 1*). Кроме того, замедлился рост числа легальных иммигрантов при резком скачке зафиксированных попыток нелегального пересечения американско-мексиканской и американско-канадской границ китайцами. Наблюдаемые процессы пока характерны для одного отдельно взятого года (2023) и не могут служить основанием для вывода об устойчиво развивающейся тенденции к снижению китайской иммиграции в США или к возвращению американцев китайского происхождения в Китай. Вместе с тем реализуемая с 2018 г. государственная политика (с ее частными проявлениями в виде кампании «Китайская инициатива» или ограничений на покупку недвижимости гражданами Китая в отдельных штатах) и проводимые в США соцопросы свидетельствуют об усилении в США дискриминации в отношении этнических китайцев. Реализуемая Вашингтоном политика «сдерживания» Китая в первую очередь негативно сказывается на ученых, исследователях и студентах из числа американцев китайского происхождения.

Очень низкой является способность китайской диаспоры – ее видных представителей – оказывать стабилизирующее, положительное влияние на подход американской администрации в отношении Китая. На протяжении всей истории отношений между США и Китаем влияние американцев китайского происхождения на политику Вашингтона в отношении Пекина зависело от того, насколько их позиции, взгляды и рекомендации соответствуют внутриаполитической

¹ Huang 2025, 69.

² Ibid., 70.

и международной повестке США. Сейчас Вашингтон взял долговременный курс на «сдерживание» Китая, и любые альтернативные мнения, выраженные активистами из китайской диаспоры, будут в лучшем случае игнорироваться. Стоит подчеркнуть и то, что китайское лобби в США никогда не входило в число мощных с точки зрения влияния на американскую внешнюю политику. И, наконец, возросшая активность китайского правительства в поддержании тесных контактов с китайской диаспорой в США, нацеленная на управление диаспорой как политическим средством расширения зарубежного влияния Китая, во многом неоправданно дискредитировала китайскую диаспору в американском обществе и среди политической элиты. В свете усилий китайского правительства представители диаспоры превратились из потенциальных агентов влияния в объект пристального внимания и мониторинга со стороны американских властей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Анохина, Е.С. Китайские диаспоры США и Канады и «новая» китайская миграция // Вестник Томского университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 355. С. 51–54.
- Anokhina, Elena S. "Kitaiskie diaspori SSHA i Kanady i «novaya» kitaiskaya migratsiya." *Vestnik Tomskogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, no. 355 (2012): 51–54 [In Russian].
- Гарусова, Л.Н., Журбей, Е.В., Владимирова, Д.А. Китайские иммигранты в США: историческая ретроспектива // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 2. С. 8–16. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2018-2/8-16>.
- Garusova, Larisa N., Evgeni V. Zhurbey, and Diana A. Vladimirova. "Chinese immigrants in the USA: A Historical Retrospective." *Oikumena. Regional researches*, no. 2 (2018): 8–16 [In Russian].
- Кашин, В.Б. Китайский и тайваньский политический лоббизм в США и военно-политическая ситуация в зоне Тайваньского пролива. Диссертация на соискание степени кандидата политических наук: 23.00.04. Москва, 2005.
- Kashin, Vasily B. *Kitaiskii i taivan'skii politicheskii lobbizm v SSHA i voenno-politicheskaya situatsiya v zone Taivan'skogo proliva*. Dissertation, Candidate of Political Sciences, 23.00.04. Moscow, 2005 [In Russian].
- Лексютина, Я.В. Деятельность тайваньского и китайского лобби в США // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2009. № 1. С. 109–120.
- Leksyutina, Yana V. "Deyatel'nost' taivan'skogo i kitaiskogo lobbi v SSHA." *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Ser. 6*, no. 1 (2009): 109–120 [In Russian].
- Chan, Sucheng, and Madeline Hsu. *Chinese Americans and the Politics of Race and Culture*. Philadelphia: Temple University Press, 2008.
- Cheng, Lucie. "Chinese Americans in the Formation of the Pacific Regional Economy." In: *Across the Pacific: Asian Americans and Globalization*, edited by Evelyn Hu-Dehart, 62–83. Philadelphia, PA: Temple University Press, 1999.
- Chung, Angie Y. "From Caregivers to Caretakers: the Impact of Family Roles on Ethnicity Among Children of Korean and Chinese Immigrant Families." *Qualitative sociology* 36, no. 3 (2013): 279–302. <https://doi.org/10.1007/s11133-013-9252-x>.
- Guo, Shibao. "Economic Integration of Recent Chinese Immigrants in Canada's Second-Tier Cities: the Triple Glass Effect and Immigrants' Downward Social Mobility." *Canadian Ethnic Studies* 45, no. 3 (2013): 95–115. <https://doi.org/10.1353/ces.2013.0047>.
- Hoi, Ok Jeong. "Chinese-Americans' Political Engagement: Focusing on the Impact of Mobilization." *Trames* 21 (71/66), no. 2 (2017): 115–132. <https://doi.org/10.3176/tr.2017.2.02>.
- Huang, Yasheng. "Scientists Are Mired in China–U.S. Tensions." In: *Getting China Right at Home: Addressing the Domestic Challenges of Intensifying Competition*, edited by Jessica Chen Weiss, 68–72. Washington: Johns Hopkins University School of Advanced International Studies, 2025.
- Kim, Bum J., Kristen F. Linton, and Wesley Lum. "Social Capital and Life Satisfaction Among Chinese and Korean Elderly Immigrants." *Journal of Social Work* 15, no. 1 (2015): 87–100. <https://doi.org/10.1177/1468017313504699>.
- Kwong, Peter, and Dusanka Miscevic. *Chinese America: The Untold Story of America's Oldest New Community*. New York: The New Press, 2005.
- Lien, Pei-Te. "Ethnic Homeland and Chinese Americans: Conceiving a Transnational Political Network." In: *Chinese Overseas, China, and Transnational Networks*, edited by Chee-Beng Tan, 107–121. Abingdon; New York: Routledge, 2007.
- Liu, Jiaqi M. "When Diaspora Politics Meet Global Ambitions: Diaspora Institutions Amid China's Geopolitical Transformations." *International Migration Review* 56, no. 4 (2022): 1255–1279. <https://doi.org/10.1177/01979183211072824>.
- Liu, Yanxi. *Chinese Americans' Ethnic Identity and Its Dynamic with Political Engagement*. Thesis, Master of Arts. Washington: Georgetown University, 2020.
- Lu, Ying, Ramanie Samaratunge, and Charmine Härtel. "Acculturation Attitudes and Affective Workgroup Commitment: Evidence from Professional Chinese Immigrants in the Australian Workplace." *Asian Ethnicity* 14, no. 2 (2013): 206–228. <https://doi.org/10.1080/014631369.2012.722445>.
- Min, Zhou, and Rebecca Y. Kim. "The Paradox of Ethnicization and Assimilation: The Development of Ethnic Organizations in the Chinese Immigrant Community in the United States." In: *Voluntary Organizations in the Chinese Diaspora*, edited by Khun Eng Kuah-Pearce, and Evelyn Hu-Dehart, 231–252. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2006.

Min, Zhou. *Contemporary Chinese America: Immigration, Ethnicity, and Community Transformation*. Philadelphia: Temple University Press, 2009.

Misiuna, Jan. "The Impact of the Chinese Diaspora in the U.S. on the American View of China." *International Studies. Interdisciplinary Political and Cultural Journal* 22, no. 1 (2018): 153–168. <http://doi.org/10.18778/1641-4233.22.10>.

Yin, Xiao-huang. "The Growing Influence of Chinese Americans on U.S.–China Relations." In: *The Outlook for U.S.–China Relations Following the 1997–1998 Summits: Chinese and American Perspectives on Security, Trade, and Cultural Exchange*, edited by Peter Koehn, and Joseph Y.S. Cheng, 331–349. Hong Kong: Chinese University Press, 1999.

Yin, Xiaohuang, and Zhiyong Lan. "Chinese Americans: A Rising Factor in U.S.–China Relations." *The Journal of American–East Asian Relations* 6, no. 1 (1997): 35–57.

Zhang, Lei. "The Chinese Student Protection Act of 1992: Student Immigration and the Transpacific Neoliberal Model Minority." *Journal of Asian American Studies* 24, no. 3 (2021): 443–470. <http://doi.org/10.1353/jaas.2021.0035>.

陈惠扬, 潮龙起. 疫情冲击下美国的种族歧视与华人的应对 // 华侨华人历史研究. 2021 年. 第4期. 第39–49页

Chen, Huiyang, and Chao Longqi. "Racial Discrimination in the US Under COVID-19 and Chinese Americans' Response." *Journal of Overseas Chinese History Studies*, no. 4 (2021): 39–49 [In Chinese].

陈奕平, 尹昭伊. 70年来中美关系的变迁对美国华侨华人的影响 // 华侨华人历史研究. 2019 年. 第 3 期. 第8–18页

Chen, Yiping, and Zhaoyi Yin. "The Impact of Changing Sino-US Relations on Chinese Americans over the Past 70 Years." *Journal of Overseas Chinese History Studies*, no. 3 (2019): 8–18 [In Chinese].

杨跃辉. 浅析美国华人的政治社会化与中美关系 // 长春工业大学学报(社会科学版). 2013年. 第25卷. 第4期. 第154–156页。

Yang, Yuehui. "A Brief Analysis of the Political Socialization of Chinese Americans and Sino-US Relations." *Journal of Changchun University of Technology (Social Sciences Edition)* 25, no. 4 (2013): 154–156 [In Chinese].

赵珍珍, 孙 魏. 美国华人与中美关系 // 开封教育学院学报. 2010年. 第30卷. 第 2 期. 第57–59页. <http://doi.org/10.3969/j.issn.1008-9640.2010.02.01>.

Zhao, Zhenzhen, and Wei Sun. "Chinese Americans and Sino-US Relations." *Journal of Kaifeng Institute of Education* 30, no. 2 (2010): 57–59 [In Chinese].

Сведения об авторе

Яна Валерьевна Лексютина,

д. полит. н., профессор РАН, главный научный сотрудник Института
Китая и современной Азии РАН

117997, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32

e-mail: lexyana@ya.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 24 апреля 2025.

Переработана: 24 июня 2025.

Принята к публикации: 27 июня 2025.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Лексютина, Я.В. Китайская диаспора в США в условиях углубляющегося американо-китайского раскола // Международная аналитика. 2025. Том 16 (2). С. 30–45.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-2-30-45>

The Chinese Diaspora in the U.S. amid the Deepening U.S.–China Split

ABSTRACT

Considering migration flows from China, the United States is often seen as the most popular destination. Almost a third of all migrants leaving China head to the U.S. in hopes of realizing the American Dream, obtaining a high-quality education, or establishing professional and business connections. Given Washington's policy of "containment" towards China since 2018, and the subsequent unfolding of a conflict scenario in U.S.–China relations, it is expected that this will have an impact on both migration flows from China and the Chinese diaspora in the United States. The aim of this article is to analyze and evaluate the impact of the U.S. "containment" of China and the overall deterioration of U.S.–China relations on the Chinese diaspora in the United States. Using statistical data from the U.S. Census Bureau, the author assesses the dynamics of the Chinese diaspora population, breaking it down into its various subgroups. The article addresses the question of whether the Chinese diaspora is homogeneous in its political views (including views on the PRC, the policy implemented by the Chinese authorities, electoral preferences, etc.).

KEYWORDS

Chinese diaspora, the U.S., Chinese Americans, immigrants, U.S.–China relations

Author

Yana V. Leksyutina,

PhD (Polit. Sci.), Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher,
Center for World Politics and Strategic Analysis, Institute of China and Contemporary
Asia of the Russian Academy of Sciences

32, Nakhimovsky avenue, Moscow, Russia, 117997

e-mail: lexyana@ya.ru

Additional information

Received: April 24, 2025. Revised: June 24, 2025. Accepted: June 27, 2025.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Leksyutina, Yana V. "The Chinese Diaspora in the U.S. amid the Deepening U.S.–China Split."
Journal of International Analytics 16, no. 2 (2025): 30–45.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-2-30-45>

Индийская диаспора между политикой и бизнесом

Алексей Владимирович Куприянов, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Контактный адрес: a.kupriyanov@imemo.ru

АННОТАЦИЯ

Формирование глобальной индийской диаспоры – один из важнейших процессов в условиях глобализации и трансформации мирового порядка. Представители этой диаспоры занимают все более высокие позиции в экономической и политической жизни стран проживания, но вопрос о том, какие дивиденды извлекает из этого Индия, вызывает дискуссии. Существует гипотеза, что по мере продвижения этнических индийцев на руководящие посты в крупных корпорациях и государственном аппарате зарубежных стран экономическое взаимодействие этих стран с Индией будет развиваться активнее, а их внешняя политика по отношению к Индии станет более дружественной. В данной статье автор пытается проверить эту гипотезу на примере Маврикия, Фиджи и США. Если в первом случае индийская диаспора составляет большинство населения, то во втором индийцы остаются дискриминируемым меньшинством. В США же индийцы, будучи меньшинством, широко представлены в политике, на государственной службе, высших управленческих позициях в бизнесе. Индийская диаспора стала важной частью внутриполитического ландшафта США, и во всех последних президентских администрациях индийцы занимали важные позиции. Сделан вывод, что ни в одном из рассмотренных случаев гипотеза о важной роли индийской диаспоры не подтверждается. На Маврикии, несмотря на абсолютный контроль диаспоры над жизнью острова, ее члены воспринимают себя прежде всего как часть маврикийской нации и не собираются действовать в политических интересах исторической родины и помогать ей в противостоянии с КНР. Диаспора на Фиджи представляет для Индии скорее внешнеполитическую проблему, вынуждая индийских политиков регулярно поднимать вопрос о ее дискриминации. Наконец, диаспора в США неохотно инвестирует в ключевые отрасли индийской промышленности, а политики индийского происхождения стремятся подтвердить лояльность новой родине вместо того, чтобы действовать в интересах Индии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Индия, диаспора, Фиджи, Маврикий, США, мягкая сила

Введение

Роль, которую индийская диаспора играет в политических, экономических и социальных процессах по всему миру, в последние десятилетия приковывает к себе все больше внимания. Причины этого очевидны: будучи до недавнего времени в основном региональным и достаточно ограниченным явлением, с началом эпохи глобализации она стала поистине общемировым феноменом. Индийцы все чаще занимают высокие позиции в политике и административной системе разных государств – от Гайаны до США и Британии. Более того, количество индийцев среди управляющих директоров (CEO) крупнейших компаний с каждым годом становится все больше. Возникает вопрос о том, не превращается ли индийская диаспора в полноценный инструмент «мягкой силы» Индии, который позволит ей влиять на политику других государств, включая великие державы, предоставит режим наибольшего благоприятствования для реализации ее политических амбиций и перенаправит финансовые потоки, которые помогут достичь взрывного экономического роста?

Пока, судя по всему, ответ отрицательный. Феномен глобальной индийской диаспоры существует уже более 30 лет. За это время Индия стала одной из великих мировых держав и вышла на четвертое место в мире по ВВП, но этот результат был достигнут в основном благодаря напряжению внутренних производительных сил; индийская диаспора сыграла в этом достаточно скромную роль. Этнические индийцы, достигшие политических и административных высот в других странах, демонстративно отстаивают интересы именно этих стран, а не метрополии. Индийские CEO озабочены главным образом вопросами личного успеха и интересами не Индии, а тех транснациональных корпораций, в которых они работают. Наконец, бизнесмены из диаспоры инвестируют в Индию, но зачастую не в те сектора, на которые рассчитывает индийское правительство. Исключения лишь подтверждают правило.

Данная статья стремится ответить на вопрос о причинах такого положения вещей. Автор полагает, что на поведение членов диаспоры в каждом случае влияет в первую очередь набор исторически сложившихся факторов, определяющих структуру индийской диаспоры, ее место в обществе, степень интенсивности связей диаспоры с метрополией и характер этих связей. Кроме того, для понимания специфики экономической роли диаспоры необходимо отойти от государствоцентричного подхода, отдельно рассматривая государство как набор институтов, структур, социальных практик, групп и индивидов, и общество, которое так же глубоко неоднородно.

Такой подход предполагает использование соответствующей *методологии*, в основе которой лежит инструментарий исторической социологии международных отношений. Наряду с историко-социологическим подходом автор использует конструктивистский подход к определению диаспоры, отрицая эссенциалистский взгляд на диаспору как часть «нации, простирающейся через различные территории и места, но тем не менее воображаемой как органичное и интегрированное целое»¹. Скорее наоборот: любая часть диаспоры, на наш взгляд, в

1 Wimmer, Schiller 2003, 598.

рамках взаимодействия в новой социальной и географической среде неизбежно формирует собственную идентичность, которая лишь отчасти совпадает с той идентичностью, которой обладает нация метрополии¹. Такой подход хорошо сочетается с традиционным регионально-страноведческим анализом, преобладающим в отечественных диаспоральных исследованиях. Он подразумевает широкое использование методов социологии, антропологии, исторического анализа для подробного рассмотрения конкретных страновых ситуаций. Кроме того, при анализе представлений индийских политических элит и экспертного сообщества о потенциальной роли диаспор как рычагов экономического и политического влияния автор применяет в работе методы критической теории, в частности критической геополитики².

Статья состоит из трех частей. В первой автор предлагает приблизительную классификацию южноазиатской диаспоры, не претендуя на полноту, но выделяя те части, которые имеют значение для исследования; во второй анализирует трансформацию представлений индийских политических элит о роли диаспоры; в третьей рассматривает специфику функционирования диаспоры на примере Маврикия, Фиджи и США.

Индийская диаспора: теоретический аспект

Формирование диаспоры (греч. διασπορά – рассеяние) – явление, уходящее корнями в глубокую древность. Исторически зафиксировано множество различных видов и вариантов диаспор. Так, в Древней Греции они варьировались от колонии-апойкии с образованием нового полиса до клерухии, юридически представлявшей собой географически отдаленную совокупность владений граждан за пределами полиса. Еще более сложный характер имела финикийская миграция, с определенного момента осуществлявшаяся силами народов, подвергшихся финикийскому культурному влиянию, при сохранении контакта с метрополией. Однако главным элементом диаспоры всегда оставалось ощущение сохранявшихся контактов с местом происхождения, которое достигалось за счет формирования частично совпадающей идентичности. Зачастую оно включало поддержание политических, экономических и социальных связей.

Среди многочисленных подвидов и форм индийской диаспоры можно выявить торговую, профессиональную, моряцкую, рабоче-поселенческую, а также диаспору беженцев.

Торговая диаспора. Начиная с давних времен она формировалась в портах политий, с которыми вели торговлю купцы Индостана. Наиболее известны индийские торговые диаспоры на Суахильском побережье, в портах Красного моря и Персидского залива, Аравийского побережья, Юго-Восточной Азии и Китая. Диаспора этого типа существовала и в России (Индийский торговый двор в Астрахани); позже, в период глобализации XIX в., она распространилась и на Новый Свет. Ее специфическими чертами являлись сохранение связи с городом-метрополией и значительная степень эндогамности. Вкупе с постоянной

1 Подробнее об этом подходе см.: Kisukidi 2019.

2 Tuathail 1996.

подпиткой новыми кадрами из метрополии и сравнительной стабильностью торговых отношений в домодерную эпоху это способствовало темпоральной и спатальной устойчивости диаспоры.

Профессиональная диаспора. В определенном смысле торговую диаспору можно рассматривать как часть профессиональной, но в данном случае речь идет о представителях определенных профессий, специальность которых востребована за рубежом: от южноазиатских погонщиков верблюдов в Австралии¹ до индийских IT-специалистов в США. Диаспора этого типа меньше связана с метрополией, при этом степень ее интеграции в принимающее общество варьируется в зависимости от местных условий.

Моряцкая диаспора может рассматриваться как частный случай профессиональной, однако со своими особенностями. В связи с высокой стоимостью найма и слабой приспособленностью моряков из европейских метрополий к тропическим условиям капитаны судов зачастую нанимали в портах Индийского океана местных моряков-ласкаров, которые таким образом попадали в европейские, прежде всего британские, порты. В результате в восточной части Лондона постепенно сложилось динамичное сообщество южноазиатских моряков. Состав этой диаспоры часто менялся, но рисунок морских путей, а также низкая стоимость, нетребовательность и высокая квалификация индийских матросов обеспечивали ее постоянное воспроизведение.

Рабоче-поселенческая диаспора. Она сложилась благодаря отмене рабства в Британии и других европейских странах и активной борьбе с работорговлей. На смену бесплатному рабскому труду пришел дешевый труд переселенцев, которые подписывали договор индентуры: компания обязывалась оплачивать их дорогу до места работы в дальних колониях, обеспечивать питание и проживание и выплачивать жалование, которое позволило бы им самостоятельно оплатить обратный проезд и сформировать некоторые сбережения. Если рабочие по истечении контракта решали не возвращаться в Индию, они в большинстве случаев могли получить землю для самостоятельной обработки, став фермерами; рабочая миграция тем самым становилась поселенческой. Распространению такого типа миграции способствовали как тяжелые условия жизни в Индии, особенно для низкокастовых сообществ, так и разрешение другим европейским странам, в первую очередь Франции, нанимать индийцев через систему индентуры. Специфика этого типа миграции позволяла самим мигрантам или их потомкам по окончании контракта сменить сферу деятельности, поощряла смешанные браки с местным населением, способствовала потере связи с метрополией.

Диаспора беженцев. Для нее характерен определенный разрыв идентичности, связанный с пережитым травматическим опытом. Применительно к Индии речь идет прежде всего о вторичной миграции индийского населения бывших британских колоний: торговцев, чиновников, наемных рабочих. Они ассоциировались у коренного населения новых национальных государств с практиками колониального угнетения, воспринимались как агенты колонизаторов на местах и

1 Anitya Rowchowdhuri, "How Sikh Hawkers Were Among the First to Conquer Australian Outback," The Indian Express, March 1, 2023, accessed June 23, 2025, <https://indianexpress.com/article/research/sikh-hawkers-afghan-cameleers-the-forgotten-first-wave-south-asian-settlers-of-australia-8465650/>.

потому подлежали репрессиям. Бегство в бывшую метрополию для многих представителей индийской диаспоры представлялось лучшим выходом.

Разумеется, перечень типов диаспор этим не исчерпывается. Так, существовала административная миграция, когда индийские чиновники, военные и полицейские на временной основе выезжали в новые колонии, чтобы поддерживать там порядок и административную власть, заводили там связи и контакты и после оставления службы иногда возвращались туда на постоянной основе; или религиозная, сопровождавшая все другие типы миграций.

Со временем изменение самого характера обществ, а также процессы глобализации и стирания социальных границ привели к исчезновению «чистых» типов диаспоры: потомки тех, кто переселился за океан в процессе формирования рабоче-поселенческой диаспоры, зачастую занимаются торговлей; в результате новых видов миграций – от образовательной до бизнес-миграции, объединившей в себе торговую, профессиональную и отчасти рабочую, – формируются новые подтипы диаспор. Тем не менее выделение исторических типов диаспор помогает понять, каким именно образом формировалась диаспора в той или иной стране.

Отношение к диаспоре в Индии

До того, как Индия получила независимость, отношение к миграции и, следовательно, к диаспоре в индийском обществе было неоднозначным. Оно зависело от субъекта миграции: если прибрежный торговец и тем более моряк отправлялся в дальние земли, это воспринималось как естественное явление и исполнение его дхармы (жизненного предназначения); если же «кала пани» («черную воду») пересекал брахман, этим он нарушал свою дхарму. Судьба же низкастового населения пуристов-брахманов не волновала: оно вольно было исполнять или нарушать свою дхарму, и зачастую среди представителей низших каст практические соображения брали верх над религиозными предписаниями. Через всю историю индийской диаспоры проходят эти две тенденции: попытки, с одной стороны, сохранить привычную социальную структуру и следовать религиозным требованиям, с другой – готовность пойти на уступки перед лицом практических потребностей. Это равно озадачивает как тех, кто стремится объяснить всю деятельность индийцев через призму привычных иерархий, так и тех, кто полагает, что сам факт миграции приводит к полному стиранию кастовых границ.

По мере модернизации индийского общества и распространения новых технологий отношение и к миграции, и к диаспорам менялось. Отчасти этому способствовала постепенная нормализация самого факта путешествия при условии строгого соблюдения обычаев и правил, в первую очередь пищевых, что способствовало минимизации сакрального ущерба; отчасти – внедрение новых видов транспорта, на которые не распространялись традиционные ритуальные запреты, например самолета. Кроме того, индийская диаспора достигла такого размера и распространилась настолько широко, что игнорировать факт ее существования стало невозможно – потребовалось адаптировать уже существующие социально-религиозные нормы к новым реалиям. Торговая индийская диаспора

на западном побережье Индийского океана пополнилась за счет администраторов, полицейских, наемных рабочих; очаги диаспоры образовались в Карибском бассейне, на островах Тихого океана, в портах Южной и Северной Америки, в Западной Африке, в портах Китая и Японии, в странах континентальной Европы, прежде всего во Франции и Германии. Это был динамичный, постоянно расширяющийся организм со сложной гетерархической структурой, узлы которого были связаны как между собой, так и с индоостанской метрополией.

После обретения Индией независимости перед ее новым руководством встала проблема: какую линию поведения выбрать в отношении этой диаспоры? Дж. Неру и его соратники стремились построить современное государство-нацию на основе крови, почвы и культуры. Лучшим вариантом, с их точки зрения, было бы возвращение представителей диаспор на историческую родину. Помимо этого, слабость и бедность Индии не позволяли ей использовать диаспоры как оружие; в результате, несмотря на предложения о включении в состав Индии ряда территорий с большой индийской диаспорой (к примеру, Фиджи), индийское руководство ограничилось выстраиванием государства-нации в очерченных в 1947 г. границах – вместо попыток использовать субимперский статус, которым Индия обладала в составе Британской империи. Связи с диаспорами были сведены к минимуму.

В результате после начала масштабной деколонизации индийская диаспора, проживавшая в британских колониях и доминионах, оказалась перед выбором: пытаться устроиться в новых национальных государствах, возвращаться на историческую родину или повторно мигрировать в бывшую имперскую метрополию. Выбирая между медленно развивавшейся Индией и Британией, предоставлявшей льготы мигрантам, переселенцы зачастую делали выбор в пользу европейского государства. Параллельно индийцы осваивали новые направления миграции, основными из которых стали страны Персидского Залива, где требовалась дешевая рабочая сила, и Канада, куда переехало большое число сикхов, в принципе более мобильных по сравнению с другими группами индийского общества¹. Индийское руководство смотрело на этот процесс сквозь пальцы: тогда считалось, что перенаселение порождает бедность, а отъезд низкообразованной части населения позволял снизить демографическое давление, способствовал формированию зарубежных диаспор, переводивших деньги родственникам в Индию, и в отдельных случаях приводил к вымыванию радикальных элементов.

Новое качество индийская миграция обрела после холодной войны, когда ускорение процесса глобализации, формирование единого мирового экономического пространства и стирание финансовых границ стимулировали создание новых производственных цепочек, характерной чертой которых стала еще более заметная географическая диверсификация. Этот процесс наложился на пик «цифровой революции» 1990-х гг. и массовое внедрение интернета, что привело к стремительному росту производительности компьютеров и формированию экстенсивно растущего рынка труда в новой цифровой сфере. Это, в свою

1 Бельский, Фурман 1992, 124.

очередь, стало причиной появления ряда социальных феноменов, в частности «цифровых кочевников», и стремительного роста индийской IT-индустрии. В результате сложилась специфическая система устойчивых взаимосвязей между Индией и США – тогдашним центром высокотехнологичных инноваций. В Кремниевой долине образовалась новая индийская диаспора, смешавшаяся со старой торговой и взаимодействовавшая как с географически близкой диаспорой в Канаде, так и с другими частями диаспоры в англоязычном мире, не разрывая при этом связи с метрополией. Все эти процессы в итоге привели к формированию нового феномена – глобальной индийской диаспоры, столь же сложной и неоднородной, как и само население Индии.

Индийскому руководству пришлось всерьез задуматься над изменением политики в отношении диаспоры. Это изменение отразилось даже в языке: появились термины *non-resident Indians* (индийцы-нерезиденты, *NRI*), *overseas citizens of India* (граждане Индии, проживающие за рубежом, *OCl*) и *people of Indian origin* (лица индийского происхождения, *PIO*)¹. Параллельно с миграцией низкоквалифицированных кадров начался отток высокообразованной и амбициозной молодежи, что грозило тяжелыми последствиями для индийской экономики. Не имея возможности остановить процесс миграции, индийские политические и интеллектуальные круги попытались найти в нем плюсы и обосновать его ценность. В результате появились две теории, первую из которых можно условно назвать «теорией внешней экономики», вторую – «теорией групп влияния».

Первая предполагала, что отъезд за границу индийских бизнесменов, молодых специалистов и абитуриентов создает базис для дальнейшего развития экономики метрополии: преуспевшие за рубежом представители диаспоры, сохранившие связи с родственниками, будут на первых порах переводить им деньги, а впоследствии, достигнув высоких позиций в экономике, инвестировать в Индию и формировать деловые связи с местными предпринимателями – то есть превратятся в экономических агентов, заинтересованных в укреплении двусторонних торговых и финансовых отношений. При этом Индия избавится от необходимости вкладывать деньги в ускоренное развитие инфраструктуры для удовлетворения завышенных требований этого слоя².

В основе второй теории лежал тезис о том, что по мере укоренения индийской диаспоры в местном социальном пространстве ее представители начнут играть все более заметную и важную роль в политике. Представители второго или третьего поколения диаспоры смогут избираться на высшие руководящие посты и занимать руководящие должности, так как не будут восприниматься как чужаки – в отличие от мигрантов первого поколения. При этом, будучи по сути «детьми третьей культуры», они превратятся уже в политических агентов, старающихся укрепить политическое взаимодействие с родиной своих отцов и дедов.

Обе эти теории, популярные в индийском политическом дискурсе и по сей день, таким образом, не подразумевали, что диаспоры станут непосредственными инструментами индийского влияния. Вместо этого предполагалось, что их

1 Abraham 2014, 74.

2 См., например: Sahay 2009.

члены, действуя в своих интересах, естественным образом послужат укреплению взаимосвязей страны пребывания и метрополии. Чтобы увидеть, насколько это удалось, имеет смысл рассмотреть три примера, в каждом из которых индийская диаспора сыграла особую роль: Маврикий, Фиджи и США.

Маврикий

К моменту открытия Маврикия европейцами на нем отсутствовало местное население. Первое постоянное поселение на острове было основано голландцами в XVII в. и заброшено в 1710 году. Пять лет спустя он был захвачен французами, и с этого момента начинается история маврикийской индийской диаспоры. Французская Ост-Индская компания завозила на остров индийских рабочих из Пондишери, хотя и в незначительных количествах, отдавая предпочтение африканцам. При этом сам характер хозяйства Маврикия, глубоко интегрированного в колониальную экономику и основанного на выращивании сахарного тростника и изготовлении сахара, требовал экстенсивного расширения производства и, соответственно, постоянного завоза рабочей силы.

После перехода Маврикия под контроль британцев в 1810 г. и последовавшей в течение нескольких десятилетий отмены рабства ситуация изменилась. На момент захвата Маврикия британцами там жили около 75 тыс. человек¹. Для того чтобы удовлетворить растущую потребность в рабочих руках, британцы организовали массовый завоз рабочих из Индии, нанятых по системе индентуры, а также управляющего персонала и солдат. Многие из этих мигрантов, происходивших из беднейших слоев населения, после окончания срока контракта оставались на острове; в результате к моменту получения Маврикием независимости там сложилась огромная в процентном отношении индийская диаспора. В настоящий момент индо-маврикийцы составляют 65,7% населения острова, доминируют как в политической, так и в экономической и культурной жизни. При этом в силу специфических условий формирования диаспоры (завоз представителей преимущественно низкокастовых сообществ с севера Индии, говорящих на языке бходжпури, к которым позже присоединились носители языка телугу с юга страны²) на Маврикии сложилась собственная кастовая система, отличная от общеиндийской, а также возникли свои религиозные практики, предусматривающие большую степень синкретизма³.

Маврикий, получив независимость в 1968 г., избежал экономического кризиса, с которым столкнулись многие африканские страны на материке. Это произошло в основном благодаря росту мировых цен на сахар в 1970-х гг. и крайне выгодным для Маврикия условиям «Сахарного протокола» между ЕЭС и государствами Африки, Карибского бассейна и Тихого океана, который был подписан в 1975 году. Заговорили даже о «маврикийском экономическом чуде». Пользуясь притоком средств в бюджет, правительство пыталось диверсифицировать экономику и развивать другие секторы, в первую очередь туризм. Однако

1 Chandrasekar 1988, 50.

2 Bhat, Bhaskar 2007, 96–99.

3 Дридзо et al. 1978, 125.

к концу 1970-х гг. сахарный бум в мире закончился, цены на нефть выросли, и экономическая ситуация на Маврикии начала постепенно ухудшаться.

В 1982 г. Маврикий подписал с Индией договор об избежании двойного налогообложения. В начале 1990-х гг., когда в Индии начался активный процесс либерализации экономики, этот документ стал основой для трансформации Маврикия в крупнейший финансовый офшор в Индийском океане. Она была возможна благодаря тесным связям индийской диаспоры на Маврикии с бизнес-кругами метрополии, что позволило сформировать сеть контактов между политическими и экономическими элитами обеих стран. В результате Маврикий превратился в крупнейший источник прямых иностранных инвестиций (ПИИ) для Индии (около 170 млрд долл. США с апреля 2000 по сентябрь 2016 гг., что составило 32,8% от общего объема ПИИ в Индию за это время)¹. При этом источники инвестиций остаются неизвестными: судя по результатам исследований, опубликованных в СМИ, во многих случаях речь идет о средствах, до того выведенных из индийской экономики на счета офшорных компаний, принадлежащих крупным индийским и международным конгломератам².

Однако в последние годы значение Маврикия как офшорного хаба для индийского бизнеса падает. После присоединения Индии к Многосторонней конвенции по имплементации мер, связанных с налоговыми соглашениями, для предотвращения размывания налоговой базы и вывода доходов из-под налогообложения лидером по уровню ПИИ в индийскую экономику стал Сингапур. В свою очередь, внесенные в марте 2024 г. поправки в соглашение между Индией и Маврикием об избежании двойного налогообложения могут привести к частичному коллапсу офшорной финансовой структуры Маврикия. Таким образом, можно заключить, что теория об особой экономической роли диаспор себя оправдала, но достаточно своеобразным образом: индийский частный сектор, несомненно, извлек и продолжает извлекать прибыль из деятельности диаспоры, но бюджет Индии ежегодно теряет миллиарды долларов.

При этом индийское население Маврикия далеко не однозначно относится к политике Индии в регионе. Несмотря на активное развитие двусторонних связей, в 2018 г. маврикийская оппозиция, представленная, в частности, Рабочей партией, чей электорат состоит преимущественно из индомаврикийцев, выступила против строительства индийской военно-морской базы на острове Агалега в соответствии с соглашением 2015 г., мотивируя это финансовой непрозрачностью сделки и опасениями насчет того, что Маврикий может быть втянут в противостояние между Индией и Китаем. В результате правительства Маврикия и Индии вынуждены были заявить, что база строится в интересах маврикийской Службы береговой охраны, а не ВМС Индии.

Стремясь погасить беспокойство населения Маврикия, Индия с тех пор реализовала ряд гуманитарных инициатив, проведя, в частности, серию мероприятий в рамках проекта *Mausam*, которые были посвящены теме исторически сложившихся культурных и социальных связей народов Индии и Маврикия.

1 Kotha 2017.

2 О роли Маврикия как офшора см.: Thakurta, Jain 2017.

Во время коронакризиса Маврикий стал одним из получателей индийской медицинской и гуманитарной помощи. Эти меры вкупе с обещаниями местных политиков не допустить превращения Маврикия в индийский плацдарм для противостояния Китаю помогли успокоить население, что позволило продолжить строительство базы на острове Агалега.

В целом можно отметить, что даже в условиях, когда диаспора составляет большинство, а политические связи с метрополией чрезвычайно крепки, диаспора не выступила единым фронтом и не поддержала индийский геополитический проект, нацеленный на формирование сети баз в противовес якобы существующей китайской «Нити жемчуга». Вместо этого она предпочла ориентироваться на собственные национальные интересы – в том виде, в котором их понимали члены диаспоры.

Фиджи

Принципиально иначе формировалась индийская диаспора на Фиджи. В отличие от Маврикия, к моменту прибытия европейцев острова Фиджи были заселены, там существовала собственная государственность, сохранявшаяся, хотя и с некоторыми ограничениями, вплоть до 1874 г., когда эта территория стала британской колонией. Хотя проникновение европейских плантаторов и создание плантационной системы для выращивания хлопка началось еще в 1860-х гг., британское правительство отказывалось одобрять использование индийских рабочих. В результате первая группа индийцев, нанятых в рамках системы индентуры, прибыла на острова только в 1879 году.

В последующие годы потребность в рабочих руках постоянно росла, так как британские власти начали переориентацию экономики острова на выращивание монокультуры – сахарного тростника. Как и на Маврикии, работники нанимались в разных частях Индии и происходили преимущественно из низкастовых сообществ; как и на Маврикии, они в итоге сформировали собственную специфическую идентичность, связанную с общеиндийской. При этом, в отличие от Маврикия, эта идентичность изначально формировалась как идентичность меньшинства, в условиях численно преобладающего автохтонного населения и сравнительно небольшого числа смешанных браков. Обособлению диаспоры способствовали и условия ее проживания: британцы, стремящиеся избежать конфликтов с местными жителями, выстроили параллельную структуру колониальной экономики; обслуживающие ее рабочие жили в полурабских условиях, не имея возможности приобретать землю после окончания срока контракта¹. Окончательно система индентуры была отменена лишь в 1920 году.

Следующая волна мигрантов качественно отличалась от плантационных рабочих: это были образованные индийцы, ехавшие на Фиджи либо в надежде улучшить свое финансовое положение, либо по контракту с властями колонии. Среди них были проповедники, юристы, клерки, полицейские, ремесленники, врачи и учителя, сформировавшие образованную элиту диаспоры. Постепенно

1 Brown 2006, 63.

индо-фиджийцы отвоевывали себе все больше прав, что приводило к росту напряженности как между ними и коренными фиджийцами, так и между индо-фиджийцами и колониальными властями, регулярно использовавшими разногласия между крупнейшими этническими группами в своих целях.

Рост численности индийской общины за счет высокой рождаемости и иммиграции привел к тому, что на момент провозглашения независимости Фиджи в 1970 г. число индо-фиджийцев превысило число коренных фиджийцев. Это вкупе с нехваткой земель и начавшейся хаотичной урбанизацией, менявшей этнический состав городских общин¹, серьезно затруднило переговоры о представительстве в парламенте и достижение хрупкого равновесия, которое было нарушено в 1987 г.: после прихода к власти коалиционного правительства при поддержке индо-фиджийцев армия, состоявшая из коренных фиджийцев, организовала два военных переворота. В итоге на Фиджи была провозглашена республика, а в 1990 г. принята конституция, содержащая явно дискриминационные статьи в отношении индо-фиджийцев. Это, в свою очередь, привело к их массовой эмиграции с острова, причем прежде всего уезжали хорошо образованные представители среднего класса и бизнесмены². В 1997 г. дискриминационные статьи конституции были отменены; на выборах 1999 г. вновь победила коалиция с участием индо-фиджийцев, причем премьером стал этнический индиец Махендра Рой Чаудхри, но год спустя правительство было опять свергнуто в результате военного переворота, поддержанного деятелями методистской церкви. Ситуация нормализовалась лишь после 2006 года.

Сейчас индо-фиджийцы составляют около 38% населения страны. Они в значительной степени геттоизированы, проживают в «сахарном поясе»³ и на северо-западном побережье двух крупнейших островов – Вити-Леву и Вануа-Леву. Показательно, что в значительной степени самоидентификация индийской диаспоры происходит по религиозному признаку: в то время как исповедующие разные формы индуизма и ислама (суммарно более 90% всей общины) индо-фиджийцы считают себя частью диаспоры, принадлежащие к методистской церкви индийцы отделяют себя от общины, поддерживая в целом позиции фиджийцев.

Никакой роли в развитии экономических отношений с Индией индийская диаспора на Фиджи не играет. При этом сам вопрос о дискриминации индийского населения служит постоянным раздражителем в двусторонних отношениях. Индийское правительство, не имея ни возможности, ни желания вмешиваться в ситуацию с диаспорой на Фиджи, тем не менее не могло игнорировать дискриминационные меры фиджийских властей и после военных переворотов активно лоббировало введение антифиджийских санкций. После того как в 2005 г. начался процесс постепенного сближения Индии и Фиджи, вопрос диаспоры вновь приобрел остроту. Так, бывший премьер М. Чаудхри пытался разыграть карту метрополии, намекая, что Индия откажется помогать Фиджи экономически, если власти острова примут закон об амнистии участников переворота 2000 года.

1 Lal 2015, 67–68.

2 Котин 2003, 47.

3 Территория, на которой в структуре производства преобладает выращивание сахарного тростника и изготовление сахара.

Премьер-министр М. Сингх вынужден был опровергать это заявление. В целом индийская диаспора на Фиджи – это фактор, который скорее осложняет индо-фиджийские отношения, нежели способствует их развитию.

США

В США процесс формирования индийской диаспоры шел на протяжении всего XIX в., причем достаточно медленно. Затруднения были связаны с тем, что индийские рабочие, решившие мигрировать в Северную Америку, зачастую предпочитали Британскую Колумбию, где им не приходилось конкурировать с китайской диаспорой. При этом в самих США интерес к Индии в это время рос – благодаря, во-первых, деятельности политических активистов и борцов за свободу и, во-вторых, проповедям индийских «духовных учителей», которые становились все более популярными в американском обществе. Парадоксальным образом этот интерес в последующие десятилетия соседствовал с жесткими дискриминационными мерами (запрет на владение землей и смешанные браки)¹.

Ситуация изменилась лишь в 1965 г., когда был принят закон, существенно облегчавший миграцию². С тех пор темпы индийской иммиграции в США в среднем держались на уровне 40 тыс. чел. в год, в 1990-е гг. они возросли более чем вдвое, составив 90 тыс. чел. ежегодно. Это было связано с растущей потребностью в дешевой и квалифицированной рабочей силе и с началом бума доткомов. Достаточно быстро индийцы вышли на первое место среди получателей виз типа *H-1B* и благодаря быстрым деньгам, которые можно было заработать в *IT*-сфере, превратились в самую богатую этническую группу в США. С тех пор их ряды стабильно пополняются за счет молодых специалистов, приезжающих в поисках лучшей жизни, и получивших образование в США индийцев, на момент окончания университета уже знакомых с местными реалиями. Это наиболее предприимчивая и амбициозная прослойка индийской молодежи; она более образованна по сравнению со средними американцами (71% бакалавров и 40% магистров по сравнению с 10 и 11% соответственно) и предпочитает хорошо оплачиваемую «чистую» работу (более 75% индийцев в США по сравнению с 43,2% в целом по стране работают в сфере управления, бизнеса, науки и искусства). Неудивительно, что стремящиеся сделать карьеру и добиться высот в бизнесе через внедрение инноваций индийцы часто поднимаются на руководящие должности в крупных компаниях. При этом индийская диаспора сохраняет обособленность: внутри нее часты договорные браки, сравнительно низок показатель смешанных браков, в компаниях соблюдаются характерные для Индии религиозные обычаи и формируется социальная иерархия. Существуют собственные радио и телевидение, своя литература.

Благодаря своим голосам и деньгам индийцы являются перспективной электоральной группой для представителей обеих ведущих политических партий. Стремясь заручиться голосами индийской диаспоры, они форсируют и без того уже начавшийся естественный процесс постепенного вовлечения этнических

1 Chakravorty et al. 2017, 8.

2 Verma 2018, 77.

индийцев в политику. С каждым годом растет число индийцев на высоких государственных должностях: в 2007 г. Б. Джиндал стал первым губернатором индийского происхождения, в 2017 г. К. Харрис стала первым сенатором-индийцем, а в 2020 г. – первым этническим индийцем, занявшим должность вице-президента. В 2024 г. она стала кандидатом на президентский пост от Демократической партии. Несмотря на ее поражение, численность представителей индийской диаспоры во власти продолжает расти. Так, одним из наиболее ярких игроков в команде Трампа стал В. Рамасвами, а на момент написания статьи фаворитом гонки за кресло мэра Нью-Йорка является З. Мамдани.

В соответствии с «теорией внешней экономики» США – с их богатой индийской диаспорой и отсутствием накопившихся исторических проблем – должны были бы выступать основным источником инвестиций в экономику Индии. Между тем в списке инвесторов США стабильно находятся на третьем – пятом местах, несмотря на все попытки индийского правительства привлечь инвестиции от лиц индийского происхождения при помощи дополнительных льгот. Более того, растет обратный денежный поток: богатые индийцы все активнее инвестируют в американскую экономику. Преуспевающие же представители диаспоры предпочитают вкладывать деньги не в индустрию, а в элитную недвижимость, способствуя тем самым сохранению высоких цен на нее.

При этом индийская экономика получает большое количество денег из США в виде денежных переводов, отправляемых мигрантами на родину. Этот процесс рассматривается индийским правительством как важный вклад в поддержание благосостояния населения, тем более что переводимые средства не выводятся из страны, а либо тратятся на семейные нужды (61%)¹, либо размещаются в банковских учреждениях (20%), либо инвестируются в новые активы (7%)². Показателен рост объема денежных переводов при отсутствии в то же время столь же значимого роста ПИИ со стороны лиц индийского происхождения. Это объясняется в первую очередь разрывом между формальной и неформальной частями индийской экономики. Как и в случае Маврикия, львиная доля переводимых средств задействуется в той или иной форме прежде всего в рамках неформальной экономики, а интересы ее акторов зачастую противоречат интересам государства в том смысле, в каком их понимает бюрократия.

Это противоречие касается не только инвестиций и денежных переводов. Показателен скандал с попыткой правительства Индии привлечь в 1999 г. целевые ПИИ в страдающий от недофинансирования образовательный сектор; хотя бывшие выпускники индийских технических вузов сумели собрать значительные средства, программа столкнулась с сопротивлением со стороны оппозиции и гражданских активистов, обвинивших представителей американско-индийской диаспоры в попытке теневой приватизации университетов и превращения их в кузницу кадров для американского IT-сектора вместо индийского³.

1 В эту категорию, в частности, включаются средства, перечисляемые членами диаспоры на поддержку престарелых родственников – своего рода «семейные пенсии», см.: Gowricharn 2022.

2 "Overseas Indians: A Force in National Economy," Economic Diplomacy Division, Ministry of External Affairs of India, May 10, 2018, accessed June 23, 2025, <https://indbiz.gov.in/overseas-indians-a-force-in-national-economy/>.

3 Lessinger 2003, 166–167.

В еще меньшей степени подтверждается «теория групп влияния», несмотря на многообещающее начало – формирование в первой половине 1990-х гг. кокуса по Индии в Конгрессе и Американско-индийского комитета политического действия. Приход на высшие административные и политические должности этнических индийцев играет сравнительно небольшую роль в процессе индо-американского сближения. Более того, они в основном озабочены внутри-политическими вопросами, пытаясь показать себя большими американцами, чем пресловутые *WASP* – белые протестанты англосаксонского происхождения. Они нередко критикуют Индию, чтобы завоевать доверие избирателей и продемонстрировать готовность действовать в духе общего нарратива, продвигаемого американским истеблишментом. Н. Хейли, к примеру, критиковала Индию за загрязнение окружающей среды, призывая США «противостоять» ей наряду с КНР¹; К. Харрис подвергла правительство Моди критике по болезненному для индийских властей кашмирскому вопросу². Индийская культурная идентичность используется американскими политиками индийского происхождения в первую очередь для привлечения голосов избирателей.

При этом в трудах экспертов из Индии и даже в правительственных документах периода «диаспорального оптимизма» рубежа веков можно встретить упоминания о ценных политических дивидендах, которые страна извлекла из деятельности диаспоры: так, именно ее политическому влиянию приписывается снятие санкций после ядерных испытаний 1998 г. и призыв США к отводу пакистанских сил из Каргила в 1999 году³. Зачастую эти панегирики силе и влиятельности диаспоры некритически транслируют зарубежные, в том числе российские, ученые. В то же время тщательный анализ показывает, что в части перечисленных эпизодов американские политики и чиновники принимали решения, исходя из рациональных представлений о пользе того или иного шага для США⁴. Сам факт влияния индийской диаспоры на принятие решения доказать невозможно.

Определенным индикатором для проверки политической мощи индийской диаспоры стал кризис вокруг закупок российской системы С-400 для вооруженных сил Индии. Невзирая на все попытки использовать влияние своей диаспоры для того, чтобы обеспечить эту закупку и вывести Индию из-под угрозы санкций, в итоге ее власти получили желаемое только благодаря деятельности Пентагона и Госдепартамента, сумевших убедить Конгресс и Сенат с использованием исключительно прагматичных аргументов.

При этом существует одна социальная группа, которая фактически реализует «теорию групп влияния», хотя зачастую неосознанно. Речь идет об этнических индийцах, входящих в экспертное сообщество США и пытающихся действовать одновременно в интересах Соединенных Штатов и Индии –

1 "Indian-Origin US Politician Nikki Haley Calls India 'One of the Biggest Polluters,'" The Economic Times, June 7, 2023, accessed June 23, 2025, <https://economictimes.indiatimes.com/news/india/indian-origin-us-politician-nikki-haley-calls-india-one-of-the-biggest-polluters/articleshow/100817233.cms>.

2 "Kamala Harris Gets Muted Response in India as Few See Change in US Ties," The Times of India, July 23, 2024, accessed June 23, 2025, <https://timesofindia.indiatimes.com/world/us/kamala-harris-gets-muted-response-in-india-as-few-see-change-in-us-ties/articleshow/111943467.cms>.

3 Gottschlich 2008, 165–167.

4 "Sanctions Off; NASA Lab Asks ISRO to Partner for Moon Mission," The Economic Times, February 13, 2011, accessed June 23, 2025, <https://economictimes.indiatimes.com/sanctions-off-nasa-lab-asks-isro-to-partner-for-moon-mission/articleshow/7488573.cms>.

в том смысле, в каком они их понимают, интегрируя официальные индийские внешнеполитические нарративы в американский политический дискурс. Это объясняется как естественным патриотизмом, так и карьерными возможностями, которые открываются на родине перед экспертами, имеющими опыт работы в американских аналитических центрах. Представителей этой группы можно отнести к особому виду диаспоры – *научно-экспертной*. В значимых количествах за рубежом она присутствует только в Британии и США, причем если в Британии превалирует в основном академическая составляющая, то в США – экспертная. Однако уровень политического влияния этой социальной группы сравнительно невелик даже в рамках американского экспертного сообщества. В итоге остается только согласиться с С.И. Луневым, указавшим на то, что Дели склонен переоценивать степень влияния индийской диаспоры в США¹.

Выводы

Индийская диаспора – уникальный феномен, который вошел в стадию глобализации во время Британской империи, а в наши годы также продолжает активно расширяться и трансформироваться. Из анализа трех представленных случаев видно, что надежды на использование политического влияния диаспоры не оправдались практически нигде. В лучшем случае принадлежность политика к диаспоре упрощает коммуникацию с ним, при этом он все равно отдает приоритет интересам своего государства-нации; в худшем, как на Фиджи, само наличие диаспоры осложняет реализацию внешней политики Индии на конкретном направлении.

В свою очередь, «теория внешней экономики» оказалась отчасти рабочей, но полностью оценить влияние денежных переводов на индийскую экономику возможно лишь учитывая темпоральный фактор и специфику индийской теневой экономики. Так, диаспора стала важным драйвером развития экономики Индии в эпоху П.В. Нарасимха Рао в начале 1990-х гг. на нее приходилось 24–29% всего объема ПИИ, вкладываемых в наиболее перспективные и передовые отрасли (*IT*, автомобилестроение)². Кроме того, индийцы, инвестировавшие в экономику метрополии, помогали местным компаниям открывать новые рынки и налаживать связи за рубежом. По мере трансформации национальной и мировой экономики схема инвестирования изменилась, объем ПИИ со стороны диаспоры существенно снизился: в период с 1991 по 2003 гг. на долю диаспоры пришлось всего лишь 4,18% от общего объема³, при этом существенно вырос объем депозитов представителей диаспоры в индийских банках. Такая ситуация выгодна как самим банкам, так и акторам теневой экономики, эффективно использующим получаемые из-за рубежа средства. Теневые схемы позволяют им избегать налогов и мешают в полной мере задействовать денежные потоки в интересах развития национальной экономики.

1 Лунев 2023, 146.

2 Min 2014, 214.

3 Sahay 2014, 89.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бельский, А.Г., Фурман, Д.Н. Сикхи и индусы: религия, политика, терроризм. М.: Наука, 1992.
- Bel'skii, Albert G., and Dmitry N. Furman. *Sikhs and Hindus: Religion, Politics, Terrorism*. Moscow: Nauka, 1992 [In Russian].
- Дридзо, А.Д., Кочнев, В.И., Семашко, И.М. Индийцы и пакистанцы за рубежом. М.: Наука, 1978.
- Dridzo, Abram D., Valentin I. Kochnev, and Irina M. Semashko. *Indians and Pakistanis Abroad*. Moscow: Nauka, 1978 [In Russian].
- Котин, И.Ю. Побег баньяна. Миграция населения из Индии и формирование «узлов» южноазиатской диаспоры. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.
- Kotin, Igor Yu. *Banyan Shoots. Migration of Population from India and the Formation of South Asian Diaspora "Nodes"*. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2003 [In Russian].
- Лунев, С.И. Развитие индийской диаспоры и ее влияние на внешнеполитическую стратегию Индии // Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 4. С. 134–149. <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2023-4-134-149>.
- Lunev, Sergey I. "The Development of the Indian Diaspora and Its Impact on India's Foreign Policy Strategy." *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*, no. 4 (2023): 134–149 [In Russian].
- Abraham, Pitty. *How India Became Territorial. Foreign Policy, Diaspora, Geopolitics*. Stanford: Stanford University Press, 2014.
- Bhat, Chandrashekhar, and Lakshmi S. Bhaskar. "Contextualising Diasporic Identity: Implications of Time and Space on Telugu Immigrants." In *Exploring Trajectories of Migration and Theory*, edited by Gijsbert Oonk, 89–118. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2007. <https://doi.org/10.1515/9789048501069-005>.
- Brown, Judith M. *Global South Asians: Introducing the Modern Diaspora*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Chakravorty, Shourjo, Devesh Kapur, and Nirvikar Singh. *The Other One Percent: Indians in America*. New York: Oxford University Press, 2017.
- Chandrasekar, Sripathi. "Growth and Characteristics of Population – The Island of Mauritius: 1767–1987." In *From India to Mauritius. A Brief History of Immigration and the Indo-Mauritian Community*, edited by S. Chandrasekar. La Jolla: Population Review Books, 1988.
- Gottschlich, Pierre. "The Indian Diaspora in the United States of America: An Emerging Political Force?" In *Tracing an Indian Diaspora. Contexts, Memories, Representations*, edited by Parvati Raghuram, Ajaya Kumar Sahoo, Brij Maharaj, and Dave Sangha, 156–171. New Delhi: Sage Publications, 2008.
- Gowricharn, Ruben. "Indian Diaspora Economics: The Entanglement of Economics with Culture." In *New Perspectives on the Indian Diaspora*, edited by Ruben Gowricharn, 143–160. London; New York: Routledge, 2022.
- Kisukidi, Nadia Yala. "On the Return: The Political Practices of the African Diaspora." In *The Politics of Time: Imagining African Becomings*, edited by Achille Mbembe, and Felwine Sarr, 96–117. Cambridge: Polity Press, 2023.
- Kotha, Ashrita Prasad. "The Mauritius Route: The Indian Response." *Saint Louis University Law Journal* 62, no. 1 (2017): 203–218.
- Lal, Brij V. "The World Becomes Stranger, the Pattern More Complicated": Culture, Identity and the Indo-Fijian Experience." In *Indian Diaspora: Socio-Cultural and Religious Worlds*, edited by Penumala Pratap Kumar, 52–72. Leiden: Brill, 2015.
- Lessinger, Johanna. "Indian Immigrants in the United States: The Emergence of a Transnational Population." In *Culture and Economy in the Indian Diaspora*, edited by Bhikhu Parekh, Gurharpal Singh, and Steven Vetrovec, 165–182. London: Routledge, 2003.
- Min Ye. *Diasporas and Foreign Direct Investment in China and India*. New York: Cambridge University Press, 2014.
- Sahay, Anjali. *Indian Diaspora in the United States: Brain Drain or Gain?* Plymouth: Lexington Books, 2009.
- Sahay, Anjali. "Giving Back to India: Investment Opportunities and Challenges." In *Tracing the New Indian Diaspora*, edited by Om Prakash Dwivedi, 81–98. New York; Amsterdam: Rodopi, 2014. https://doi.org/10.1163/9789401211710_001.
- Thakurta, Paranjy Guha, and Shinzani Jain. *Thin Dividing Line. India, Mauritius and Global Illicit Financial Flows*. Delhi; Mumbai: Penguin Random House India, 2017.
- Tuathail, Graroid O. *Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space*. London: Routledge, 1996.
- Verma, Saunjuhi. "Labour Policy and Global Indian Diaspora." In *Routledge Handbook of the Indian Diaspora*, edited by Ratha Sarma Hegde, and Ajaya Kumar Sahoo, 77–90. London; New York: Routledge, 2018.
- Wimmer, Andreas, and Nina Glick Schiller. "Methodological Nationalism, the Social Sciences and the Study of Migration: An Essay in Historical Epistemology." *International Migration Review* 37, no. 3 (2003): 576–610. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2003.tb00151.x>.

Сведения об авторе

Куприянов Алексей Владимирович,

к.и.н., руководитель Центра Индоокеанского региона Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова

Российской академии наук

117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., 23

e-mail: a.kupriyanov@imemo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 2 июня 2025.

Переработана: 23 июня 2025.

Принята к публикации: 26 июня 2025.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Куприянов, А.В. Индийская диаспора между политикой и бизнесом // Международная аналитика. 2025. Том 16 (2). С. 46–62.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-2-46-62>

Indian Diaspora Between Politics and Business

ABSTRACT

The formation of a global Indian diaspora is one of the most important processes in the context of the ongoing globalization. Members of the diaspora are gradually occupying increasingly higher positions in the economic and political life of the recipient countries, but the benefits that India derives are the subject of much debate. There is a conception that as ethnic Indians advance to senior positions in big business and government agencies overseas, the economies and foreign policies of these countries become increasingly friendly to India. The author attempts to test this hypothesis analyzing three different cases: Mauritius, Fiji, and the USA. While in Mauritius the Indian diaspora constitutes the majority of the island's population, the Indians remain a discriminated minority in Fiji. In the USA, the Indian diaspora has become an important part of the political landscape, with Indians occupying senior positions in all recent presidential administrations. The article concludes that the hypothesis about the potentially important role of the Indian diaspora is not confirmed in all three cases. In Mauritius, the diaspora perceives itself as part of the Mauritian nation and is not going to act in the political interests of the metropolis. The Indian diaspora in Fiji is more of a foreign policy challenge to India. Finally, the American Indian diaspora is reluctant to invest in key sectors of Indian industry, as politicians of Indian origin seek to confirm loyalty to their new homeland instead of acting in the interests of India.

KEYWORDS

India, diaspora, Fiji, Mauritius, USA, soft power

Author

Alexey V. Kupriyanov,

PhD (Hist.), Head of the Centre of the Indo-Pacific Region, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

23, Profsoyuznaya Street, Moscow, Russia, 117997

e-mail: a.kupriyanov@imemo.ru

Additional information

Received: June 2, 2025. Revised: June 23, 2025. Accepted: June 26, 2025.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Kupriyanov, Alexey V. "Indian Diaspora Between Politics and Business."

Journal of International Analytics 16, no. 2 (2025): 46–62.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-2-46-62>

Проблемы и тенденции формирования диаспор в странах Северной Европы

Гюльнара Ильясбековна Гаджимурадова, МГИМО МИД России,
Институт Востоковедения РАН, Москва, Россия

Контактный адрес: g.gadzhimuradova@my.mgimo.ru

АННОТАЦИЯ

Миграция имеет особое значение для стран Северной Европы. Она неоднородна и проходила в разные временные периоды, по разным причинам. Вначале она имела характер трудовой миграции между странами Северной Европы: из менее развитых в начале XX в. Дании, Норвегии и Финляндии в Швецию. Далее в связи с экономическим ростом понадобилась рабочая сила, что побудило эти страны искать трудовых мигрантов за пределами региона. Таким образом, в странах Северной Европы стали постепенно формироваться этнические диаспоры. Наряду с трудовой миграцией, страны Северной Европы из гуманитарных соображений стали принимать беженцев из стран, охваченных войной. Вместе с тем прием мигрантов был связан и с демографическими проблемами северных стран. В связи с притоком иностранных мигрантов появились проблемы с их интеграцией. Эту и другие задачи были призваны решать адаптируемые миграционные политики – от более либеральной в Швеции до более прагматичной в Дании. Цель настоящего исследования – выявить структуры миграции и тенденции формирования диаспор в странах Северной Европы. В статье рассматриваются феномен диаспоры как таковой, политическое и культурное влияние диаспор на страны-доноры, общее и особенное миграционных политик государств Северной Европы, а также подходы к политике интеграции в Норвегии, Швеции и Финляндии, их плюсы и минусы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

диаспора, миграционная политика, денежные переводы, демография, трудовая миграция, иммиграция, интеграция

Термин «диаспора» этимологически восходит к греческому слову *"diaspeirein"*, означающему «рассеивать». Исторически оно относилось к «рассеиванию», или расселению, евреев после разрушения Первого Храма в 586 г. до н.э. Этот термин связывают с насильственным перемещением различных народов. Сегодня мы говорим об африканской, армянской, ирландской диаспорах, но именно на опыте еврейской диаспоры основана парадигма диаспоральных исследований¹.

Понятие диаспоры прошло путь трансформации от обозначения группы выходцев из какого-либо региона, часто объединенных территориальной и конфессиональной принадлежностью, до современного этнического понимания диаспоры, которое сегодня является самым распространенным.

В научных кругах понятию «диаспора» иногда приписывают разновекторную направленность, основанную на меняющейся идентичности². Исследователи говорят о том, что диаспора и подходы к данному феномену «эволюционируют с геометрической прогрессией»; это дает основания ставить вопрос о том, можно ли рассматривать диаспору как принципиально нового транснационального актора международных отношений³. «Диаспорой обычно называют как процесс рассеяния первоначально единого человеческого сообщества, так и совокупность возводящих себя к этому сообществу групп, проживающих вне изначального района обитания»⁴.

А. Портес и П. Фернандес-Келли⁵ утверждают, что диаспоры стимулируют транснационализм и представляют собой важнейший мост между страной проживания и страной происхождения. Таким образом⁶, диаспоры становятся ключевыми агентами глобализации, поскольку они транспортируют и популяризируют культуру, поддерживают устойчивую экономику, питают мультикультурализм и разнообразие, которые были чрезмерно теоретизированы в последние несколько десятилетий и находились в фокусе внимания социальных наук и политических дебатов.

В широком смысле под диаспорой можно понимать, во-первых, религиозно-этническую общность, находящуюся в иноэтнической среде; во-вторых, население какой-либо страны, которое принадлежит этнически и культурно к другому государству (например, азербайджанцы в Иране, или же лезгины и аварцы, проживающие на севере и северо-западе Азербайджана, но этнически и культурно близкие лезгинам и аварцам Дагестана).

Каковы же роль и место диаспор в странах пребывания, как они участвуют в процессах интеграции и жизни принимающего общества?

Следует отметить двоякую роль диаспор. Первая, по мнению белорусского исследователя Т.И. Шупенько, выражается в том, что страны с многочисленной диаспорой за рубежом все чаще пытаются решать свои внешнеполитические задачи при их активном участии. Другая тенденция заключается в том, что диаспоры активно используют свой лоббистский потенциал для реализации собственных

1 Kamboureli 2020.

2 Лошкарев 2017.

3 Борисова 2023.

4 Обидина 2012.

5 Portes, Fernández-Kelly 2015.

6 Hack-Polay et al. 2023.

интересов как в стране пребывания, так и на международной арене (получение дополнительных прав и возможностей для представителей диаспоры, особых гарантий для их эффективного развития и т.д.)¹. Научные исследования феномена «диаспора» приобретают новые оттенки и грани, связанные с политизацией этничности, ростом влияния диаспор на мировую политику, анализом факторов, способствующих сохранению идентичности в глобализирующемся мире².

В странах Северной Европы проживают многочисленные диаспоры из Азии, Африки, Европы, с Ближнего Востока. Норвегия, Швеция и Финляндия являются удачными примерами миграционной политики. В подходах каждого из этих государств к выстраиванию взаимодействия с диаспорами есть свои преимущества и недостатки. Миграционные политики Норвегии, Швеции и Финляндии включают в себя последовательную работу с диаспорами с целью их интеграции. На основании статистических данных миграционной службы стран Северной Европы дается обзор исторической и структурной динамики возникновения диаспор в странах Северной Европы. В статье применяется компаративный анализ интеграционных процессов и деятельности диаспор в странах Северной Европы; приводятся интервью, призванные выявить причины миграции, а также способность мигрантов адаптироваться к обществу страны пребывания и интегрироваться в него. На основании исследований ученых ряда стран Северной Европы раскрывается тема дискриминации мигрантов на рынке труда, проистекающей не столько из-за профессиональных компетенций, сколько из-за проблемы «свой – чужой».

Положение диаспор в странах Северной Европы и особенности их интеграции

С 1970-х гг. иммиграционная политика в Европе перешла от так называемого безграничного мультикультурализма – принципа навязывания иммигрантам как можно меньше ценностей и повседневных практик большинства – к современной парадигме национальной гражданской политики, в рамках которой иммигранты должны разделять гражданские и культурные ценности большинства населения³.

С точки зрения А. Бамбергера⁴, многие (национальные) государства начали осознавать «полезность» диаспор для поддержания своих внешних связей и повышения собственной глобальной конкурентоспособности. Полная ассимиляция перестала быть обязательным условием национальной идентичности; вместо этого поощрялся «мультикультурализм», подчеркивающий сосуществование и толерантность множества культурных традиций.

Формирование диаспор в Норвегии

Как и другие страны Северной Европы, Норвегия до Второй мировой войны была страной эмиграции. Однако во второй половине XX в. в связи с разработкой нефтяных и газовых месторождений назрела необходимость в специалистах и обслуживающем персонале. В Норвегию потянулись преимущественно

1 Шупенько 2023.

2 Слуцкая 2023.

3 Colomer 2024.

4 Bamberger et al. 2021.

неквалифицированные рабочие из стран с избыточным трудовым потенциалом (прежде всего мусульманских), представляющие в основном мужское население: из Турции, Пакистана и Марокко. Несколько позже Норвегия стала принимать из гуманных соображений беженцев из стран, где имели место военные действия или вооруженная смена режима и где находиться было небезопасно: из Сомали, Югославии, Афганистана и др.

Формирование миграционной политики государства прошло этапы от мультикультурализма до модели интеграции. С начала тысячелетия численность населения, родившегося за пределами страны, увеличилась почти в четыре раза, достигнув 931 тыс. человек в 2024 г. и составив почти 16,8% населения, при этом дети иммигрантов составляют еще 4%¹. По утверждению норвежского профессора Г. Брехманн², «иммиграция, будучи одним из ключевых факторов социальных изменений в Норвегии, вызвала новые сложности в обществе, которое ранее было довольно однородным с точки зрения ценностей, религиозной и этнической принадлежности, языка и образа жизни и которое твердо привержено равному распределению социальных и экономических благ и культурным нормам эгалитаризма».

Сегодня в Норвегии проживают диаспоры, условно говоря, «европейские», в основном из стран Восточной, Северной Европы и бывшего Советского Союза (поляки, литовцы, шведы, немцы, финны, армяне, чеченцы и др.), а также диаспоры из стран Ближнего Востока, Африки и Азии (сирийцы, сомалийцы, пакистанцы, вьетнамцы и т.д.). При этом если численность «европейских» диаспор сравнительно невелика, и они довольно хорошо интегрированы в норвежское общество, то выходцы из стран Ближнего Востока, Африки и Азии, численность которых в разы больше, довольно слабо интегрированы и предпочитают жить в созданных ими анклавах. По данным Статистического управления Норвегии, на 1 января 2025 г. в стране проживало 965 113 иммигрантов и 230 237 родившихся в Королевстве в семьях иммигрантов, что составляет 17,3% и 4,1% от общей численности населения³. Число выходцев из Африки и Азии равняется 110 488 и 282 408 человек, что соответствует 2% и 5% от общей численности населения.

Для страны, где проживает около 5,6 млн человек, это – внушительные цифры. С одной стороны, в Норвегии заинтересованы в скорейшей интеграции иммигрантов. С другой – считают необходимым возвращение на родину беженцев, которые могут не опасаться за свою жизнь. Понимание динамики сотрудничества государств-доноров и государств-реципиентов мигрантов в сфере репатриации требует изучения точек зрения обеих сторон.

Показателен пример Эфиопии, которая не заинтересована в возвращении своих соотечественников. Речь идет о нелегальных мигрантах и людях в статусе беженца, которые могут вернуться на родину. И это несмотря на то, что в 2012 и 2018 гг. между государствами были подписаны соответствующие соглашения, причем последнее дублировало соглашение между ЕС и Эфиопией, заключенное

1 Grete Brochmann, "Norway: Rising Immigration in a Welfare State," Migration Policy Institute, February 12, 2025, accessed June 9, 2025, <https://www.migrationpolicy.org/article/norway-immigration-welfare-state>.

2 Ibid.

3 "Immigrants and Norwegian-Born to Immigrant Parents," Statistics Norway, March 7, 2025, accessed June 7, 2025, <https://tinyurl.com/26jj7x9t>.

ранее в том же году. По мнению А. Кефале, Ж.-П. Брекке и Г. Брокманн, в вопросах миграции правительство Эфиопии в первую очередь учитывает такие негативные факторы, как бедность, конфликты и ухудшение состояния окружающей среды, а также такие преимущества, как денежные переводы. В свою очередь, государства – члены Европы, включая Норвегию, считают процесс возвращения мигрантов критически важным для целостности своих систем предоставления убежища, поскольку слабый контроль может привести к росту нелегальной миграции и подорвать стимулы к добровольному возвращению¹.

Интересен пример сомалийцев, которые, прожив какое-то время в Норвегии, решают вернуться на историческую родину. В своем исследовании А. Хандулле² рассматривает причины репатриации таких семей с детьми. Среди выявленных причин – стремление родителей избежать стигматизации, желание усилить эмоциональную привязанность своих детей к Сомали, приобщить их к сомалийской культуре и улучшить их языковые навыки. Здесь репатрианты больше не ощущают себя национальным меньшинством, возвращаются к уже забытой жизни, традициям, в том числе кулинарным. В Норвегии многие из них, даже имея достойное образование, ощущали свою «вторичность» на рынке труда и по отношению к коренным жителям страны.

Многие исследователи сходятся во мнении, что сомалийцы – мигранты в первом поколении могут быть более нацелены на возвращение, поскольку они испытывают чувство потери и беспокоятся, что их культурные ценности могут оказаться под угрозой в принимающей стране. Второму поколению мигрантов сложнее идентифицировать себя со страной своих родителей, потому что они считают своей принимающую страну³. При этом представители и первого, и второго поколения подчеркивают трудности в свете стигматизирующего опыта. В качестве одной из причин возвращения на историческую родину в большинстве диаспор отмечают проблемы с ювенальной юстицией Норвегии.

Вместе с тем вернувшиеся родители воспроизводят некоторые культурные установки Норвегии через изучение норвежского языка, просмотр норвежских кинофильмов, даже отмечают некоторые национальные праздники Норвегии. Таким образом, переехав на родину, они не рвут полностью связь с Норвегией, а воспроизводят маленькую Норвегию в Сомали так же, как пытались создать маленький Могадишо в Норвегии. Возможно, в надежде, что их повзрослевшие дети вновь эмигрируют и найдут себя именно в Норвегии, где уровень жизни и возможности получения хорошего образования и последующего трудоустройства намного выше, чем на родине.

Одной из многочисленных диаспор в Норвегии является польская диаспора, численность которой с 2004 г., после того как Польша стала членом ЕС, насчитывает более 100 тыс. человек. Все они въехали в страну в качестве трудовых мигрантов. На норвежском рынке труда поляки в основном востребованы в таких отраслях, как строительство, гостиничный бизнес, клининговые услуги, судостроение, сельское хозяйство и пищевая промышленность. Уровень заработной платы

1 Kefale et al. 2025.

2 Handulle 2022.

3 Abdile 2014.

в этих отраслях, как правило, более низкий¹. По утверждению Й.Х. Фриберга, «им [польским мигрантам – Г.Г.] платят на 30% меньше, чем норвежским рабочим, и работодатели крадут значительную часть их рабочего времени, заставляя работать сверхурочно бесплатно»².

По причине того, что они «другие», хотя и белые, польские иммигранты подвержены определенной дискриминации на рынке труда. Тем не менее, по мнению М. Андерссон и Дж. Рай³, они в значительной степени интегрированы в рынок труда и разделяют общую европейскую культурную традицию.

Наиболее компактной по условиям проживания и социальной поддержке является чеченская диаспора в Норвегии. Следует, однако, отметить ее неоднородность, связанную с такими особенностями, как время и причины переезда, возраст, социальные установки и идентичность. Численность чеченской диаспоры в Норвегии насчитывает около 15 тыс. человек. По мнению М. Сугаиповой и Ю. Вильгельмсен⁴, чеченская диаспора в Норвегии демонстрирует позитивное отношение к принимающей стране и неохотно возвращается на родину. Вместе с тем часть чеченцев, разочаровавшись в *Barnevernet* (Барневарн)⁵, готова переехать на родину, чтобы воспитывать детей в традициях и обычаях своего народа. Как утверждают исследователи, после почти 20 лет жизни в «стране всеобщего благоденствия» (*welfare state*), где господствует верховенство закона и обеспечиваются права и свободы человека, представители этой группы демонстрируют явные признаки адаптации и изменения своих правовых взглядов. Несмотря на некоторые негативные моменты, как утверждают М. Сугаипова и Ю. Вильгельмсен, норвежская система высоко оценивается чеченцами с точки зрения верховенства закона.

Вместе с тем, на фоне растущей исламофобии в большинстве европейских стран, среди чеченской диаспоры на передний план начинает выходить мусульманская идентичность, что может привести к отчуждению чеченцев от норвежского общества и в будущем стать проблемой для правительства. Как утверждают авторы⁶, поддержка демократии и норвежского законодательства в чеченской диаспоре превышает поддержку шариата.

Необходимо отметить, что чеченская диаспора в Норвегии не утратила своей идентичности, сохранила язык и старается следовать традициям, встраиваясь при этом в общую политическую и социально-экономическую систему страны. Как и большинство выходцев из стран бывшего Советского Союза, чеченцы довольно хорошо адаптируются в стране приема и интегрируются в ее общество.

Собеседница, 35 лет, чеченка. Родилась в Чечне, рано вышла замуж и во время второй чеченской кампании уехала с мужем в Норвегию. Муж смог наладить небольшой бизнес в сфере торговли, она за год выучила норвежский язык, впоследствии получила специальность медсестры и сейчас работает в больнице.

1 Andersson, Rye 2023.

2 Björn Lindahl, "Polish Immigrants in Norway – with Only One Foot in the Labour Market," Nordic Labour Journal, June 22, 2017, accessed June 10, 2025.

3 Andersson, Rye 2023.

4 Sugaipova, Wilhelmsen 2021.

5 *Barnevernet* (норв.) – норвежская государственная служба по защите прав и интересов детей. Занимается оказанием помощи и поддержки детям и подросткам.

6 Sugaipova, Wilhelmsen 2021.

Недавно перебрались в поселение недалеко от Осло. Родила четверых детей. Она и муж стараются воспитывать детей в традициях своего народа, хотя понимают, что в полной мере это не получится, т.к. дети учатся в школе и они все больше становятся частью норвежского общества. Носит хиджаб. Это не мешает ей работать и общаться с норвежцами. Посетовала, что раньше беспрепятственно проходила паспортный контроль со стороны норвежского государства при поездках в Россию, и вот уже несколько раз в последнее время возникали сложности при прохождении паспортного контроля, что вызвало негативные эмоции с ее стороны. Хочет ли вернуться на родину? «Да, но меня многое связывает с Норвегией: дом, дети, работа, материальное благополучие. Может быть позже, когда дети подрастут и изменится ситуация»¹.

Опыт диаспор в Швеции

Швеция, в отличие от Норвегии, имеет давнюю традицию приема иммигрантов. По данным Всемирного банка, численность населения страны по состоянию на 2024 г. равнялась 10 569 709 человек. Чистая миграция составила 50 115 человек, что говорит о положительном сальдо миграции². Швеция является одной из стран, где политика гражданской интеграции получила развитие лишь после миграционного кризиса 2015–2016 годов. В стране сложились сильные гуманитарные традиции. В 1960-х гг. Швеция ориентировалась на мультикультурную модель, однако позже заменила ее на модель универалистскую³. И.В. Гришин отмечает: «Притягательность Швеции для международных мигрантов во многом объясняется ее широко известным имиджем гостеприимного реципиента. Шведы выбрали этот путь осознанно и глубоко мотивированно, полагая, что их моральный долг как избавленной от войн с начала XIX в. (1814 г.) и социально преуспевающей нации – облегчить участь нуждающихся в защите и помощи, насколько это возможно»⁴. По мнению Н.С. Плевако, «Швеция, наиболее активная в вопросе приема иммигрантов, очень скоро превратилась из моноэтнического государства в страну с мультикультурным населением, более 15% жителей которой родились за пределами королевства»⁵.

Странами-донорами мигрантов для Швеции в основном являются страны мусульманского мира: Ирак, Сирия, Ливан, Иордания, Египет, Сомали. Одной из самых быстрорастущих диаспор в Швеции является сомалийская диаспора.

Вторая по численности в Европе сомалийская диаспора (68 290 родившихся за рубежом по состоянию на 2023 г. и порядка 60 тыс. родившихся в Швеции в семьях мигрантов) проживает в Швеции.⁶ Сомалийцы в Швеции – это шестая по численности иммигрантская группа в стране после сирийцев, финнов, иракцев, поляков и иранцев.

Причинами миграции из Сомали стали кровопролитный вооруженный конфликт 1991 г., климатические и экологические бедствия, связанные с засухой и наводнениями. Большинство климатических и политических беженцев осели

1 Полевые материалы автора (далее – ПМА). Осло. 2019 г.

2 "Sweden," World Bank, accessed June 10, 2025, <https://data.worldbank.org/country/sweden?view=chart>.

3 Бутенко 2023.

4 Гришин 2019.

5 Плевако 2015.

6 Statistiska centralbyrån (Statistics Sweden), accessed June 10, 2025, <https://www.scb.se/>.

в приграничных государствах, надеясь вернуться в страну при благоприятных условиях, а те, кто имел материальные возможности и тесные связи с европейскими диаспорами, отправились в Европу.

Росту численности сомалийцев способствуют также высокая рождаемость и молодой возрастной состав диаспоры, в котором половина – люди в возрасте от 15 до 34 лет. Кроме того, шведское законодательство обеспечивает право семей на воссоединение, в результате чего в страну устремляются многочисленные родственники беженцев – как реальные, так и мнимые¹. Множество сомалийцев в Швеции являются беженцами или просителями убежища. Их уровень образования недостаточен для шведского рынка труда, однако есть совсем небольшой процент сомалийцев, которые хорошо прижились в шведском обществе. Среди них – спортсмены – бегуны на длинные дистанции, модели, музыканты и даже политики. Можно назвать известного сомалийско-шведского футболиста Ф. Мохамеда, баскетболиста А. Османа, сомалийско-шведскую журналистку и актрису А. Абдуллахи, сомалийско-шведскую активистку за права женщин С. Исмаил и др.

Политика мультикультурализма, которую проводило шведское государство, не дала ожидаемых результатов. Сомалийцев, проживающих в стране не одно десятилетие, неприятие европейских ценностей отдалило от шведского общества. Этому способствовали дискриминация на рынке труда, исламофобия, незнание языка принимающей страны и некоторые законы, которые, как считают новые граждане, противоречат их традициям, например отношение к так называемому женскому вопросу, мусульманской религии. Мир, в котором существует равенство полов, женщина представлена в публичной сфере и имеет возможность занимать руководящие посты, им просто непонятен. Критическое отношение к западным реалиям особенно распространено среди мужчин².

Впрочем, по мнению С. Горохова, М. Агафошина и Р. Дмитриева³, сомалийская диаспора не составляет в стране монолитной этнической группы – она расколота примерно на сотню сомалийских общинных организаций, как правило основанных на клановой принадлежности. Прибывающие в страну сомалийцы фактически сразу оказываются под контролем своих клановых лидеров, селясь именно в тех районах, где проживают их соплеменники, что затрудняет интеграцию уроженцев Сомали в шведское общество.

Особенностью сомалийских диаспор является их желание воспроизвести маленький Сомали на новой родине, что еще больше маргинализирует сомалийских мигрантов. Это относится и к другим диаспорам из мусульманских стран: афганской, сирийской, иракской и др. Нежелание интегрироваться приводит к проблеме поиска своей идентичности, которая зачастую основывается на религиозной принадлежности. Причем поиск идентичности характерен не для первого поколения мигрантов и даже не для второго, если мы говорим об исторических рамках, а для третьего поколения молодых иммигрантов-мусульман. Обращение их к радикальному исламу вызывает опасения среди населения европейских стран.

1 Горохов et al. 2020.

2 Гаджимурадова 2016.

3 Горохов et al. 2020.

Особое внимание стоит уделить сирийской диаспоре в Швеции. По состоянию на 2024 г. в стране проживало 196 152 гражданина Сирии (из них 108 154 мужчин и 87 998 женщин)¹. Эта диаспора является второй по численности после иракской и имеет тенденцию к росту за счет притока беженцев и ищущих убежища на фоне военных действий в Сирии. Сирийская диаспора в Швеции имеет исторические корни, что является фактором притяжения для сирийских беженцев и мигрантов. Многие прибыли в страну в поисках работы и хорошо себя зарекомендовали на рынке труда Швеции. Сирийская диаспора, наряду с иракской и ливанской, относительно сильна экономически, а деловые связи сирийско-шведских бизнесменов, как правило, распространяются на несколько стран². Но смогут ли прибывающие мигранты стать такими же ценными специалистами, как их предшественники, учитывая, что в результате непрекращающихся военных действий и экономического спада система образования значительно ухудшилась? Многие сирийцы получают образование в США, Канаде и в странах Европы, а после остаются там работать. Поэтому говорить о сирийских беженцах как о потенциальных трудовых мигрантах, на наш взгляд, некорректно. По данным УВКБ³, в 2023 г. в страну прибыло 94 873 беженца и 856 ищущих убежища, в 2024 г. – 25 632 и 727 человек соответственно. Вследствие событий декабря 2024 г., связанных с падением правительства Б. Асада, можно предполагать дальнейшее увеличение потока беженцев, в том числе в Швецию.

Нет сомнений в том, что иммигрантское прошлое «шлейфом» тянется за «новыми» гражданами, которые прожили длительное время в стране или уже являются шведами в нескольких поколениях. Это наглядно проявляется в скрытой дискриминации на рынке труда, в быту и в повседневной жизни. Ощущение того, что ты «другой», отличный от «настоящих» шведов и по внешности, и по культуре, зачастую доступность общения и дружбы только с представителями своей общины не позволяют чувствовать себя «своим» среди «чужих»⁴. Миграция, как ожидается, будет расти из-за разрыва в доходах, демографического дисбаланса, изменения климата и конфликтов.

Как отмечалось выше, мигранты из стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза не представляют монолитных диаспор, хотя чувство принадлежности к своим соотечественникам вполне реально. Выходцы из этих стран, как правило, имеют образование и специальность, настроены на интеграцию в общество страны проживания, владеют одним или несколькими иностранными языками, что облегчает доступ к национальному рынку труда и делает их востребованными. При этом объединений, подобных диаспорам из мусульманских стран, они не образуют. Это, однако, не означает, что они не обладают основными признаками диаспоры, такими как проживание за пределами своей исторической родины, сохранение этнокультурной идентичности, а также особая связь с родиной.

1 "Population by Country of Birth, Age and Sex. Year 2000 – 2024," Statistikdatabasen, accessed June 10, 2025, <https://tinyurl.com/3aaw49kp>.

2 Сарабьев 2021.

3 "Refugee Data Finder," UNHCR, accessed June 10, 2025, <https://tinyurl.com/4kxthdj6>.

4 Гаджимурадова 2019.

Собеседник, 25 лет, азербайджанец. Родился и жил в Азербайджане, там же случайно познакомился с гражданкой Швеции, стали переписываться, встречаться, возникли чувства. Впоследствии поженились, он переехал в Швецию. Процесс адаптации благодаря супруге проходил без особых сложностей. Как иностранец, пошел на курсы интеграции, которые, конечно, начались с изучения языка. Да, они были бесплатные, но его не устроило, что другие участники не проявляли должного рвения, нарушали дисциплину, ходили на курсы формально. «Я понял, что не смогу выучить язык в такой обстановке, и решил заниматься платно с репетитором. Выучил язык достаточно быстро, сдал экзамен, занялся поиском работы». Работает на ресепшене в гостинице. Думает продолжить учебу и получить востребованную специальность. Но позже. Жизнью доволен, привыкает к новой стране. Скучает ли по родине? «Конечно, но мир большой, могу поехать в отпуск, родные навещают меня в Стокгольме, общаемся по телефону и т.д.». Есть ли друзья? Да, общается чаще с русскоговорящими, в том числе из России¹.

Диаспоры в Финляндии

Финляндия долгое время была страной эмиграции. Страной назначения для финнов была Швеция, которая в середине XX в. переживала экономический подъем. С начала XXI в. Финляндия постепенно становится постиндустриальной страной, а также превращается в принимающую иммигрантов страну. Близость к России, многочисленные связи породили такой вид миграции, как приграничная миграция. Распространенными были бизнес-миграция, образовательная миграция, рекреационная, трудовая, миграция по линии воссоединения семей. Русские² являются одной из самых крупных диаспор в Финляндии, а русский язык – третьим по популярности в стране, особенно это касается юго-восточной и восточной Финляндии. Сегодня в связи с санкциями, введенными ЕС и Финляндией, приграничное сообщение приостановлено, и все научные и бизнес-проекты заморожены.

По сообщению финской государственной телерадиовещательной компании Yle³ со ссылкой на Статистический центр Финляндии, в стране проживает более 600 тыс. иноязычных жителей, большая часть из которых – русскоговорящие. За 10 лет (2014–2024) число людей, говорящих на русском, увеличилось более чем на 30 тысяч. На конец 2024 г. в Финляндии проживало 102 488 русскоязычных жителей.

Вторая по величине группа – эстоноговорящие, их численность составляет 49 564 человека. В то же время арабский язык уже догоняет эстонский по распространенности в Финляндии. По последним данным, в стране проживает 43 534 арабоязычных жителя. Число людей, говорящих на арабском, почти утроилось по сравнению с 2014 годом⁴.

Численность населения Финляндии на конец 2024 г. составляла 5 635 971 человек. За прошедший год население страны увеличилось более чем на 32 тыс. человек только за счет входящей миграции. Отчасти это объясняется и тем, что

1 ПМА. Стокгольм. 2019 г.

2 Под словом «русские» подразумеваются русскоговорящие: русские, белорусы, украинцы, татары, башкиры и другие выходцы из России и стран бывшего Советского Союза, общающиеся в основном на русском языке.

3 Количество иноязычных в Финляндии увеличилось в прошлом году – русскоязычных стало 102 000 // Yle. [Электронный ресурс]. URL: <https://yle.fi/a/74-20153865> (дата обращения 10.06.25).

4 Ibid.

в страну прибыли граждане Украины, для большинства из которых русский язык является родным.

Таким образом, показатель демографического роста в стране стал вторым по численности за последние 60 лет¹. Согласно данным Статистического центра Финляндии², на конец 2024 г. около 610 тыс. человек говорили на родном языке, отличном от финского, шведского или саамского. Число носителей иностранного языка увеличилось на 51 854 в течение 2024 года. Число носителей финского, шведского или саамского языков сократилось на 19 734. Доля носителей иностранного языка в общей численности населения на конец 2024 г. составляла 10,8%. Этот показатель увеличился почти на один процентный пункт по сравнению с 2023 годом. Несмотря на введенные санкции, число эмигрантов из России в Финляндию несильно сократилось. Сейчас это в основном иммиграция по линии воссоединения семей (см. *Таблицу 1*).

Таблица 1.

ЧИСЛО ЭМИГРИРОВАВШИХ ИЗ РОССИИ В ФИНЛЯндиЮ (2020–2023)
THE NUMBER OF EMIGRANTS FROM RUSSIA TO FINLAND (2020–2023)

Год	2020	2021	2022	2023
Число людей	2457	2724	6003	4307

Источник: составлено автором на основе данных Статистического управления Финляндии. “11w1 – Immigration and Emigration by Country of Departure or Arrival, Sex and Language, 1990-2023,” Tilastokeskus, 2025, accessed June 10, 2025, <https://tinyurl.com/552jju4w>.

Русские в Финляндии достаточно неоднородны, политизированы, разобщены, что мешает консолидации и решению общих проблем. Вместе с тем они достаточно хорошо интегрированы в общество страны проживания. Это происходит благодаря историческим связям, хорошему образованию и востребованности на рынке труда Финляндии³. По сравнению с диаспорами из стран Африки и Азии, у которых процесс интеграции затруднен и большинство из которых живут на пособие по безработице, русскоговорящие быстрее находят работу и лучше адаптируются. Однако последние менее консолидированы; община разобщена, в том числе по идеологическим или политическим соображениям; общение в основном происходит во время общих праздников и дат (Рождество, Дни рождения, Новый год, 8 марта, День Победы и т.д.).

Собеседница, 63 года, русская. Родом из Петрозаводска. «Переехали в 90-е годы по программе, т.к. бабушка моего мужа родилась на территории Финляндии. На родине работала учительницей начальных классов. В Финляндии не смогла найти работу по специальности, но работала по трудовому договору помощником учителя. Проблема в незнании языка в должной степени. Ходила на курсы интеграции, учила язык, говорю, но владею не в совершенстве. Конечно, работу свою люблю, но понимаю, что в Финляндии не смогу ее продолжить. Еще нужно учитывать предпенсионный возраст, это тоже причина, по которой не смогу работать. Общаюсь

1 Предшествующий демографический рост в Финляндии наблюдался в 1950–1960-е годы.
2 “Immigrants and Integration,” Statistics Finland, accessed June 10, 2025, https://stat.fi/tup/maahanmuutto/index_en.html.
3 Гаджимурадова 2022.

в основном с соотечественницами, которые, как и я, живут здесь. Есть несколько знакомых из местных, но друзей нет. Сын взрослый уже, имеет гражданство Финляндии, работает, есть у него финские товарищи, но больше русскоговорящих. Получаю пенсию, стараюсь чаще бывать в России»¹.

Те, кто приехал в страну в раннем возрасте или родился здесь, адаптируются быстрее, находят работу, создают семьи, воспитывают детей, но семьи стараются создавать с русскоязычными или со своими соотечественниками.

Собеседник, 35 лет, русский. Родом из Петрозаводска, учился в университете, не закончил учебу – разонравилась будущая профессия. Женат, двое детей. Жена – программист, работала в филиале финской компании в Карелии. Получила перевод в головной офис в Финляндии. Собеседник хоть и не имеет специального профессионального образования, хорошо разбирается в программировании и в IT. Переехали всей семьей в Финляндию. Нашел работу, приобрели дом в ипотеку, хватает знания английского языка, хотя уже немного понимает и говорит по-фински. Одна из причин переезда, как говорит собеседник, – это то, что его не устраивало качество продуктов на родине и многое другое².

Собеседница, около 35 лет, родом из Кондопоги. Переехала по причине того, что у сына обнаружилась непереносимость глютена, ему нужна была безглютеновая диета, таких продуктов в Кондопоге нет, ближе было переехать в Восточную Финляндию. Был небольшой бизнес на родине, муж остался, а она переехала. Пока были открыты границы, ездила домой несколько раз в месяц. Хоть и есть хорошее образование, устроилась на работу в клининговую компанию. Имеет вид на жительство, сын ходит в школу. Пока так, о далеком будущем не задумывалась³.

Можно сделать вывод о том, что миграционные процессы за многие годы стали важной составляющей отношений между двумя государствами. Это объясняется географической близостью, академической мобильностью, деловыми, дружескими и семейными связями.

Живя за границей, русские не утратили своей идентичности, но при этом не стали консолидированной и влиятельной диаспорой, которая могла бы лоббировать свои интересы в стране проживания. Тем не менее они играют заметную роль в социально-политической и экономической жизни Финляндии⁴. В конце июля в Финляндии состоялся автопробег в поддержку открытия границы с Россией, одним из организаторов которого выступил депутат городского совета Лаппеенранты И. Девяткин⁵.

Другие заметные диаспоры в Финляндии включают в себя выходцев из стран (прежде всего арабоязычных) Африки и Ближнего Востока. Одна из наиболее крупных групп – сомалийская диаспора (см. *Таблицу 2*).

1 ПМА. Йоэнсуу. 2022 г.

2 Ibid.

3 ПМА. Китеэ. 2022 г.

4 Например, мэром Хельсинки в апреле 2025 г. избран Д. Сазонов, который является выходцем из семьи ингерманландских репатриантов из Санкт-Петербурга. Родными считает русский и финский языки.

5 В Финляндии прошел автопробег за открытие границы с Россией // РИА Новости. 10 июня 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20250802/finljandija-2033027360.html> (дата обращения: 10.06.2025).

Таблица 2.

КРУПНЕЙШИЕ ИНОЯЗЫЧНЫЕ ГРУППЫ В ФИНЛЯНДИИ (2014–2024)
THE LARGEST FOREIGN-LANGUAGE GROUPS IN FINLAND (2014–2024)

Группы	Численность по годам	
	2014	2024
русские	69614	102487
эстонцы	46195	49563
арабы	14825	43534
украинцы	2436	38850
европейцы	16732	36971
сомалийцы	16721	26891
иранцы	8103	22154
китайцы	10110	19264
албанцы	8754	19072
курды	10731	17953
вьетнамцы	7532	16129
турки	6766	12964

Источник: составлено автором на основе данных статистического управления Финляндии. “Vieraskielisten määrä ylitti 600 000 henkilön rajan vuoden 2024 aikana,” Tilastokeskus, 2025, accessed June 10, 2025, <https://stat.fi/julkaisu/cm1jg8tr20lco07vwoif9s6i>.

Крупнейшими арабоязычными меньшинствами в Финляндии являются иракцы, сирийцы и марокканцы. Среди иракцев – коренные граждане, родившиеся в Финляндии, натурализованные граждане, родившиеся в Ираке, а также граждане Ирака, проживающие в Финляндии. По состоянию на 2024 г. в Финляндии проживало 30 346 человек с иракским происхождением¹. Из них 23 120 родились в Ираке, 7 226 – в Финляндии. Кроме того, 13 993 имели только иракское гражданство, 10 607 имели два гражданства, 5 746 имели только финское гражданство. Среди них есть курдское меньшинство.

По состоянию на 2024 г. в Финляндии проживало 9 408 человек, родившихся в Сирии. Число людей с сирийским гражданством составляло 7 629. Почти все они прибыли в Финляндию в качестве беженцев. Кто-то решил остаться, некоторые перебрались в другие европейские страны. В большинстве европейских стран они образовали диаспоры либо примкнули к тем, кто уже обосновался там. Процесс интеграции у старшего поколения проходил намного сложнее, чем у школьников и детей младшего возраста. Обосновавшиеся в стране неплохо говорят по-фински, учатся, в том числе в высших учебных заведениях, создали бизнес, преимущественно в сфере торговли. Практически все сохранили свою идентичность, воспитывают детей в своей культуре, в семье говорят на родном языке, что не мешает им быть лояльными стране пребывания.

Финляндию часто считают образцом государства всеобщего благосостояния, равенства, справедливости и успехов в сфере образования. Тем не менее

1 “Immigrants and Integration,” Statistics Finland, accessed June 10, 2025, https://stat.fi/tup/maahanmuutto/index_en.html.

большинство арабоязычных мигрантов не могут найти работу, сталкиваясь с дискриминационными практиками. Даже имеющие высшее образование вынуждены заниматься низкоквалифицированным трудом¹. Как показывает исследование Т. Курки², неравенство широко распространено в политике социального обеспечения, создающей и воссоздающей идеальный образ интеграции и интегрированных беженцев и иммигрантов. Несоответствие этим культурно обусловленным моделям может привести к санкциям, а также к обвинениям беженцев и иммигрантов в неспособности или нежелании интегрироваться в общество.

Заключение

Для стран с устоявшимися и интегрированными диаспорами важно, чтобы эти диаспоры действовали в рамках общей политики в отношении диаспор в странах-донорах и способствовали вовлечению диаспоры в процесс развития.

Учитывая влияние диаспор на социально-экономическое и политическое развитие как государств-реципиентов, так и государств-доноров, Глобальный фонд диаспоры Европейского союза (*EUDiF*)³ запланировал пять онлайн-консультаций для диаспор. Третья состоялась 29–30 сентября 2020 года⁴. В мероприятии приняли участие семь диаспорных организаций из четырех стран Северной Европы, представляющих страны разных регионов мира. В качестве основных целей консультации были заявлены обмен мнениями о возможностях и проблемах, связанных с вовлечением диаспор в процессы развития стран происхождения; достижение лучшего понимания профиля и динамики развития диаспорных организаций в Северной Европе; содействие установлению связей между ними.

Таким образом, деятельность диаспор не рассматривается вне государства. Они могут быть источником поддержки для своей исторической родины, например экономической или политической, но вместе с тем могут создавать напряженность и оказывать дестабилизирующее воздействие на страны-доноры и на страны-реципиенты.

Трудовые мигранты осуществляют денежные переводы, что положительно влияет на экономику стран-доноров; могут лоббировать интересы своей исторической и новой родины, способствовать улучшению их имиджа, участвовать в политических процессах, содействовать достижению взаимопонимания и развитию сотрудничества между странами. Они положительно влияют на демографическую динамику в странах-реципиентах, являются трудовым ресурсом для них, вносят вклад в социально-экономическое развитие страны проживания, обогащают местную культуру новыми формами и смыслами.

Наиболее активны диаспоры из стран Африки и Азии. Они ведут бизнес, сотрудничают с органами государственной власти, хорошо представлены на

1 Masoud et al. 2023.

2 Tuuli Kurki, "Immigrant-ness as (Mis)Fortune? Immigrantisation Through Integration Policies and Practices in Education," University of Helsinki, 2019, accessed June 8, 2025, <https://tinyurl.com/3hrak2b5>.

3 *EUDiF* – пилотный проект, финансируемый Генеральным директором Европейского союза по международному партнерству (*DG INTPA*) в рамках Инструмента сотрудничества в целях развития. Пилотная фаза проходила с июня 2019 г. по июнь 2024 г., вторая фаза началась в июне 2024 г. и должна завершиться в сентябре 2027 года. Проект реализуется Международным центром по развитию миграционной политики (ICMPD).

4 "Diaspora Consultation: Northern Europe," European Union Global Diaspora Facility, 29–30 September 2020, accessed June 10, 2025, <https://tinyurl.com/3xz65pw9>.

рынке труда, осуществляют помощь членам своей диаспоры, достаточно консолидированы, сохраняют родной язык, культуру и традиции.

Для принимающих государств важно налаживать связи между диаспорами, проживающими в них, независимо от вероисповедания, этнической или страновой принадлежности и культурных особенностей, интегрировать их в местное общество, искоренять дискриминацию на рынке труда. Иначе можно получить маленькие Могадишо, Карачи, Басру или Эрбиль, этническую преступность и прочие негативные явления внутри Швеции, Норвегии, Дании или Финляндии, что отрицательно скажется на социально-экономическом и политическом развитии последних.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Борисова, М.А. Диаспоризация мира как инструмент внешнеполитического влияния государств // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2023. № 2. С. 262–271.
- Borisova, Maria A. "Diasporization of the World as an Instrument of States' Foreign Policy." *Bulletin of the Tajik National University. Series of Economic and Social Sciences*, no. 2 (2023): 262–271 [In Russian].
- Бутенко, В.А. Трансформация политик интеграции иммигрантов в Скандинавии // *Via in tempore. История. Политология*. 2023. Т. 50. № 4. С. 1053–1060. <https://doi.org/10.52575/2687-0967-2023-50-4-1053-1060>.
- Butenko, Vladislav A. "Transformation of Immigrant Integration Policies in the Scandinavian Countries." *Via in tempore. History and political science* 50, no. 4 (2023): 1053–1060 [In Russian].
- Гаджимурадова, Г.И. Женская миграция из арабo-мусульманских стран в Европу: причины, современное состояние и перспективы // *Власть*. 2016. Т. 24. № 12. С. 147–149.
- Gadzhimuradova, Gylunara I. "Women's Migration from the Arab-Muslim Countries to Europe: Causes, Current Status and Prospects." *Vlast* 24, no. 12 (2016): 147–149 [In Russian].
- Гаджимурадова, Г.И. Миграционная политика стран Северной Европы в отношении иммигрантов из мусульманских стран (на примере Швеции и Финляндии) // *Исламоведение*. 2019. Т. 10. № 2. С. 5–21. <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2019-10-2-5-21>.
- Gadzhimuradova, Gylunara I. "Migration Policy of the Nordic Countries in Respect of Immigrants from Muslim Countries (For Example, Sweden and Finland)." *Islamovedenie* 10, no. 2 (2019): 5–21 [In Russian].
- Гаджимурадова, Г.И. Опыт интеграции специалистов-мигрантов в Финляндии и возможности его использования в России // *Научный результат. Социология и управление*. 2022. Т. 8. № 4. С. 117–125. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-4-1-0>.
- Gadzhimuradova, Gylunara I. "Experience of Integration of Specialists-migrants in Finland and the Possibility of Its Use in Russia." *Research Result. Sociology and Management* 8, no. 4 (2022): 117–125 [In Russian].
- Горохов, С.А., Агафшин, М.М., Дмитриев, Р.В. Сомалийцы в Швеции: региональное измерение // *Современная Европа*. 2020. № 7. С. 132–143. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72020150161>.
- Gorokhov, Stanislav A., Maksim M. Agafoshin, and Ruslan V. Dmitriev. "Somalis in Sweden: Regional Dimension." *Contemporary Europe*, no. 7 (2020): 132–143 [In Russian].
- Гришин, И.В. Интеграция иммигрантов в Швеции (социально-политический аспект) // *Южно-рос-сийский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20. № 1. С. 40–56. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-1-40-56>.
- Grishin, Igor' V. "Integration of Immigrants in Sweden (Socio-Political Aspect)." *South-Russian Journal of Social Sciences* 20, no. 1 (2019): 40–56 [In Russian].
- Лошкарёв, И.Д. Эволюция понятия «диаспора» в политической науке // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2017. № 4(106). С. 70–78.
- Loshkarev, Ivan D. "Evolyutsiya ponyatiya «diaspora» v politicheskoi nauke." *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*, no. 4(106) (2017): 70–78 [In Russian].
- Обидина, Ю.С. Концептуализация понятия «диаспора» в современных научных исследованиях // *Запад – Восток*. 2012. № 4–5. С. 5–18.
- Obidina, Yuliya S. "Konseptualizatsiya ponyatiya «diaspora» v sovremennykh nauchnykh issledovaniyakh." *Zapad – Vostok*, no. 4–5 (2012): 5–18 [In Russian].
- Плевако, Н.С. Шведская модель: прошлое и настоящее // *Северная Европа: проблемы истории*. Вып. 8. М.: Наука, 2015. С. 5–20.
- Plevako, Nataliya S. "Shvedskaya model': proshloe i nastoyashchee." In *Severnaya Evropa: problemy istorii*. Vyp. 8, 5–20. Moscow: Nauka, 2015 [In Russian].
- Сарабьев, А.В. Трудовые мигранты с арабского Востока в Швеции: изменение парадигм // *Балтийский регион*. 2021. Т. 13. № 4. С. 95–110. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-6>.
- Sarabiev, Alexey V. "Labour Migrants From the Middle East Arab Countries in Sweden: a Paradigm Shift." *Baltic Region* 13, no. 4 (2021): 95–110 [In Russian].
- Слуцкая, Л.В. Возможности и пределы влияния диаспор в современном мире // *Закономерности трансформации политических институтов в современном мире и в Республике Беларусь. Материалы круглого стола кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета*. Минск, 2023. С. 95–98.
- Slutskaia, Lyudmila V. "Vozmozhnosti i predely vliyaniya diaspor v sovremennom mire." In *Zakonomernosti transformatsii politicheskikh institutov v sovremennom mire i v Respublike Belarus'.* Materialy kruglogo stola kafedry politologii yuridicheskogo fakul'teta Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, 95–98. Minsk, 2023 [In Russian].
- Шупенько, Т.И. Трансформация роли диаспор в современном мире // *Закономерности трансформации политических институтов в современном мире и в Республике Беларусь. Материалы круглого стола кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета*. Минск, 2023. С. 111–114.

Shupen'ko, Tat'yana I. "Transformatsiya roli diaspor v sovremennom mire." In *Zakonomernosti transformatsii politicheskikh institutov v sovremennom mire i v Respublike Belarus'. Materialy kruglogo stola kafedry politologii yuridicheskogo fakul'teta Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta*, 111–114. Minsk, 2023 [In Russian].

Abdile, Mahdi. "The Somali Diaspora in Conflict and Peacebuilding: The Peace Initiative Programme." In *Diasporas, Development and Peacemaking in the Horn of Africa*, edited by Liisa Laakso, and Petri Hautaniemi, 77–97. London: Zed Books, 2014. <https://doi.org/10.5040/9781350219618.ch-004>.

Andersson, Mette, and Johan Fredrik Rye. "Gray Racialization of White Immigrants: The Polish Worker in Norway." *Nordic Journal of Migration Research* 13, no. 2 (2023): 5. <https://doi.org/10.33134/njmr.475>.

Hack-Polay, Dieu, Mahfuzur Rahman, and Matthijs Bal. "Beyond Cultural Instrumentality: Exploring the Concept of Total Diaspora Cultural Capital for Sustainability." *Sustainability* 15, no. 7 (2023): 6238. <https://doi.org/10.3390/su15076238>.

Handulle, Ayan. "Little Norway in Somalia—Understanding Complex Belongings of Transnational Somali Families." *Nordic Journal of Migration Research* 12, no. 1 (2022): 88–104. <https://doi.org/10.33134/njmr.371>.

Kamboureli, Smaro. "Diaspora." In *Oxford Research Encyclopedia of Literature*, edited by Smaro Kamboureli. Oxford University Press, 2020. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190201098.013.1119>.

Kefale, Asnake, Jan-Paul Brekke, and Grete Brochmann. "The Power Switch in Bilateral Return Migration Management: The Case of Norway and Ethiopia." *Journal of Ethnic and Migration Studies*, (2025): 1–20. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2025.2452263>.

Portes, Alejandro, and Patricia Fernández-Kelly, eds. *The State and the Grassroots: Immigrant Transnational Organizations in Four Continents*. New York: Berghahn Books, 2015.

Sugaipova, Maryam, and Julie Wilhelmsen. "The Chechen Post-War Diaspora in Norway and Their Visions of Legal Models." *Caucasus Survey* 9, no. 2 (2021): 140–58. <https://doi.org/10.1080/23761199.2021.1872242>.

Сведения об авторе

Гюльнара Ильясбековна Гаджимурадова,

к.филос.н., доцент, доцент, заведующий Кафедрой демографической и миграционной политики,
МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН

107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, 12

e-mail: g.gadzhimuradova@my.mgimo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 26 мая 2025.

Переработана: 23 июня 2025.

Принята к публикации: 26 июня 2025.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Гаджимурадова, Г.И. Проблемы и тенденции формирования диаспор в странах Северной Европы // Международная аналитика. 2025. Том 16 (2). С. 63–80. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-2-63-80>

Problems and Trends in the Formation of Diasporas in the Nordic Countries

ABSTRACT

Migration is of particular importance for the Nordic countries. It is heterogeneous and took place in different time periods, for different reasons. At first, it had the character of labor migration between the Nordic countries: from Denmark, Norway, and Finland, which were less developed in the early 20th century, to Sweden. Further, due to economic growth, labor was needed, which prompted these countries to look for migrant workers outside their countries. Thus, ethnic diasporas in the Nordic countries gradually began to form. Along with labor migration, the Nordic countries began actively accepting refugees from war-torn countries for humanitarian reasons.

At the same time, the reception of migrants was intended to solve the demographic issues of the Nordic countries. Still, due to the influx of migrants, there are problems with their integration.

Migration policies for the reception of migrants and refugees were designed to solve these and other tasks. Moreover, migration policies were tied to the national interests of the recipient countries: from a more liberal one in Sweden to a more pragmatic one in Denmark. The purpose of this study is to identify the structure of migration as well as to present the history and trends of the formation of diasporas in the Nordic countries. The article examines the phenomenon of the diaspora per se, the connections and influence of diasporas on the countries of origin, common and special in the migration policies of the Nordic countries, as well as approaches to the integration policy of Norway, Sweden and Finland, its pros and cons.

KEYWORDS

diaspora, migration policy, money transfers, demography, labor migration, immigration, integration

Author

Gyulnara I. Gadzhimuradova,

PhD (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Demographic and Migration Policy,
MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

12, Rozhdestvenka street, Moscow, Russia, 107031

e-mail: g.gadzhimuradova@my.mgimo.ru

Additional information

Received: May 26, 2025. Revised: June 23, 2025. Accepted: June 26, 2025.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Gadzhimuradova, Gyulnara I. "Problems and Trends in the Formation of Diasporas in the Nordic Countries." *Journal of International Analytics* 16, no. 2 (2025): 63–80.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-2-63-80>

Произраильский лоббизм в США: Основные представители и инструменты достижения их политических целей

Луиза Романовна Хлебникова, МГУ имени М.В. Ломоносова,
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

Контактный адрес: lkhlebnikova@iaas.msu.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена феномену произраильского лоббизма, часто определяемого как образцовый для других американских лобби. Основной импульс к его появлению дала еврейская община США, которая скоординировала свои усилия и ресурсы как группа интересов и за несколько десятилетий развила профессиональные лоббистские структуры. Автор ставит своей целью раскрыть структуру произраильского лобби и выявить основные инструменты, которыми пользуются произраильские лоббисты в попытках достигнуть поставленных целей. Несмотря на то что произраильский лоббизм часто относят к этническому лоббизму, его повестка политическая. Ключевые произраильские лоббистские организации используют ряд инструментов, среди которых информирование, мобилизация сторонников, использование Комитетов прямых действий на выборах и др. Уникальным же инструментом для этого типа лоббизма является организация частных поездок членов Конгресса США в Израиль и на палестинские территории. Если прежде произраильская деятельность лоббистов непременно ассоциировалась с безоговорочной поддержкой Израиля и его политики, то сегодня она более нюансированна из-за глубокой фрагментации ее структур. Несмотря на мифологизацию деятельности произраильских лоббистов, они не обладают правом вето в вопросах определения внешнеполитического вектора США, а лишь могут попытаться посодействовать принятию того или иного решения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

США, Израиль, лоббизм, американские евреи, адвокация

В исследованиях, посвященных роли этнокультурных, этноконфессиональных общин и / или диаспор в международных отношениях, большое внимание традиционно уделяется лоббистским структурам, создаваемым их представителями с целью оказания влияния на внешнюю политику страны проживания – в первую очередь по отношению к «стране происхождения»¹.

Основной импульс к созданию таких структур исходит от групп защиты интересов, или просто групп интересов, если использовать термин, введенный в научный оборот американским политологом А. Бентли в начале прошлого века². Под этим термином понимается «группа людей, у которых наличествуют общие интересы и которые создают ее для удовлетворения данных интересов в отношениях с государством, обществом и прочими группами интересов»³. Политологи по обе стороны Атлантики до сих пор спорят о содержательных границах данного понятия. Группа давления (термин предложен американским ученым Д. Трумэном⁴) отличается от группы защиты интересов тем, что у нее есть определенная политическая цель и стратегия. С целью оказания прямого политического воздействия группа интересов трансформируется в группу давления, в том числе на некоторый период⁵. Группы давления представляют лоббисты, являясь их инструментом в попытках повлиять на политический процесс. Иногда лоббисты нацелены «на сторонников, иногда на противников, а иногда на неопределившихся»⁶. Лоббистам легче работать с теми политиками или представителями власти, которые изначально ближе им по идейным убеждениям, однако их деятельность может быть распространена и на не определившихся политиков, чтобы «переманить» их на свою сторону. Наконец, можно попробовать дискредитировать «неудобного политика» или активно поддержать его / ее оппонента на выборах.

В качестве хрестоматийного примера таких структур часто приводятся организации, действующие в США – в государстве, где сложилась, возможно, наиболее известная модель лоббизма и где лоббистская деятельность является неотъемлемой частью функционирования политической системы⁷. В США лоббистская деятельность регламентируется рядом нормативно-правовых актов, в том числе законом «О лоббистской деятельности» (1995)⁸ и законом «О честном лидерстве и открытом правительстве» (2007)⁹. Важную роль играют и президентские указы, которые призваны регулировать и дерегулировать деятельность американских лоббистов¹⁰.

Среди всех американских лоббистских структур наибольшим вниманием пользуются организации, созданные американскими евреями. С конца XIX в.

1 Лошкарев 2017; Лошкарев, Пареньков, Сушенцов 2018.

2 Bentley 1908.

3 Каневский 2020, 6.

4 Truman 1968, 67.

5 Каневский 2020, 18.

6 Golstein 1999, 128.

7 Каневский 2015, 24.

8 "Lobbying Disclosure Act," Lobbying Disclosure, accessed May 10, 2025, <https://lobbyingdisclosure.house.gov/lda.html>.

9 "S.1 – Honest Leadership and Open Government Act of 2007," Congress.gov, accessed May 10, 2025, <https://www.congress.gov/bills/110th-congress/senate-bill/1>.

10 Президент Д. Трамп в 2017 г. выпустил приказ, в соответствии с которым политикам в течение пяти лет запрещалось заниматься лоббистской деятельностью, а после своего поражения на выборах 2020 г. отменил его. Президент Дж. Байден (2021–2025) принял новые указы, однако они были отменены Д. Трампом, вернувшимся к власти.

последние стали медленно, но уверенно наращивать активность с целью оказания воздействия на лиц, принимающих решения в вопросе создания еврейского национального очага в Палестине. Впоследствии на этой основе была организована полномасштабная лоббистская деятельность в стране, уже произраильская. Ряд ученых утверждают, что политически активная и располагающая большими финансовыми ресурсами еврейская община в США является одним из «мягких» факторов сохранения «особых» отношений государства с Израилем¹. Когда летом 2025 г. произошла эскалация ирано-израильских отношений, переросшая в открытый военный конфликт не только между сторонами, но и с непосредственным участием США, то в интернет-поисковике *Google* резко возросли запросы, включающие название одной из самых известных произраильских лоббистских структур – Американско-израильский комитет по общественным связям (АИКОС)².

Американский внутривнутриполитический дискурс, где лоббизм занимает особое место, а также характер американо-израильских отношений стимулируют интерес к произраильскому лоббизму. При этом вокруг произраильских лоббистов существует множество мифов и домыслов в отношении того:

- 1) Каким термином правильно их характеризовать?
- 2) Насколько консолидировано данное «сообщество» и насколько единым фронтом оно выступает?
- 3) Насколько инструменты, используемые данными организациями, уникальны?
- 4) Насколько эти организации «всесильны»?

Настоящая статья призвана ответить на эти вопросы и заполнить существующую лакуну в российских исследованиях произраильского лоббизма в США. Автор стремится представить теоретическую концептуализацию понятия произраильского лоббизма, структурировать знания об основных представителях и выявить ключевые инструменты, используемые ими для воздействия на органы власти.

Понятие произраильского лоббизма и его основные представители

Исследователи часто относят произраильский лоббизм к этническому лоббизму, однако в основе этой деятельности лежит *политическая* повестка³. Как справедливо отмечает российский исследователь И.А. Лошкарев, этнические лобби следует отличать от этнических сообществ (в том числе диаспор)⁴. В исследовании феномена произраильского лоббизма существует и терминологическая путаница. Термин «произраильский лоббизм» наиболее

1 Bar-Siman-Tov 1998, 232.

2 Используя *Google Trends*, можно выявить количество поисковых запросов в мире или в отдельных странах и даже городах, выбрав определенные категории. Если ввести в запрос два термина – «AIPAC» и «Американо-израильский комитет по общественным связям» – за 30 дней, т.е. с 26 мая по 26 июня, то будет отчетливо видно, что количество упоминаний прямо связано с ходом военных действий. Как следует из графика по веб-поиску, число запросов начало увеличиваться 13 июня, когда Израиль нанес удары по Тегерану. Новый рост запросов имел место 19 июня, когда вышло интервью сенатора от штата Техас Т. Круза журналисту Т. Карлсону, в ходе которого обсуждались война Израиля и Ирана, а также деятельность АИКОС. Следующий пик приходится на 22 июня, когда США нанесли удары по территории Ирана. Таким образом, можно проследить динамику популярности данного запроса в зависимости от ситуации в стране и регионе.

3 Waxman 2012, 80.

4 Лошкарев 2017, 79.

корректно отражает цель и саму деятельность организаций, которые лоббируют принятие тех или иных политических решений органами законодательной или исполнительной власти. Фокус их усилий направлен на сохранение «особых» американско-израильских отношений, а также на обеспечение безопасности Израиля как ближайшего союзника США. Ранее часто использовавшийся термин «израильское лобби» может вводить в заблуждение из-за ложного восприятия их деятельности как прямого вмешательства израильского правительства или его представителей в принятие политических решений в США через американских лоббистов. Попытки израильского истеблишмента оказывать воздействие на правящие элиты США должны стать предметом отдельного исследования¹. Наконец, использование термина «еврейское лобби» в отношении произраильских лоббистских организаций в США также не представляется корректным, поскольку не отражает их основную цель и состав представителей, среди которых наибольшую активность в последние годы проявляют христиане-евангелисты. Более того, использование термина «еврейское лобби» может провоцировать «сползание» дискуссии в русло конспирологических теорий и подкреплять весьма распространенный миф о всесильности и непобедимости произраильских лоббистов, которые якобы «обладают правом вето» при формировании политики США на Ближнем Востоке². Как будет показано ниже, это является большим заблуждением.

В настоящем исследовании автор фокусируется исключительно на формальной и легальной лоббистской деятельности, т.е. деятельности тех некоммерческих организаций, которые освобождаются от уплаты налогов в соответствии со ст. 501 (с) 4 Налогового кодекса США и которые могут участвовать в политике и заниматься лоббированием, будучи зарегистрированными и подотчетными властям. Размытость формулировок и наличие «серых зон» в американском законодательстве затрудняют понимание границ деятельности лоббистов, к которым исследователи могут автоматически причислять и благотворительные организации, активно отстаивающие свои интересы, но законодательно ограниченные в реализации всего спектра лоббистских практик³.

Основу произраильских лоббистских структур составляют организации, освобождаемые от уплаты налогов на основании статьи Налогового кодекса США 501 (с) (4), которые могут заниматься лоббированием, а не только адвокацией⁴: Американско-израильский комитет по общественным связям, Конференция президентов ведущих американских еврейских организаций, Объединенные христиане за Израиль, «Джей стрит», Республиканская еврейская коалиция и Демократическое большинство за Израиль.

Наибольшей известностью среди перечисленных структур пользуется АИКОС (до 1959 г. организация называлась «Американский сионистский совет по

1 "Leaked Documents Reveal Israel's Strategy to Avoid US Foreign Lobbying Law – Report," The Jerusalem Post, August 18, 2024, accessed May 11, 2025, <https://www.jpost.com/israel-news/article-815198>.

2 Mearsheimer, John, Stephen Walt, Aaron Friedberg, Dennis Ross, Shlomo Shlomo Ben-Ami, and Zbigniew Brzezinski, "The War over Israel's Influence," Foreign Policy, August 2006.

3 Под лоббизмом могут понимать и некоммерческие организации, подпадающие под совсем другую статью Налогового кодекса США – 501 (с) (3), – не имеющие права заниматься лоббированием напрямую: «мозговые центры», определенные произраильские СМИ и др.

4 Под адвокацией, или общественной кампанией, понимается продвижение и защита общественных интересов определенных социальных групп.

общественным связям» – *The American Zionist Committee for Public Affairs*), созданный в 1954 г. с целью взаимодействия с Конгрессом США И.Л. Киннаном (1905–1988), который до того несколько лет руководил «Американским сионистским советом»¹. И.Л. Киннан был рожден и воспитывался в еврейской семье в Канаде, с детства был вхож в сионистские круги. Позже стал журналистом, занимался представительской деятельностью через Еврейское агентство (Сохнут). В США он был зарегистрирован как иностранный агент, представляющий интересы израильского правительства в Нью-Йорке; так было до 1951 года. В дальнейшем он действовал исключительно как лоббист в США и не подпадал под закон «О регистрации иностранных агентов» (1938). Благодаря ему АИКОС успешно стал использовать методы адвокации (информирование, мобилизация сторонников и др.), а позже и лоббирования. Комитет сразу стал развивать связи с другими еврейскими организациями, что придало легитимность его деятельности как пользующейся широкой поддержкой американских евреев². Как указывает исследователь американской еврейской истории Дж. Вертхаймер, члены АИКОС регистрируются как лоббисты и «привлекаются для лоббирования на местном уровне и, когда необходимо, для поездок в Вашингтон для встречи со своими представителями»³. Так, для продвижения своей повестки среди членов Конгресса АИКОС выпускал еженедельный бюллетень «Отчет о Ближнем Востоке» (*Near East Report*).

Активная лоббистская деятельность АИКОС привлекала к себе внимание и не раз побуждала проверять ее статус на соответствие американскому законодательству. Одно из самых крупных расследований финансирования АИКОС было инициировано сенатором от штата Арканзас Дж. У. Фулбрайтом в 1962 г., прежде всего из-за несбалансированного, как он считал, подхода США к ближневосточным государствам на фоне увеличивающихся объемов американской внешней помощи Израилю⁴. Статус иностранного агента Комитет не получил, однако Дж. У. Фулбрайт продолжил выражать беспокойство относительно диспропорционального влияния АИКОС на политику США на Ближнем Востоке.

В 1980-х гг. под руководством Т. Дина АИКОС стал расширять свое взаимодействие с Конгрессом США, Госдепартаментом, Министерством обороны, а также с другими органами государственной власти. Бюджет АИКОС, как и число членов организации, на порядок вырос (с 1,2 млн долл. США до 15 млн долл. США)⁵. Именно тогда АИКОС превратился в высоко организованную и слаженно работающую лоббистскую структуру, способную воздействовать на политический процесс в США. Частично эта репутация была создана самим Комитетом. Известны слова Т. Дина после того, как сенатор от Иллинойса Ч.Х. Перси, бывший глава Комитета Сената США по международным отношениям, не смог

1 Американский сионистский совет (АСС) был создан в 1949 г. с целью содействовать расширению масштабов поддержки Израиля в американском обществе, среди сионистов и не-сионистов, а также в Конгрессе США. Уже в начале 1950-х гг. стали распространяться угрозы расследования финансирования деятельности АСС, поскольку были основания полагать, что средства поступали из-за рубежа. В 1962 г. организация была признана иностранным агентом, что привело к ее расформированию.

2 Wertheimer 1995, 56.

3 Ibid., 56.

4 Lazarowitz 2011, 132–133.

5 Waxman 2016, 156.

переизбраться: «Все евреи Америки, от побережья до побережья, собрались, чтобы вытеснить Ч. Перси. И американские политики – те, кто сейчас занимает государственные должности, и те, кто стремится – получили это сообщение»¹. Впрочем, в этот же период АИКОС потерпел ряд неудач в попытках пролоббировать определенные решения. Так, Комитет не смог остановить продажу администрацией Р. Рейгана (1980–1988) Авиационного комплекса радиообнаружения и наведения (AWACS) Саудовской Аравии в 1982 году². Схожим образом закончилась и другая история, когда администрация Дж. Буша-старшего (1988–1993) решила заморозить гарантии по займам, которые собиралась выделить Израилю на размещение советских евреев, в размере 10 млрд долл. из-за нежелания израильского правительства идти на компромисс по участию в Мадридской конференции в 1991 году³.

Тем не менее ряд исследователей считают АИКОС «моделью» для других американских лоббистов из-за его развитой инфраструктуры, больших финансовых возможностей, высокого уровня мобилизации, а также наработанных связей с политиками и общественными организациями. Комитет не позиционирует себя еврейской организацией, хотя входит в Конференцию президентов ведущих американских еврейских организаций. АИКОС стал обращаться и к другим группам вне общины, включая христиан-евангелистов и афроамериканцев⁴. Формально АИКОС остается внепартийной организацией, однако в 2010-х гг. его представители стали все больше склоняться к правым взглядам и сближаться с Республиканской партией США на фоне роста критического восприятия Израиля среди демократов.

Первый импульс к формированию **Конференции президентов** (сокращенное название Конференции президентов ведущих американских еврейских организаций) придал советник Государственного секретаря США Дж. Фостера Далеса в 1956 г., когда он заявил о том, что еврейской общине в США необходим «единый голос»⁵. Конференция появилась благодаря лидеру Еврейского агентства Н. Гольдману, американскому бизнесмену и государственному деятелю Ф. Клунцику, а также послу Израиля в США А. Эвану. Конференция президентов является зонтичной организацией, куда входят 53 представителя различных еврейских групп в США, включая Еврейские федерации Северной Америки, Антидиффамационную лигу, АИКОС. Ассоциация обладает особым авторитетом, поскольку формирует и транслирует консенсусное мнение всей общины⁶. В сферу деятельности Конференции входит решение внутриобщинных проблем, таких как борьба с антисемитизмом, и укрепление американско-израильских отношений. Организация взаимодействует напрямую с исполнительной властью США, старается сохранять внепартийность, работает со всеми администрациями и

1 Connie Bruck, "Friends of Israel," The New Yorker, August 25, 2014, accessed May 10, 2025, <https://www.newyorker.com/magazine/2014/09/01/friends-israel>.

2 Waxman 2012, 87.

3 Thomas L. Friedman, "Israel, Ignoring Bush, Presses for Loan Guarantees," The New York Times, September 7, 1991, accessed May 10, 2025, <https://www.nytimes.com/1991/09/07/world/israel-ignoring-bush-presses-for-loan-guarantees.html>.

4 Nathan Guttman, "AIPAC Not Just for Jews Anymore," Forward, March 15, 2012, accessed May 10, 2025, <https://forward.com/israel/153025/aipac-not-just-for-jews-anymore/>.

5 Waxman 2016, 155.

6 Wertheimer 1995, 56.

встречается со всеми израильскими лидерами вне зависимости от их идеологических убеждений.

В 2006 г. была создана самая крупная произраильская структура «**Объединенные христиане за Израиль**» (численность – 10 млн человек), которая стала представлять позицию христиан-евангелистов, с которыми Израиль стал развивать отношения еще в 1970-е годы. Лидером организации является пастор Дж. Хэги. Американские христиане-евангелисты составляют примерно 23–25% населения страны¹. Их политическая активность, в том числе электоральная, привлекла к себе особое внимание в годы президентства Д. Трампа: они проявили себя самыми лояльными сторонниками Республиканской партии США, для которых Израиль важен с диспенсационалистской точки зрения, что предопределяет их горячую и безусловную поддержку еврейского государства, а также масштабные пожертвования на его нужды². В 2021 г. Р. Дермер, израильский посол в США (2013–2021), заявил, что основу поддержки Израиля в Соединенных Штатах составляют христиане-евангелисты из-за их количества, а также из-за их «страстной и безоговорочной поддержки Израиля»³. Евангелисты, подчеркивал Р. Дермер, очень редко критикуют политику Израиля, в то время как американские евреи «непропорционально» критически относятся к еврейскому государству.

«**Джей стрит**» – произраильская леволиберальная структура, выступающая за мир между Израилем и Палестиной – была создана в 2008 году. Ее появление стало отражением усиливающейся в еврейской общине тенденции к пересмотру отношения к Израилю – от безусловной поддержки к более критическому восприятию его политики. Создателем организации стал Дж. Бен-Ами, бывший советник президента У. Клинтона (1993–2001) по внутренней политике. «Джей стрит» представляет взгляды молодых американцев, выступающих с либеральных позиций, готовых открыто высказывать более критический взгляд на политику Израиля⁴. Так, она бросила вызов флагману произраильского лоббизма в США – АИКОС⁵. «Джей стрит» не принята в Конференцию президентов в связи с ее позицией по палестино-израильскому конфликту⁶ (при этом еврейские организации, выступающие за мир между Израилем и Палестиной, в частности «Американцы за мир сейчас», вошли в ее состав еще в начале 1990-х годов). «Джей стрит» активно работает с еврейской леволиберальной молодежью (*J street U*) и запустила свои поездки в Израиль «Позволь нашему народу знать» (*Let Our People Know*) (это «анти-Таглит»). Если изначально она пыталась остаться внепартийной, то с середины 2010-х гг. «Джей стрит» стала больше сотрудничать с Демократической партией США (особенно с прогрессивными демократами; звездой конференции «Джей стрит» в 2019 г. был сенатор Б. Сандерс), что ограничило ее лоббистские возможности (как сказал один американский эксперт автору данной

1 "Religious Landscape Study," Pew Research Center, accessed May 10, 2025, <https://www.pewresearch.org/religious-landscape-study/>.

2 Карасова, Хлебникова, Штереншис 2022, 44–45.

3 Ibid., 46–48.

4 Хлебникова, Л. Голос прогрессивных американских евреев звучит все громче // РСМД. 18 декабря 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://tinyurl.com/ypt32nef> (дата обращения: 10.05.2025).

5 Хлебникова 2019.

6 Edwin Black, "The Inside Story of J Street's Rejection by the Conference of Presidents," *The Times of Israel*, May 30, 2014, accessed May 10, 2025, <https://tinyurl.com/5fjb2k5u>.

статьи в 2019 г., деятельность «Джей стрит» еще больше подталкивает АИКОС к Республиканской партии США).

Наконец, **Республиканская еврейская коалиция** (ранее называлась «Национальная еврейская коалиция») появилась в 1985 г. и является организацией, приближенной к Республиканской партии США. Ее основной целью является укрепление связей между еврейской общиной в США и Республиканской партией¹. В совет директоров входят бывший посол США в Израиле (2017–2021) Д. Фридман, бывший советник Д. Трампа (2017–2019) Дж. Гринблатт и др. Если «Джей стрит» является леволиберальной организацией, то Республиканская еврейская коалиция олицетворяет собой правоконсервативные взгляды, в том числе и на политику Израиля. В последнее десятилетие данная организация стала фокусироваться на всеобъемлющей критике Демократической партии США и произраильских групп, ее поддерживающих. В 2024 г. глава Республиканской еврейской коалиции М. Брукс выступил на Национальном съезде Республиканской партии в поддержку кандидатуры Д. Трампа на выборах президента². В 2019 г. была учреждена лоббистская структура **«Демократическое большинство за Израиль»**, нацеленная на поддержку произраильских демократов на выборах³. Ее создателем является М. Меллман – американский политический консультант, ранее работавший в АИКОС, а также в качестве советника израильского политика Я. Лапида. Демократическое большинство за Израиль придерживается преимущественно левоцентристских взглядов, но определяет себя как прогрессивную организацию. При этом по ряду вопросов, связанных с Израилем, организация придерживается более традиционного подхода, согласно которому демократы должны продолжать поддерживать еврейское государство⁴. В этом плане организация пыталась объединить тех демократов, кто выступает против чрезмерно критической в отношении Израиля «Джей стрит» и слишком произраильского АИКОС. Республиканская еврейская коалиция и Демократическое большинство за Израиль напрямую связаны с ведущими партиями США, что отражается на их идейных установках и сужает возможности взаимодействия с приверженцами иных политических взглядов.

Характеризуя произраильское лобби на современном этапе его развития, профессор Д. Уаксман условно разделил его на левых, правых и центристов⁵. «Джей стрит», по его мнению, представляет левых произраильских лоббистов, к центристам он причисляет АИКОС, хотя и указывает, что он идеологически сдвинулся вправо за последнее время, а к правым – Сионистскую организацию Америки и Республиканскую еврейскую коалицию. Как представляется, в 2020-е гг. сообщество произраильских организаций стало еще более фрагментированным (см. *Таблицу 1*).

1 "Republican Jewish Coalition," accessed May 10, 2025, <https://www.rjchq.org/about>.

2 Ron Kampeas, "Republican Jewish Coalition CEO Gives First-Ever GOP Convention Speech," The Times of Israel, July 17, 2024, accessed May 10, 2025, <https://tinyurl.com/3km83tc4>.

3 Еврейский демократический совет Америки был создан еще раньше – в 2017 году. Его идеологом является демократ Р. Клайн.

4 Andrew Solender, "Scoop: Pro-Israel Group Wages Fight Over Democrats' Gaza Stance," Axios, May 29, 2024, accessed May 10, 2025, <https://www.axios.com/2024/05/29/biden-democrats-israel-gaza-dmfi>.

5 Waxman 2016, 169.

Таблица 1.

**УСЛОВНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕННЫХ ПРОИЗРАИЛЬСКИХ
ЛОББИСТСКИХ ГРУПП США ПО ИДЕОЛОГИЧЕСКИМ НАПРАВЛЕНИЯМ**

**CONDITIONAL DIVISION OF THE REPRESENTED PRO-ISRAEL LOBBYING GROUPS
IN THE UNITED STATES BY IDEOLOGICAL ORIENTATION**

Левые*	Левоцентристы	Правоцентристы	Правые
«Джей стрит» Еврейский демократический совет Америки	Демократическое большинство за Израиль	АИКОС	Республиканская еврейская коалиция

* Очень условно можно определить «Джей стрит» и Еврейский демократический совет Америки к левым произраильским лоббистским организациям: они не отрицают сионизм, как правозащитная группа адвокации «Еврейский голос за мир». И все же по сравнению с другими произраильскими организациями они тяготеют к левому флангу.

Источник: составлено автором на основе данных, приведенных на официальных сайтах организаций. Автором учитывались позиционирование организации и ее повестка, а также использование терминов-маркеров, таких как «оккупация» и «аннексия». К примеру, правоцентристы и правые лоббисты избегают использования данных терминов.

Инструменты произраильского лоббизма в США

Круг интересов произраильских лоббистов затрагивает разные аспекты внутренней и внешней политики США. Как справедливо отмечают российские исследователи А.А. Давыдов и Л.М. Самарская, если рассмотреть все группы давления, связанные с еврейской и израильской тематикой, то окажется, что более половины всех лоббистских усилий идут на решение исключительно внутренних проблем США¹.

Для того чтобы лучше понять деятельность лоббистов, стоит рассмотреть ключевые инструменты и механизмы, которые используются произраильскими лоббистскими структурами, прежде всего АИКОС и «Джей стрит», с целью оказания воздействия (прямого или косвенного) на лиц, принимающих решения в Конгрессе США. В число таких инструментов, большую часть которых используют и другие американские лоббистские организации, входят:

- информирование и консультирование;
- организация частных поездок членов Конгресса США в Израиль и на палестинские территории;
- мобилизация сторонников и продвижение «инициатив снизу» с целью оказать воздействие на того или иного политика;
- участие в избирательных кампаниях с помощью Комитетов прямого действия.

Рассмотрим каждый из этих инструментов подробнее.

Качественное и быстрое информирование представителей власти по тому или иному вопросу – главный инструмент, используемый произраильскими лоббистами. Например, оно может осуществляться через личные встречи и звонки в офис конгрессмена, специальную электронную рассылку или направление печатных бюллетеней. Л. Бен-Давид, сотрудник Иерусалимского центра по безопасности и внешней политике, более 25 лет проработавший в АИКОС, вспоминает ситуацию, когда офис Конгресса США запросил информацию о предполагаемых планах од-

1 Давыдов, Самарская 2020, 44.

ного арабского государства заполучить ядерное оружие, и АИКОС предоставил ее быстрее, чем Исследовательская служба Библиотеки Конгресса США¹.

Каждая крупная израильская лоббистская организация, будь то АИКОС, «Джей стрит» или Объединенные христиане за Израиль, ежегодно старается проводить мероприятия с участием ключевых политиков США, Израиля и других стран. До 2021 г. в крупных конференциях АИКОС нередко участвовали кандидаты от обеих партий на пост президента США: например, в 2020 г. выступали Д. Трамп (очно) и Дж. Байден (онлайн). По масштабу, численности участников и информационному освещению конференциям АИКОС нет равных среди мероприятий, проводимых израильскими лоббистами. Из-за коронакризиса, а позже и в связи с изменениями в стратегии лоббирования АИКОС переключился на организацию мероприятий меньшего масштаба². На ежегодных конференциях «Джей стрит» за редкими исключениями выступают только представители Демократической партии; участвуют несколько тысяч человек. В 2024 г. было объявлено, что из-за конфликта между Израилем и ХАМАС ожидаемая ежегодная конференция будет перенесена на 2025 год. В свою очередь, Объединенные христиане за Израиль и Республиканская еврейская коалиция приглашают лишь политиков от Республиканской партии США (в 2017 г. по видеосвязи на саммите Объединенных христиан за Израиль выступил лидер Израиля Б. Нетаньяху, заявивший, что у Израиля «нет друга лучше» в США³). Мероприятия, организуемые израильскими лоббистами, включают в себя не только выступления представителей политического эшелона различных государств, но и круглые столы с приглашенными экспертами, а также гала-ужины, в рамках которых происходит активный нетворкинг.

Представители израильских лоббистских структур могут брать слово на слушаниях в Конгрессе США, где представляют свои взгляды, пытаясь воздействовать на принятие тех или иных законов. Применительно к американо-израильским отношениям такие решения часто затрагивают проблематику предоставления внешней помощи США (Израиль является крупнейшим получателем внешней помощи США в истории)⁴. В 2025 г. глава АИКОС Э. Брэндт направил письменное заявление для прикрепления к материалам слушаний подкомитета по ассигнованиям на национальную безопасность, Госдепартамент и связанные программы Палаты представителей Конгресса США, в котором призвал одобрить предоставление военной помощи Израилю без каких-либо политически мотивированных ограничений, так как для США Израиль является незаменимым союзником, который продвигает американские ценности и интересы в критически важном регионе⁵. Важно и то, что АИКОС часто лоббирует и

1 Lenny Ben-David, "The Evolution of AIPAC's Political Operation in Washington over 50 Years – An Eyewitness Perspective," Jerusalem Center for Security and Foreign Affairs (JCSA), December 12, 2022, accessed May 10, 2025, <https://tinyurl.com/436vsukk>.

2 Marc Rod, "Top Four Congressional Leaders to Address AIPAC Leadership Meeting," Jewish Insider, March 11, 2024, accessed May 10, 2025, <https://tinyurl.com/4h65pmc7>.

3 Rebecca Shimoni Stoll, "Netanyahu: Evangelical Christians are Israel's Best Friends," The Times of Israel, July 18, 2017, accessed May 10, 2025, <https://tinyurl.com/mry57vcb>.

4 Jim Zanotti, "Israel: Major Issues and U.S. Relations Updated," Congressional Research Service, December 5, 2024, <https://sgp.fas.org/crs/mideast/R44245.pdf>.

5 Elliot Brandt, "Written Testimony for the Record to the U.S. House of Representatives Appropriations Subcommittee on National Security, Department of State, and Related Programs in Support of U.S. Security Assistance to Israel and Robust Funding for Foreign Aid," April 2, 2025, accessed May 13, 2025, <https://tinyurl.com/2kywj83e>.

предоставление американской внешней помощи Египту и Иордании – государствам, с которыми у Израиля есть мирный договор, – аргументируя это вопросами безопасности¹. В 2019 г. на слушаниях Конгресса США АИКОС поддержал решение администрации Д. Трампа приостановить предоставление двусторонней помощи палестинцам и прекратить финансирование Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР), в то время как «Джей стрит» раскритиковала это решение².

В последние годы, согласно данным некоммерческой организации *OpenSecrets*, самым поддерживаемым лоббистами, включая АИКОС и «Джей стрит», был закон «О партнерстве США и Израиля и усовершенствовании Авраамовых соглашений» (2023)³. Масштаб активности АИКОС, направленной на поддержку разных законодательных актов, в разы выше, чем у «Джей стрит» или Объединенных христиан за Израиль, при этом он может лоббировать и принятие законов, не связанных напрямую с Израилем и Ближним Востоком. Например, в 2024 г. АИКОС поддержал законы «О дикой природе» и «О фонде Удалла», занимающемся защитой окружающей среды и сохранением наследия коренных народов. Стратегии АИКОС и «Джей стрит» в лоббировании законов разнятся. Так, в последние годы Комитет проявлял наибольшую обеспокоенность вопросами безопасности Израиля, в то время как «Джей стрит» поддержала внесенные в Конгресс, но так и не вынесенные на обсуждение законы «О признании продолжающейся Накбы и прав беженцев Палестины» (2023)⁴ и «О подтверждении поддержки Палатой представителей решения о создании двух государств для двух народов» (2024)⁵. Поддержка лоббистами представленных на рассмотрение законов не означает их автоматического принятия, но способствует продвижению обсуждения поставленных в них вопросов.

Одним из самых важных инструментов информирования представителей законодательной власти является *организация частных оплачиваемых поездок членов Конгресса США в Израиль и другие страны региона*. АИКОС использует для этого «Американо-израильский образовательный фонд», созданный в 1988 году. Согласно информации на сайте фонда, поездки «помогают информировать политических лидеров и влиятельных лиц о важности отношений США и Израиля»⁶. Центр журналистских расследований имени Говарда при Мэрилендском университете совместно с изданием «Политико» (*Politico*) в прошлом году опубликовали материал, из которого следовало, что с 2012 г. большинство таких заграничных поездок конгрессменов было осуществлено именно в Израиль (более 75% из них были организованы фондом, аффилированным с АИКОС)⁷. В свою очередь, другая лоббистская организация – «Джей стрит» – также через свой «Образовательный

1 Бартенев 2020, 156–157.

2 Бартенев 2022, 26.

3 “Clients Lobbying on H.R.3792: U.S.-Israel Partnership and Abraham Accords Enhancement Act of 2023,” *OpenSecrets*, accessed May 13, 2025, <https://tinyurl.com/4fkdfcct>.

4 “H.Res.1231 – Recognizing the Nakba and Palestinian Refugees’ Rights,” *Congress.gov*, accessed May 13, 2025, <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-resolution/1231/text>.

5 “H.Res.1074 – Reaffirming the House of Representatives Support of a Two-State Solution,” *Congress.gov*, accessed May 13, 2025, <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-resolution/1074>.

6 “The American Israel Education Foundation,” accessed May 13, 2025, <https://www.aiefdn.org/>.

7 Aidan Hughes, Cait Kelley, and Daryl Perry, “Members of Congress Have Taken Hundreds of AIPAC-Funded Trips to Israel in the Past Decade,” November 1, 2024, accessed May 13, 2025, <https://tinyurl.com/4zahnkzn>.

фонд» организует поездки американских политиков в Израиль и Палестину¹. Маршруты поездок АИКОС и «Джей стрит» сильно различаются не только географически («Джей стрит» включает в план поездки и Западный берег р. Иордан), но и содержательно. АИКОС фокусируется на организации встреч с представителями политической и военной элиты, включая премьер-министра и президента Израиля². «Джей стрит», в свою очередь, проводит мероприятия преимущественно с политиками разных партий Кнессета, в том числе оппозиционными, а также с представителями бизнеса и гражданского общества Израиля и Палестины.

Мобилизация сторонников и организация «инициатив снизу» имеет целью повлиять на конгрессмена и его политику. Произраильские лоббисты активно взаимодействуют с другими группами давления для продвижения своей повестки. Более того, этому способствует работа американских «мозговых центров», которые могут помочь сформировать определенный дискурс в обществе. Вашингтонский институт ближневосточной политики, созданный АИКОС в 1985 г. и позже ставший независимым, считается одним из самых произраильски настроенных «мозговых центров» США. Не менее важную роль в продвижении определенного дискурса играют и СМИ. Например, в 1982 г. историком У. Мейзелман был создан Комитет за точность освещения в Америке событий на Ближнем Востоке, занимающийся мониторингом освещения событий, связанных с Израилем. Стоит, однако, подчеркнуть, что в США существует масса «мозговых трестов», придерживающихся разных идеологических позиций – от либерального «Брукингса» до неоконсервативного Фонда защиты демократий. Схожим образом дело обстоит со СМИ: либерально настроенный американец предпочитает канал *CNN*, а разделяющий консервативные взгляды смотрит лишь *Fox News*. Представители произраильских лоббистов выбирают более близкие к себе площадки для того, чтобы распространять свою повестку.

Участие в избирательных кампаниях через Комитеты политического действия (КПД) позволяет лоббистам легально собирать пожертвования на избирательные кампании. Многие лоббистские структуры имеют свои КПД. Более того, существуют и т.н. супер-КПД, которые отличаются тем, что у них есть возможности продвигать одних кандидатов на федеральные должности, включая президента, и препятствовать другим. При этом суммы пожертвований не ограничены. Крупными донорами «супер-КПД» на протяжении долгого времени являлись, например, миллиардеры Ш. Адельсон (1933–2021) и Дж. Сорос – сторонники Республиканской и Демократической партий соответственно. Объемы пожертвований, безусловно, не означают безоговорочную победу того или иного претендента на пост президента или на место в Конгрессе США. Так, в 2024 г. К. Харрис на свою президентскую кампанию получила почти 2 млрд долл. (включая все пожертвования и все финансирование), а Д. Трамп – лишь 1,5 млрд долл., но в итоге победил на выборах с большим отрывом³.

1 "Post-Travel Disclosure Form," Office of the Clerk, accessed May 13, 2025, <https://disclosures-clerk.house.gov/gtimages/MT/2023/500025927.pdf>.

2 "Post-Travel Disclosure Form," Office of the Clerk, accessed May 13, 2025, <https://disclosures-clerk.house.gov/gtimages/MT/2024/500028253.pdf>.

3 "2024 Presidential Race," OpenSecrets, accessed May 13, 2025, <https://tinyurl.com/su28mswr>.

С 2018 г. израильские лоббисты стали активнее вовлекаться в продвижение тех или иных претендентов на место в Конгрессе США через прямые пожертвования, распространение рекламы и электронные рассылки. Так, «Джей стрит» с помощью своего КПД потратила более 4 млн долл. на промежуточных выборах, что стало на тот момент рекордом среди израильских КПД¹. В 2022 г. АИКОС впервые за свою историю создал собственный КПД, а также «супер-КПД» под названием «Проект за единую демократию»². Комитет сразу дал понять, что поддержка того или иного кандидата через КПД будет зависеть лишь от его / ее взглядов на американско-израильские отношения³. Бывший президент США Б. Обама (2009–2017) описал эффект деятельности АИКОС, с которым мог столкнуться любой политик, который слишком громко критикует Израиль и американско-израильские отношения: по его мнению, такой политик рискует «быть обличенным в анти-израильской позиции (а возможно и в антисемитизме) и на следующих выборах столкнуться с оппонентом, которого будут хорошо финансировать»⁴. Согласно данным *OpenSecrets*, в 2024 г. АИКОС пожертвовал через свои КПД почти 52 млн долл. на поддержку кандидатов от разных партий (больше 55% реципиентов – демократы)⁵.

Борьба между разными израильскими лоббистами стала еще более ожесточенной в последние годы: если АИКОС поддерживает умеренных демократов, то «Джей стрит» – прогрессивных. В 2022 г. мичиганский политик Э. Левин, прогрессивный демократ, сионист и известный критик политики Израиля на палестинском направлении, обвинил в своем проигрыше на переизбрание в Палату представителей Конгресса США именно АИКОС⁶. Впрочем, его проигрыш, вероятно, обусловили другие факторы. Например, он представлял не свой округ, что дало его оппоненту преимущество⁷. На выборах 2024 г. в нижнюю палату Конгресса США АИКОС поддержал умеренного демократа Дж. Латимера⁸, а «Джей стрит» – демократа левого фланга Дж. Боумана⁹. В итоге победил Дж. Латимер, а «Джей стрит» впоследствии отказалась поддерживать Дж. Боумана из-за его крайне противоречивых заявлений после 7 октября 2023 г., когда была совершена атака ХАМАС на Израиль¹⁰. Несмотря на активную поддержку АИКОС кандидатуры Дж. Вейс (на ее кампанию Комитет выделил более 4 млн долл. США), представителем 47-го округа Калифорнии стал прогрессивный демократ Д. Мин¹¹.

1 "JStreetPAC Distributed More Funds in 2018 Than Every Other Pro-Israel PAC Combined," Jstreet.org, accessed May 13, 2025, <https://jstreet.org/election-2018/our-impact/>.

2 Herb Keinon, "AIPAC's New Political Action is Legitimate – Analysis," The Jerusalem Post, July 26, 2022, accessed May 13, 2025, <https://www.jpost.com/diaspora/article-713117>.

3 "AIPAC Letter on March 18, 2022," accessed May 13, 2025, <https://tinyurl.com/rp5md2sd>.

4 Obama 2020, 629.

5 "American Israel Public Affairs Cmte," OpenSecrets, accessed May 13, 2025, <https://tinyurl.com/45jp3ybf>.

6 Austin Ahlman, "AIPAC Defeats Andy Levin, the Most Progressive Jewish Representative," August 2, 2022, accessed May 13, 2025, <https://theintercept.com/2022/08/02/michigan-primary-andy-levin-results-aipac/>.

7 Jason Kornbluh, "How Andy Levin's Defeat in Michigan Was – and Wasn't – All About AIPAC," Forward, August 3, 2022, accessed May 13, 2025, <https://tinyurl.com/3bv9u4a>.

8 Кандидатуру Дж. Латимера поддержали другие израильские лоббисты – Демократическое большинство за Израиль и Еврейский демократический совет Америки. См.: Gabby Deutch, "Jewish Dems Endorse Challengers to Squad Members Jamaal Bowman, Cori Bush," Jewish Insider, March 28, 2024, accessed May 13, 2025, <https://tinyurl.com/3z2t6hh2>.

9 Nicholas Fandos, "Bowman Falls to Latimer in a Loss for Progressive Democrats," The New York Times, June 25, 2024, accessed May 13, 2025, <https://tinyurl.com/2n468ea>.

10 Ron Kampeas, "J Street Drops Jamaal Bowman Endorsement, Saying His Rhetoric 'Crossed a Line'," Jewish Telegraphic Agency, January 29, 2024, accessed May 13, 2025, <https://tinyurl.com/yruXnp4y>.

11 Dani Anguiano, "Pro-Israel Group Spent Millions in Tight Race for Southern California House Seat – and Lost," The Guardian, March 11, 2024, <https://tinyurl.com/3j45a54x>.

Главные критики Израиля от Демократической партии в Конгрессе США, т.н. лидеры «Отряда» (*Squad*), Р. Тлаиб и И. Омар успешно прошли переизбрание в Конгресс США. АИКОС не пытался вносить пожертвования на кампании их оппонентов, как заявил журналисту Р. Кампеасу анонимный политтехнолог: «Она [И. Омар – Л.Х.] давно ведет настоящую кампанию <...> Мы не рассматривали эту гонку как ту, в которой мы могли бы что-то изменить»¹. Произраильские лоббисты внимательно следят за опросами общественного мнения и предварительными результатами голосов о том или ином кандидате, как и ходом его / ее кампании, прежде чем принять решение о целесообразности своего вовлечения, которое не гарантирует положительный результат.

* * *

Лоббизм встроен в американскую политическую культуру и является неотъемлемым слагаемым политического процесса. Переплетение лоббистской деятельности и адвокации отличает не только произраильский лоббизм, однако именно в нем эта связка особенно заметна. К лоббистским организациям зачастую автоматически относят тех, кто занимается исключительно адвокацией и не является группой давления. Например, «Стой с нами» (*StandWithUs*) является некоммерческой неправительственной произраильской организацией, созданной в 2011 г. в Лос-Анджелесе, активно продвигающей произраильский правоконсервативный дискурс на разных площадках, включая СМИ, социальные сети и университеты США, и использующей различные инструменты – от организации «инициатив снизу» (*grassroots mobilization*) и проведения образовательных программ до целых кампаний по информированию общественности. Вместе с тем она не является ни группой давления, ни лоббистской организацией, поскольку у нее нет политических целей и соответствующей стратегии.

За несколько десятилетий представители еврейской общины смогли скоординировать усилия для работы с властью по вопросам улучшения характера американско-израильских отношений и защиты Израиля от угроз безопасности. Успехам развития лоббистских структур во многом способствовали такие лидеры, как И. Кинанн, Т. Дин и Дж. Бен-Ами. Немаловажную роль в истории произраильского лобби США всегда играли христиане-сионисты, которые лишь усилили свои позиции в последние десятилетия и стали развивать свои собственные лоббистские структуры.

Степень влияния АИКОС, самой крупной и развитой произраильской лоббистской структуры, на ход политического процесса в США часто преувеличивается и мифологизируется. При ближайшем рассмотрении оказывается, что успехи произраильской лоббистской деятельности соседствуют с многочисленными провалами. Как подчеркнул исследователь Д. Уаксман, произраильские лоббистские структуры не контролируют американскую политику, но в некоторых случаях могут содействовать изменениям (*make a difference*)². Они являются фактором,

1 Ron Kampeas, "Why Pro-Israel Groups Aren't Going After Ilhan Omar After Helping Oust Others in Squad," August 10, 2024, accessed May 13, 2025, <https://tinyurl.com/bd2aa5tz>.

2 Waxman 2012, 80.

играющим важную, но не определяющую роль в формировании политики США в отношении Израиля и Ближнего Востока.

Сегодня нет той силы, которая может претендовать на то, что ее лоббистская деятельность является единственно правильной. Произраильский лоббизм крайне фрагментирован и отличается полифонией голосов – от продолжающих защищать еврейское государство до открыто критикующих политику Израиля. Это полностью отвечает тем тенденциям, которые с недавних пор столь ярко проявились как в американском обществе, так и в еврейской общине в США.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бартенев, В.И. Помощь США арабским странам при администрации Д. Трампа: логика дифференцированного подхода // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2020. Т. 12. № 4. С. 131–170. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2020-12-4-131-170>.
- Bartenev, Vladimir I. "The U.S. Assistance to the MENA Arab Countries under the Trump Administration: The Logic of a Differentiated Approach." *Lomonosov World Politics Journal* 12, no. 4 (2020): 131–170 [In Russian].
- Бартенев, В.И. США и БАПОР: логика разрыва и нормализации взаимодействия // США и Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 10. С. 19–39. <https://doi.org/10.31857/S2686673022100029>.
- Bartenev, Vladimir I. "United States and UNRWA: Explaining Disruption and Normalization of Interaction." *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, no. 10 (2022): 19–39 [In Russian].
- Давыдов, А.А., Самарская, Л.М. "Особые отношения" США и Израиля: структурные основы и фактор Трампа // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 10. С. 40–51. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-10-40-51>.
- Davydov, Alexey A., and Luidmila M. Samarskaia. "The U.S.-Israel "Special Relations": Structural Foundations and Trump Factor." *World Economy and International Relations* 64, no. 10 (2020): 40–51 [In Russian].
- Каневский, П.С. Институт лоббизма в XXI веке. Сравнительный анализ. Канон+, 2020.
- Kanevskii, Pavel S. *Institut lobbizma v XXI veke. Sravnitel'nyi analiz*. Kanon+, 2020 [In Russian].
- Каневский, П.С. Социология лоббизма. Учебное пособие для вузов. М.: МАКС Пресс, 2015.
- Kanevskii, Pavel S. *Sotsiologiya lobbizma. Uchebnoe posobie dlya vuzov*. M.: MAKSS Press, 2015 [In Russian].
- Карасова, Т.А., Хлебникова, Л.Р., Штереншис, М. Отношение американских евреев и христианских сионистов к политике современного Израиля // США и Канада: экономика, политика, культура. 2022. Т. 52. № 12. С. 38–52. <https://doi.org/10.31857/S2686673022120033>.
- Karasona, Tatiana A., Luiza R. Khlebnikova, and Mikhail Shterenish. "The Attitudes of American Jews and Christian Zionists towards Politics of Israel." *USA & Canada: Economics, Politics, Culture* 52, no. 12 (2022): 38–52 [In Russian].
- Лошкарёв, И.Д. Ресурсы этнического лоббизма во внешней политике США: теоретические аспекты // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 3. С. 76–83. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-3-76-83>.
- Loshkarev, Ivan D. "Resources of Ethic Lobbying in US Foreign Policy: Theoretical Aspects." *World Economy and International Relations* 61, no. 3 (2017): 76–83 [In Russian].
- Лошкарёв, И.Д., Пареньков, Д.А., Сушенцов, А.А. Влияние этнонациональных лобби на внешнюю политику США: исторический опыт украинской диаспоры // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 2(59). С. 165–184. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-2-59-165-184>.
- Loshkarev, Ivan D., Daniil A. Parenkov, and Andrey A. Sushentsov. "The Influence of Ethno-National Lobbies on the US Foreign Policy: History of the Ukrainian Diaspora." *MGIMO Review of International Relations*, no. 2(59) (2018): 165–184 [In Russian].
- Хлебникова, Л.Р. Произраильский лоббизм в эпоху Д. Трампа: AIPAC VS J STREET // Становление еврейской государственности в XX веке: ключевые события. Книга вторая. М.: ИВ РАН, 2019. С. 267–277.
- Khlebnikova, Luiza R. "Proizraill'skii lobbizm v epokhu D. Trampa: AIPAC VS J STREET." In *Stanovlenie evreiskoi gosudarstvennosti v XX veke: klyuchevye sobytiya. Kniga vtoraya*, 267–277. Moscow, IV RAN, 2019 [In Russian].
- Bar-Siman-Tov, Yaacov, "The United States and Israel since 1948: A "Special Relationship"?" *Diplomatic History* 22, no. 2 (1998): 231–262.
- Bentley, Arthur. *The Process of Government: A Study of Social Pressures*. Chicago: Chicago University Press, 1908.
- Golstein, Kenneth. *Interest Groups, Lobbying, and Participation in America*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Lazarowitz, Arlene. "A Southern Senator and Israel: Senator J. William Fulbright's Accusations of Undue Influence over American Foreign Policy in the Middle East." *Southern Jewish History* 14 (2011): 119–154.
- Obama, Barack. *A Promised Land*. New York: Crown, 2020.
- Truman, David. *The Governmental Process: Political Interests and Public Opinion*. New York: Paeger, 1968.
- Waxman, Dov. "The Pro-Israel Lobby in the United States: Past, Present and Future." In *Israel and the United States. Six Decades of US-Israeli Relations*, edited by Robert O. Freedman, 79–99. Boulder: Westview Press, 2012.
- Waxman, Dov. *Trouble in the Tribe. The American Jewish Conflict over Israel*. Princeton: Princeton University Press, 2016.
- Wertheimer, Jack. "Jewish Organizational Life in the United States Since 1945." *The American Jewish Year Book* 95 (1995): 3–98.

Сведения об авторе*Луиза Романовна Хлебникова,*

к.ист.н., доцент Кафедры иудаики Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1

старший научный сотрудник Отдела изучения Израиля и еврейских общин

Института востоковедения РАН

107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12

e-mail: lkhlebnikova@iaas.msu.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 13 мая 2025.

Переработана: 24 июня 2025.

Принята к публикации: 26 июня 2025.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование*Хлебникова, Л.Р.* Произраильский лоббизм в США: основные представители и инструменты достижения их политических целей // *Международная аналитика*. 2025. Том 16 (2). С. 81–97.<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-2-81-97>

Pro-Israel Lobbyism in the United States: Key Representatives and Their Instruments for Achieving Political Goals

ABSTRACT

This article is devoted to the phenomenon of pro-Israel lobbying in the United States that is often defined as a model for other lobbies. The U.S. Jewish community coordinated its efforts and resources to become an interest group and then developed professional lobbying structures to make a difference in political decision-making. The paper aims to reveal the structure of the pro-Israel lobby and identify the main tools used by these lobbyists to achieve their goals. Although pro-Israel lobbying is often classified as ethnic lobbying, its agenda is political. Despite the activities of pro-Israel lobbyists are mythologized, the latter do not have the right of veto when it comes to determining the foreign policy vector of the United States, they can only try to facilitate the adoption of one or another decision. Key pro-Israel lobbying organizations use a number of tools that are common among lobbyists, including information, mobilization of supporters, using Political Action Committee (PAC) in elections. One of their unique tools is the organization of private trips for members of the U.S. Congress to Israel and the Palestinian territories. Special attention is paid to tendencies in the pro-Israel lobbying in the U.S. For several decades, pro-Israel lobbying activities were certainly associated with unconditional support for Israel and its policies, however, nowadays they are approached more nuancedly due to the deep fragmentation of pro-Israel lobbying structures. There is no single voice that can claim to represent the entire pro-Israel lobby.

KEYWORDS*The USA, Israel, lobbying, American Jews, advocacy*

Author

Luiza R. Khlebnikova,

PhD (Hist.), Associate Professor, Department for Jewish Studies,
Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University

11, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009;

Senior Research Fellow, Department for Israel Studies, Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences

12, Rozhdestvenka street, Moscow, Russia, 107031

e-mail: lkhlebnikova@iaas.msu.ru

Additional information

Received: May 13, 2025. Revised: June 24, 2025. Accepted: June 26, 2025.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Khlebnikova, Luiza R. "Pro-Israel Lobbyism in the United States:
Key Representatives and Their Instruments for Achieving Political Goals."

Journal of International Analytics 16, no. 2 (2025): 81–97.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-2-81-97>

Политические контексты афганской эмиграции

Александр Алексеевич Князев, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Нинэль Яхьевна Гулам, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: ni.ya.gulam@my.mgimo.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается поэтапный процесс формирования афганских диаспор. Путем сравнительного анализа на основе концепции социальных порядков сопоставлено их положение в политических контекстах евроатлантических и восточных государств. В ряде стран афганские диаспоры смогли интегрироваться в местные социумы и консолидироваться с целью организованного продвижения своих интересов, в других – не только не приобрели возможностей влияния на местные власти, но и оказались в роли дискриминируемых социальных групп. Кроме того, в работе рассмотрено состояние самих диаспор, определены основания, обуславливающие их фрагментированный характер, что отражает, по мнению авторов, незавершенный процесс формирования общеафганской идентичности. Предметом исследования являются также формирование условий, создающих возможность использования эмигрантских диаспор институтами государств пребывания в качестве прокси-инструментов внешней политики, и готовность диаспорных элит к выполнению таких функций, что подчеркивает актуальность исследования вопроса для понимания ряда текущих политических процессов. В этом же контексте оценивается и потенциал афганских диаспор в разных странах с точки зрения возможностей их влияния на процессы, происходящие в Афганистане. Анализ вовлеченности диаспор в реализацию внешнеполитических интересов государств-реципиентов показывает разнообразие ситуаций и отсутствие какой-либо прямой зависимости подобной практики от типа обществ в рассмотренных кейсах. В статье представлена авторская периодизация процесса афганской эмиграции начиная от последствий свержения монархии в 1973 г. и заканчивая временем проведения исследования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

миграция, афганская диаспора, беженцы, политическая система, социальные порядки, Афганистан

Афганцы входят в число народов, которые, оказавшись в эпицентре холодной войны, наложившейся на острые внутривнутриполитические конфликты, а затем столкнувшись с ее печальными последствиями, были вынуждены покинуть свою родину и искать временного или постоянного убежища за рубежом. По данным УВКБ ООН, в 1990 г. общая численность афганских беженцев¹ достигала 6 млн 220 тыс. человек². В ряде стран мира сложились чрезвычайно обширные афганские диаспоры, объединившие представителей многих социальных групп, в том числе элиты, которые в связи с теми или иными событиями и изменениями в Афганистане эмигрировали за его пределы. Этот процесс подразделяется на несколько этапов.

I этап – после государственного переворота в июле 1973 г. эмигрировали, в основном в страны Европы, члены королевской семьи и ее окружения, государственные чиновники высокого и среднего ранга, крупные предприниматели и феодалы, традиционная интеллигенция.

II этап – после провала выступлений 1974–1975 гг. против президента М. Дауда страну покидали представители духовенства и политических организаций, часть поддерживавшей их интеллигенции и т.п. Этот поток был направлен в основном в Пакистан и Иран.

III этап начался после Апрельской революции 1978 года. Уезжали оставшаяся часть буржуазии, духовенство, интеллигенция, племенные лидеры, частично широкая городская – особенно – и сельская масса. Уезжали в Пакистан, Иран, Индию, меньше – на Запад. В ходе военных событий конца 1970–1980-х гг. происходила массовая миграция населения из районов наиболее интенсивных боевых действий.

IV этап (1989 г. и начало 1990-х гг.) – эмигрировали функционеры Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) и партии «Ватан», широкий круг их сторонников³. Значительное число представителей четвертой волны эмигрировало в страны бывшего СССР.

После вывода из Афганистана Ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) начался процесс возвращения из эмиграции, однако он был недолгим и резко повернул вспять после 1992 г., когда пало правительство М. Наджибуллы и усилились столкновения между группировками моджахедов (V этап). Поток репатриантов особенно сократился после 1996 г., когда к власти пришло Движение талибов (VI этап); эта тенденция продолжалась вплоть до их разгрома в 2001–2002 годах.

Последующая динамика афганской эмиграции также имела волнообразный характер; постоянный процесс эмиграции находился, среди прочего, под воздействием неравномерной устойчивости правительств Х. Карзая и А. Гани и продолжавшейся в 2001–2021 гг. гражданской войны и иностранной оккупации.

1 В настоящем исследовании не делается различий между дефинициями «беженцы» и «эмигранты». И те, и другие рассматриваются как выходцы из Афганистана, независимо от причин миграции (добровольных или недобровольных) и методов миграции (легальных или нелегальных), проживающие в других странах.

2 Зардыхан, Ж. Текущий кризис беженцев в Афганистане и последствия для стран региона // Eurasian Research Institute (ERI). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/the-current-refugee-crisis-in-afghanistan-and-implications-for-regional-countries/?lang=ru> (дата обращения: 25.02.2025).

3 Сикоев 1999а.

Новый этап эмиграции из Афганистана начался в августе 2021 г. после вывода оккупационных сил США и НАТО и прихода к власти правительства Движения талибов. Этот этап пока не завершен. В 2023 г. численность афганских беженцев по всему миру превысила 6 млн человек; афганцы составили самую многочисленную группу беженцев в мире, превысив даже число беженцев из Сирии¹.

В результате этой долгой миграционной истории в ряде стран, где афганские общины оказались наиболее многочисленными, постепенно сформировались относительно сплоченные и устойчивые социальные общности, по всем или по большинству параметров характеризующиеся как этнические диаспоры². В ряде других стран расселение эмигрантов носило и носит в большей степени дисперсный характер, и их взаимодействие с местными обществами и государственными институтами не является системным.

Первая задача настоящего исследования состоит в определении страны (или группы стран), где афганские диаспоры обладают наибольшими возможностями для политической и иной мобилизации в местных обществах с целью организованного продвижения своих интересов и интеграции в эти социумы. Сравнительный анализ проведен в различных страновых контекстах, сгруппированных по макрорегиональному принципу (традиционная дихотомия «Восток – Запад», а также Россия как особый кейс). В качестве методологической основы этой части исследования принята концепция социальных порядков Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста, в соответствии с которой большинство стран Европы и Америки относится к социальным порядкам открытого доступа, поскольку эти общества по крайней мере заявляют о наличии у себя свободной конкуренции в политике и экономике, всех аспектов равноправия (верховенства закона, защиты права собственности и др.), в то время как восточные страны входят в категорию порядков ограниченного (закрытого) доступа, иначе говоря «естественных государств», где существует более ярко выраженное ограничение доступа к экономическим и политическим ресурсам³.

Доступ к политическим ресурсам может подразумевать и прямую интеграцию представителей диаспор в политическую систему страны нахождения. Это открывает возможности для использования эмигрантских диаспор государственными институтами стран пребывания (или третьих стран) в качестве прокси-инструмента на афганском (и не только) направлении внешней политики, что подчеркивает актуальность исследования проблематики для понимания современной ситуации в Афганистане. В этой связи возникает вопрос: существует ли какая-либо зависимость возможности и вероятности подобного инструментального использования эмигрантов от характера обществ, в которых они находятся? Другой вопрос, имеющий значение для понимания перспектив разви-

1 "Global Trends Report 2023," UNHCR, June 13, 2024, accessed February 25, 2025, <https://www.unhcr.org/global-trends-report-2023>.

2 В настоящем исследовании словосочетания «афганская диаспора» и «афганская община» будут включать в себя как граждан страны пребывания афганского происхождения, так и беженцев, трудовых мигрантов, студентов и прочих лиц, однажды эмигрировавших из Афганистана и переселившихся или временно, или на постоянное место жительства в то или иное рассматриваемое в данной работе государство.

3 Норт et al. 2011, 40.

тия ситуации в самом Афганистане, – это оценка потенциала афганских диаспор с точки зрения возможностей их влияния на процессы, происходящие в стране.

Проблематика формирования этнических диаспор в современном мире выступала в качестве предмета пристального внимания таких российских авторов, как А.А. Авдашкин¹, В.А. Базанов², И.Д. Лошкарев³, П.П. Спорышев⁴. Среди иностранных авторов данный вопрос изучали Р. Коэн⁵, Й. Шейн⁶, Ч. Кинг и Н. Мелвин⁷, Ф. Энтиас⁸ и другие.

При довольно серьезном дефиците исследований, посвященных именно проблематике афганских беженцев и диаспор, существует ряд работ общего характера, включающих в себя и рассматриваемую тематику. В отечественной афганистике можно отметить статьи либо разделы монографий В.Г. Коргуна⁹, Р.Р. Сикоева¹⁰, А.А. Князева¹¹. Различные частные аспекты освещаются в работах У.В. Окимбекова¹², В.П. Кириченко¹³, И.П. Цапенко¹⁴, С.С. Заремба-Пайк и З.Х. Лепшковой¹⁵ и других авторов. Характерной чертой в исследованиях проблемы афганских беженцев и уже сформировавшихся (или формирующихся) диаспор является преобладающее рассмотрение этой проблемы в рамках дискурса секьюритизации, еще один распространенный формат таких публикаций – преобладание международно-правовых дискурсов в отношении эмигрантов и беженцев. Это относится к публикациям не только в России, но и вообще в русскоязычном пространстве, например в странах Центральной Азии, где можно выделить работы С.К. Олимовой¹⁶, К.И. Искандарова¹⁷, Ч. Джакуповой¹⁸. Несмотря на географическое соседство региона с Афганистаном, исследовательское внимание к проблеме здесь невелико в силу малочисленности афганских диаспор.

В числе работ зарубежных исследователей (представителей академических сообществ как западных, так и восточных стран), занимавшихся разработкой проблематики, – труды М. Данстрём, Н. Клейст и Н. Сёренсен¹⁹, анализировавших экономические аспекты, связанные с деятельностью афганских диаспор; Н. Грин²⁰, К. Фишер²¹, М.Х. Садат²², изучавших вопросы эволюции, сохранения и развития афганской идентичности в современных условиях диаспоральной «раздробленности» афганцев; А. Сафи и М. Цайка²³, исследовав-

1 Авдашкин 2013.

2 Базанов 2011.

3 Лошкарев 2017.

4 Спорышев 2009.

5 Cohen 1996.

6 Shain 1994.

7 King, Melvin 2000.

8 Anthias 1998.

9 Коргун 2005.

10 Сикоев 1999a; 1999b.

11 Князев 2004.

12 Окимбеков 2019.

13 Кириченко 2019.

14 Цапенко 2023.

15 Заремба-Пайк, Лепшкова 2021.

16 Олимова 1998.

17 Искандаров 2005.

18 Джакупова 2000.

19 Danström et al. 2015.

20 Green 2008.

21 Fischer 2017.

22 Sadat 2008.

23 Safi, Czaika 2024.

ших устойчивость связей афганских диаспор, проживающих в различных государствах Европы, с Афганистаном. При рассмотрении академической литературы в данном сегменте выявляется склонность авторов к изучению социальных вопросов, связанных с пребыванием афганских диаспор прежде всего в государствах Западной Европы; иными словами, здесь преобладают прикладные исследования.

Особый интерес представляют работы, в которых выявляются – в основном применительно к последним десятилетиям XX в. – взаимосвязи эмиграции с зарубежными государственными структурами, в первую очередь спецслужбами, что в отечественной литературе отражено, например, в работах А.С. Иващенко¹. Классическими работами являются книги В.Н. Спольникова², не утратившие своей актуальности. Период же после 1990-х гг. в именно таком контексте в научной литературе пока недостаточно освещен.

Для достижения поставленных задач был применен инструментарий как политических (кроссрегиональный прикладной политический анализ), так и исторических (историко-описательный и историко-сравнительный методы) наук. Источниковой базой исследования послужили подвергнутые верификации материалы информационных интернет-ресурсов и статистические данные; среди последних важное место занимают соответствующие материалы международных организаций.

Восточные контексты³

Наиболее многочисленные афганские диаспоры ввиду объективных причин сформировались в соседних странах: согласно данным на конец 2023 г., около 90% всех беженцев из Афганистана были сосредоточены в Иране и Пакистане (58,6% и 31% соответственно)⁴. Устойчивый тренд на переселение афганцев в эти страны обозначился после 1979 г., что было связано с эскалацией гражданской войны и вводом ОКСВ в Афганистан, и лишь усилился к 1990-м гг. на фоне продолжительной военно-политической турбулентности⁵.

В соответствии с упомянутой ранее концепцией социальных порядков эти страны относятся к категории порядков ограниченного (закрытого) доступа, или т.н. естественных государств. Их отличительные особенности – ограничение доступа к экономическим и политическим ресурсам; наличие привилегий и особых прав отдельных организаций и групп элит, благодаря которым они извлекают ренту; личные отношения как основа социальной организации⁶.

Пакистан. По данным на 2017 г., на территории Пакистана проживало от 2 до 2,4 млн афганских беженцев (из них 1,4 млн – зарегистрированных, а от 600 тыс. до 1 млн – без документов)⁷. Для образования в этой стране столь много-

1 Иващенко 1994; 1999.

2 Спольников 1990.

3 Авторская терминология.

4 Доклад о миграции в мире 2024 // IOM Publications. [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.iom.int/system/files/pdf/pub2023-081-i-world-migration-report-2024-ru.pdf> (дата обращения: 25.02.2025).

5 Саженов 2020, 26.

6 Норт et al. 2011, 40.

7 "South Asia: Pakistan," Central Intelligence Agency, accessed February 25, 2025, <https://tinyurl.com/yx3mtfpt>.

численной афганской общины существовали вполне объективные причины. В первую очередь стоит упомянуть тот факт, что весьма протяженная «линия Дюранда», не признанная в Кабуле, но являющаяся де-факто границей Афганистана с Пакистаном, разделяет представителей одного этноса, исторически населявшего данную территорию, – пуштунов, и всегда была довольно «прозрачной», что позволяло жителям обеих стран практически беспрепятственно проникать на территорию соседнего государства. Поэтому с конца 1970-х гг. на фоне эскалации вооруженного конфликта часть жителей Афганистана в массовом порядке устремилась по другую сторону «линии Дюранда». В результате на территории Пакистана образовывались лагеря афганских беженцев (содержавшихся в том числе за счет финансовой поддержки ООН и США), которые после вывода советских войск из Афганистана не исчезли, а лишь продолжили пополняться вынужденными мигрантами, поскольку в стране шла гражданская война.

На сегодняшний день большинство афганцев в Пакистане проживают в провинциях Хайбер-Пахтунхва и Белуджистан; кроме того, значительная часть афганской общины располагается в Карачи, Исламабаде, а также в различных городах провинции Пенджаб. В 2021 г. страна столкнулась с новой волной беженцев из Афганистана на фоне прихода к власти Движения талибов: тогда в Пакистан въехало от 600 тыс. до 800 тыс. афганцев. На фоне этих событий пакистанские власти начали вводить меры, ужесточающие условия пребывания афганских мигрантов на территории страны, утверждая, что высылке подлежат как минимум 1,7 млн человек. При этом пакистанская полиция задерживала и депортировала из страны не только нелегалов, но и держателей специальной иммигрантской визы, подтверждающей статус беженца у ее владельца¹. Подобные действия по отношению к афганской общине объясняются не только накопившейся за более чем 50 лет усталостью от проблемы беженцев и экономического бремени, которое она влечет, но и угрозами безопасности, которые усматриваются в связях афганцев с радикальными группировками у себя на родине и в поддержке ими террористической организации «Техрик-е Талибан Пакистан».

Представляется, что проживающие в Пакистане представители афганской общины (даже имеющие официальный статус беженца, не говоря уже о тех, кто пребывает на территории страны нелегально) в массе своей лишены возможности защитить собственные права перед государством, а потому весьма уязвимы. Их бесправие обусловлено не только сложностями при получении гражданства страны, но и не в последнюю очередь произволом местных властей, зачастую в одностороннем порядке лишаящих афганских беженцев с трудом добытого ими статуса². Таким образом, несмотря на свою многочисленность, проживающая в Пакистане афганская община вряд ли обладает возможностями лоббирования своих интересов на сколь-нибудь заметном уровне в условиях откровенно дискриминационной политики государства. С другой стороны, такое положение диаспоры создает большие возможности не только для широкой мобилизации

1 Строкань, С. Великое выселение // Коммерсант. 1 ноября 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6312301> (дата обращения: 02.03.2025).

2 Riaz Ahmad, "No Country for Old Afghans: 'Post-1951 Immigrants to Be Considered Illegal'," The Express Tribune, April 2, 2015, accessed March 2, 2025, <https://tinyurl.com/3yj6pdj6>.

афганцев в интересах Пакистана, но и для их вербовки многочисленными террористическими структурами.

Иран. В соответствии с иранскими данными, в 2023 г. в стране проживало более 5 млн афганцев; при этом обострившаяся в последние несколько лет проблема нелегальной миграции из соседнего Афганистана представляет собой серьезный повод как для недовольства местного населения, так и для беспокойства иранского руководства, декларирующего, что наплыв афганских беженцев представляет собой угрозу для безопасности страны¹. По данным УВКБ ООН, с середины 2021 г. в Иран бежало порядка одного миллиона афганских граждан². Власти Ирана не публикуют официальной статистики, отражающей общее количество проживающих в стране афганцев, однако, по ряду оценок, более 90% всех иностранных граждан, находящихся на территории страны, составляют именно они³.

Причины многочисленности местной афганской общины во многом очевидны: Иран и Афганистан разделяет весьма протяженная граница (более 900 км), которая не всегда и не везде должным образом охраняется, что открывает возможности для нелегального проникновения мигрантов со стороны Афганистана. Эти обстоятельства, а также опасения, связанные с возможной активностью террористов афганского филиала «Исламского государства»⁴, вынудили власти Ирана озаботиться строительством стены на границе со своим восточным соседом. Тем не менее есть свидетельства того, что значительная часть афганцев по-прежнему нелегальным образом проникает в Иран, в основном с территории Пакистана⁵.

Согласно данным УВКБ ООН на 2023 г., на легальных основаниях в Иране проживало лишь 780 тыс. афганцев, в то время как остальное их количество (более 90%) составляли нелегальные мигранты и беженцы, причем некоторые из них не имели при себе никаких документов, а кто-то имел лишь афганский загранпаспорт⁶. Для уточнения числа афганских граждан на территории страны власти периодически проводят специальные переписи, в ходе которых в отношении мигрантов принимаются решения либо о предоставлении разрешения на пребывание в стране, либо о выдворении⁷.

Большая часть афганцев в Иране стремится интегрироваться в местное общество, поскольку им относительно легко влиться в близкий в культурно-языковом плане иранский социум; лишь незначительная часть, около 4%, селится в специально отведенных властями городках для размещения беженцев⁸. Наиболее многочисленные афганские общины в 2016 г. были зафиксированы в таких останах, как Тегеран, Хорасан-Резави, Исфахан, Керман, Фарс, Кум, особенно в их административных центрах. Стоит отметить, что для афганских мигрантов (как

1 "Iran's National Security is Challenged by the Presence of Afghan Refugees," Faraz, March 10, 2024, accessed March 5, 2025, <https://www.faraz.ir/fa/news/71222/ایران-ی ملی-امنیت چالش-آبادی-افغانی>.

2 "Refugees in Iran," The UN Refugee Agency, accessed March 5, 2025, <https://www.unhcr.org/ir/refugees-iran>.

3 "Iran Walls Off Part of Border with Afghanistan: State Media," Dawn, September 23, 2024, accessed March 5, 2025, <https://www.dawn.com/news/1860652>.

4 Организация признана террористической и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

5 Philip Whiteside, and Kieran Devine, "Escape From Afghanistan: the Options," Sky News, accessed March 5, 2025, <https://tinyurl.com/444mb8ny>.

6 Норик 2023, 124.

7 "Refugees in Iran."

8 Ibid.

легальных, так и нелегальных) с 2015 г. открыт доступ к бесплатному начальному и среднему образованию, что ожидаемо повлекло за собой дополнительные расходы из государственного бюджета и создало ощутимую нагрузку на образовательную систему Ирана, но при этом было оправданно с точки зрения продвижения иранской «мягкой силы».

Если говорить о трудностях, с которыми сталкиваются представители афганской диаспоры в Иране, то в первую очередь стоит упомянуть существовавшие до недавнего времени практически непреодолимые препятствия, связанные с получением гражданства этой страны для любых иностранных граждан, поскольку здесь преобладает т.н. право крови. Иными словами, стать гражданином Ирана может в первую очередь тот, чей отец обладает иранским гражданством. Родившиеся в Иране дети афганских мигрантов, в соответствии с местным законодательством, для получения гражданства должны достигнуть 18-летнего возраста и затем прожить на территории страны еще как минимум 5 лет¹. В целом же для всех въезжающих на территорию страны с целью проживания иностранных граждан существует механизм легализации временного пребывания с возможностью продления его сроков, однако такие лица, как правило, ограничены в правах на перемещение по территории страны.

С 2021 г. правящая элита Ирана активизировала действия по ужесточению миграционной политики в связи с беспрецедентным наплывом афганских беженцев. «Афганский вопрос» вполне ожидаемо стал одной из центральных тем на президентских дебатах летом 2024 года. При этом зачастую негативная риторика иранских властей в адрес афганской общины была призвана оправдать наличие проблем в экономике и социальной сфере, что не могло не сказываться на настроениях местного населения, которое во многом неприязненно относится как к постоянно проживающим на территории Ирана афганцам, так и к тем, кто приезжает в страну в поисках работы или убежища.

Резюмируя, необходимо отметить, что, хотя в целом отношение государства к афганской диаспоре (включая нелегальных мигрантов, составляющих значительную ее часть) в Иране заметно лучше, нежели в соседнем Пакистане ввиду сравнительно меньших масштабов произвола в отношении общины, ее представители все же сталкиваются здесь с рядом существенных ограничений, а также зачастую подвергаются дискриминации в различных сферах, и не последнюю роль здесь играет текущее состояние двусторонних ирано-афганских отношений. Причем в обоих случаях причиной усиления давления на афганских мигрантов становятся экономические проблемы стран пребывания. А поскольку обе рассмотренные в настоящем разделе страны, в соответствии с концепцией социальных порядков, относятся к категории порядков ограниченного (закрытого) доступа, то и возможности афганских общин по защите своих прав и получению доступа к политическим и экономическим ресурсам здесь представляются более чем ограниченными.

1 Норик 2023, 126.

Евроатлантические контексты¹

Несмотря на то что большинство афганских беженцев до сих пор проживает в соседних с Афганистаном Иране и Пакистане, многие из них стремятся обосноваться на Западе – в странах Европы или Северной Америки. Традиционно именно эти направления привлекали наиболее зажиточные слои афганского населения². В данной связи интересно рассмотреть положение афганских общин в Германии и США – государствах, на территории которых суммарно проживает более 500 тыс. афганцев.

Германия. В Германии находится самая многочисленная в Европе афганская община: по официальным данным за 2023 г., в стране проживало более 400 тыс. афганцев³. Хотя здесь, как и везде, наблюдался волнообразный характер ее расширения, нужно выделить этап с середины 2010-х гг., который обозначился на фоне становившегося очевидным провала американской интервенции⁴. При этом если до 1979 г. афганская диаспора включала не более 2000 человек, среди которых были в основном предприниматели и студенты, то впоследствии их ряды пополнялись за счет беженцев (в том числе экономических) и политических эмигрантов.

В соответствии с доступными данными, наиболее заметный прирост афганской общины в Германии имел место не в периоды присутствия на территории Афганистана ОКСВ или нахождения у власти талибов в 1990-х гг. (как это происходило в 1980-х и 1990-х гг., III и VI этапы), а начиная с 2015 г. и достиг пиковых значений в 2016–2017 годах⁵. Интересно, что до 2015 г. «афганский вопрос» не привлекал особого внимания со стороны германских политиков и общественности, однако в дальнейшем, на фоне ухудшения экономической обстановки в стране, предостережения для афганцев, собирающихся приехать в Германию в поисках «лучшей жизни», зазвучали даже на высшем уровне, например из уст канцлера А. Меркель⁶. С конца 2016 г. власти начинают систематически проводить депортации афганских нелегалов, обосновывая их соображениями безопасности⁷. Эти шаги сопровождаются ожесточенной критикой, а также уличными протестами со стороны заинтересованной общественности и правозащитных организаций.

После прихода к власти в Афганистане Движения талибов в 2021 г. Германия на время приостановила процесс депортации афганских мигрантов, однако в августе 2024 г. он возобновился, причем, как утверждается, высылке подверглись «осужденные преступники, не имевшие права оставаться на территории страны»⁸. Несмотря на это, иммиграция из Афганистана в Германию продолжается по сей

1 Авторская терминология.

2 Саженов 2020, 26.

3 "Bevölkerung in Privathaushalten nach Migrationshintergrund im weiteren Sinn nach ausgewählten Geburtsstaaten (Population in Private Households by Migration Background in the Broader Sense by Selected Countries of Birth)," Statistisches Bundesamt (Destatis), accessed March 5, 2025, <https://tinyurl.com/36368trx>.

4 Carolin Fischer, "Afghan Migration to Germany: History and Current Debates," Bundeszentrale für politische Bildung, April 5, 2019, accessed March 5, 2025, <https://tinyurl.com/yz4usk7s>.

5 "Numbers of Afghan Nationals in Germany, 1967–2017," Bundeszentrale für politische Bildung, April 5, 2019, accessed March 5, 2025, https://www.bpb.de/system/files/dokument_pdf/fig.1_Afghan_Nationals_%20in_Germany.pdf.

6 "Merkel warnt Afghanistan vor Flucht nach Deutschland (Merkel Warns Afghans Against Fleeing to Germany)," Afghanistan Analysts Network, December 2, 2015, accessed March 5, 2025, <https://www.afghanistan-analysts.org/en/aan-in-the-media/merkel-warnt-afghanistan-vor-flucht-nach-deutschland/>.

7 Carolin Fischer, "Afghan Migration to Germany: History and Current Debates."

8 СМИ: ФРГ депортировала мигрантов в Афганистан впервые с 202 года // ТАСС. 30 августа 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21722669> (дата обращения: 07.03.2025).

день. Средний возраст афганцев, проживающих в ФРГ, составляет 23,7 лет, причем если раньше они переселялись в страну семьями, то в последние годы приезжают в основном молодые мужчины и преимущественно поодиночке¹.

Афганцы проживают по всей Германии, но в большей степени населяют крупные города и агломерации, такие как Берлин, Гамбург, Франкфурт, Мюнхен; однако далеко не все из них стремятся интегрироваться в местное общество и изучать немецкий язык. Общину, пусть и весьма многочисленную, но при этом крайне неоднородную в социальном и этническом смысле, трудно назвать сплоченной. Тем не менее ее представители создают различные общественные объединения в целях отстаивания коллективных интересов диаспоры, оказания взаимопомощи и сохранения своей культурной идентичности. В качестве одного из примеров можно назвать «Федерацию афганских организаций в Германии» (*Verband der Afghanischen Vereine in Deutschland*) – одну из крупнейших этнических организаций, включающих в себя различные афганские структуры по всей стране. В число ее задач входит координация деятельности афганских объединений, лоббирование интересов афганской диаспоры на политическом уровне, проведение культурных мероприятий и т.п.²

Несмотря на политику местных властей, направленную на ограничение миграционных потоков, представители афганской диаспоры, легально проживающие на территории страны, обладают определенными возможностями для защиты своих прав и отстаивания интересов, а также для донесения своей позиции до широкой общественности, в том числе посредством СМИ и деятельности неправительственных общественных организаций.

США. По данным, актуальным на 2024 г., число афганцев, постоянно проживающих на территории США, превышает 250 тыс. человек, что делает эту афганскую общину самой крупной в Северной Америке³. Будучи довольно немногочисленной вплоть до середины XX в., она стала стремительно увеличиваться после 1979 года⁴. Наибольшее число афганцев в США сосредоточено в таких штатах, как Калифорния, Вирджиния и Нью-Йорк; также существуют довольно многочисленные афганские общины в Аризоне, Техасе, Колорадо, Джорджии и других штатах; при этом большая часть афганцев проживает в крупных городах.

Афганская диаспора в США является довольно разнородной, как и почти везде, социальной группой, состоящей из нескольких поколений иммигрантов, беженцев, а также лиц, получивших убежище. Она включает в себя представителей различных афганских этносов (пуштуны, таджики, хазарейцы, узбеки и др.), религиозных убеждений (сунниты, шииты, исмаилиты), а также социально-экономических слоев. При этом многие ее представители принимают участие в различных объединениях и ассоциациях, занимающихся вопросами защиты прав беженцев и мигрантов, а также активно продвигают коллективные

1 "Migration und Integration (Migration and Integration)," Statistisches Bundesamt (Destatis), December 31, 2024, accessed March 5, 2025, <https://tinyurl.com/76btsray>.

2 "Verband (Association)," Verband afghanischer Organisationen in Deutschland, accessed March 7, 2025, <https://tinyurl.com/mry9mhsv>.

3 Julian Montalvo, and Jeanne Batalova, "Afghan Immigrants in the United States," Migration Policy Institute, February 15, 2024, accessed March 7, 2025, <https://www.migrationpolicy.org/article/afghan-immigrants-united-states-2022>.

4 Anna Giaritelli, "How Biden is Resettling Afghans in the US," Biasly, September 1, 2021, accessed March 7, 2025, <https://www.biasly.com/news/howbidenisresettlingafghansintheuswashingtonexaminer/>.

интересы в местных политических кругах. Можно назвать такие организации, как *Afghan American Foundation*, *Afghan Coalition*, *No One Left Behind*, которые проводят различные кампании, направленные на информирование властей страны о потребностях афганцев, а также о помощи, необходимой им со стороны государства¹. Гражданский активизм афганской общины проявляется и в форме митингов и демонстраций, на которых ее представители часто выражают свою позицию относительно текущих событий в Афганистане.

Таким образом, несмотря на свою неоднородность и географическую разобщенность, афганская община в США представляется весьма активной и деятельной, способной организованно транслировать свою позицию по различным вопросам не только для продвижения своих интересов и отстаивания прав на местном уровне, но и при выражении отношения к событиям на своей родине и вокруг нее вплоть до действий по вовлечению государственных институций США во внутриафганские процессы. К примеру, известно, что после гибели своего отца от рук талибов в 1999 г. будущий президент Х. Карзай пытался заручиться поддержкой Вашингтона в организации пуштунского антиталибского движения, а в 2000 г. выступал в сенате США с разъяснениями ситуации в Афганистане². В США есть примеры и прямой интеграции афганцев в американскую элиту. Так, яркой фигурой американского внешнеполитического истеблишмента является афганец по происхождению З. Халилзад, занимавший высокие должности в государственном департаменте и продолжающий в настоящее время играть важную роль в Демократической партии США.

Опираясь на примеры, иллюстрирующие положение афганских диаспор в Германии и США, можно утверждать, что в этих государствах выходцы из Афганистана пользуются довольно значительными политическими и социально-экономическими свободами в том случае, если проживают легально. Отталкиваясь от концепции Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста, можно сделать вывод, что возможностей для политической мобилизации в этих обществах больше, чем в закрытых порядках, и вполне закономерно, что различные этнические диаспоры (в том числе афганские) ими активно пользуются.

Российский контекст

В 2011 г. численность афганцев в Российской Федерации, по различным подсчетам, оценивалась в диапазоне от 50 до 150 тыс. человек, большая часть которых проживала в Москве³. Афганская община формировалась преимущественно с 1990-х гг., что было обусловлено обострившейся в Афганистане вооруженной борьбой различных этнополитических группировок за власть, и основную ее часть составляли политические эмигранты и их родственники, среди которых было много высокопоставленных чиновников и военных, лояльных правительству президента М. Наджибуллы. Многие представители партийно-номенклатурной элиты, офицеры и сотрудники спецслужб в 1990-е гг. выбирали

1 "Welcome to Afghan Coalition," Afghan Coalition, accessed March 7, 2025, <https://afghancoalition.org/about-us/>.

2 Коргун 2011, 110.

3 Хомаюн, К. Афганская диаспора в России // Афганистан.ру. 24 апреля 2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://afghanistan.ru/doc/19990.html?ysclid=mc0egfgrq541546212> (дата обращения: 17.06.2025).

для эмиграции именно Россию, хотя перебраться на Запад в то время было проще – через Индию и Пакистан. Объяснить это можно их знакомством с русским языком и культурой в период обучения в советских высших учебных заведениях, опытом общения с гражданами СССР и, соответственно, связями в России. Большинство афганских эмигрантов в Россию представляли наиболее образованные слои афганского общества.

В силу ряда внутренних причин целенаправленных усилий по интеграции лояльных государству афганцев в местное общество на правительственном уровне не предпринималось, и какие-либо преимущества и дополнительные возможности закрепиться в стране у этих мигрантов отсутствовали. Для многих из них задача получения статуса беженца, политического убежища и тем более гражданства Российской Федерации была связана с зачастую непреодолимыми бюрократическими препятствиями¹. Это привело к оттоку множества афганских граждан в середине 1990-х гг. из России в страны Западной Европы, в которых реализовывались программы приема беженцев. Значительная часть оставшихся в России афганцев стала заниматься бизнесом, часто – оптовой и розничной торговлей; кроме того, в Россию до сих пор приезжают на обучение студенты из Афганистана, зачастую в надежде получить возможность утвердиться здесь, остаться жить самим и перевезти семью, или же используя страну в качестве «перевалочного пункта» на пути в ЕС.

Афганскую диаспору в России называют одной из самых разобщенных на постсоветском пространстве. В Москве и в других российских городах существуют десятки общественных организаций, так или иначе связанных с афганской общиной, однако они не служат фактором ее консолидации². Афганцы в России склонны формировать отдельные группы в первую очередь на базе экономической деятельности, ярким примером чего может служить торговый центр на месте бывшей московской гостиницы «Севастополь»³. В связи с упомянутой ранее разобщенностью афганской диаспоры можно заключить, что потенциал политической мобилизации афганцев с целью продвижения их интересов в российском обществе представляется весьма низким. Впрочем, для представителей афганской общины, как правило, отсутствуют какие-либо препятствия для ведения экономической деятельности и для учебы при условии приобретения официального статуса.

Афганская дискретность: диаспоральная проекция

Слабость афганских эмигрантских общин предопределяется их разобщенностью, неспособностью консолидироваться и обрести субъектность, достаточную для обретения социальной значимости в местных социумах. Ключевой причиной этой разобщенности является состояние самого афганского общества, не сумевшего на протяжении длительного исторического времени достичь

1 Коргун 2005, 5.

2 Хомаюн, К. Афганская диаспора в России // Афганистан.ру. 24 апреля 2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://afghanistan.ru/doc/19990.html?ysclid=mc0egfgrq541546212> (дата обращения: 17.06.2025).

3 Шихатова, Р. Как в Москве живут афганцы // Москвич Mag. 3 сентября 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://moskvich-mag.ru/lyudi/kak-v-moskve-zhivut-afgantsy/> (дата обращения: 23.12.2024).

необходимой общегражданской сплоченности. Незавершенность этнополитической идентификации и консолидации афганского общества синхронизировалась с незаконченным транзитом от традиционной позднефеодальной к модернистской раннекапиталистической формации. Определенные девиации привнесли в этот процесс социалистические реформы 1980-х гг., традиционалистский реванш 1990-х гг. (правительства моджахедов и первого периода власти Движения талибов), а также демократические преобразования 2001–2021 годов. Высочайшая степень фрагментации афганского общества, сообщающая его развитию центробежные тенденции, стала, таким образом, одной из базовых причин перманентной нестабильности государства, проецируясь и на состояние эмигрантской среды.

Исторически сложившееся доминирование первичных форм групповой солидарности обуславливает среди афганцев региональные, религиозные, языковые и культурные различия. Более того, в самом Афганистане расколы проходят не только по границам расселения этносов (которое зачастую дисперсно), но и внутри этнических групп. К примеру, среди хазарейцев встречаются как шииты джафаритского мазхаба, так и крупные группы исмаилитов. Большинство пуштунов являются приверженцами ханафитского мазхаба суннизма, но среди них есть разделение по критерию причастности к различным суфийским тарикатам; есть и пуштунские племена, исповедующие шиизм... За пределами страны тот или иной выходец из Афганистана на вопрос о своем происхождении может называть себя афганцем, отталкиваясь от своей страновой идентичности. В самом же Афганистане человек будет апеллировать исключительно к своей этнической идентичности¹.

Консолидации афганского общества препятствует и его клановость. Не говоря уже о племенном факторе (наиболее сильном у пуштунов, а отсутствующем среди афганских этносов только у таджиков), свои разделительные линии создают и сохраняющиеся патрон-клиентские отношения. Те же внутриэтнические деления имеют иногда и региональный характер: если для таджиков важным зачастую является происхождение из Панджшера или Бадахшана, Герата или Балха, то среди узбеков имеет определенное значение происхождение из той или иной местности / провинции когда-то существовавшего «Чор Вилаята», узбекских ханств левобережья Амударьи.

Вся эта множественность естественным образом проявляется в диаспорах, где разного рода эмигрантские ассоциации довольно устойчиво формируются по линиям раскола, существующим в стране, и чаще всего по этноконфессиональному критерию. Несмотря на традиционно высокий уровень предпринимательской активности, эти диаспоры трудно отнести к диаспорам экономического типа, каковыми, как правило, являются еврейские или китайские, интенсивно взаимодействующие с местной средой в процессе ведения бизнеса. Такое взаимодействие не чуждо и афганцам, но оно редко становится системным, поскольку ограничивается высокой фрагментацией самих диаспор. Последнее в высокой степени обуславливается, наряду с отмеченными этническими и другими

1 Князев 2024, 216.

критериями, еще и определенной значимостью партийных или политических пристрастий эмигрантов. Представители диаспоры занимают зачастую прямо противоположные, а иногда и враждебные друг другу позиции, отражающие продолжительный внутренний гражданский конфликт в самом Афганистане.

Политизация, наряду с отсутствием или недостаточностью субъектности диаспор в странах нахождения, в ряде случаев обуславливает ситуацию, при которой диаспоры (особенно их элиты) становятся объектом воздействия со стороны государственных институтов стран-реципиентов, использующих их в своих, в основном внешнеполитических, интересах. Эта ситуация, в свою очередь, за много десятилетий сформировала такое явление, как имманентный интерес лидеров любых афганских оппозиционных сил (прежде всего находящихся в эмиграции) к поиску поддержки в странах пребывания для продолжения политической (очень часто и военной) активности в Афганистане.

Диаспоры и политика государств-реципиентов

Знаковой в этом плане была первая массовая волна афганских беженцев в Пакистан. В 1973 г. в районе г. Аттока в Пакистане местными спецслужбами и ЦРУ США был создан первый учебный лагерь для подготовки афганской вооруженной оппозиции, перед которой ставилась задача свержения президента М. Дауда, пришедшего к власти после падения королевского режима. В течение 1973–1974 гг. активисты действовавшего в Кабуле оппозиционного движения «Джаванани-е мусульман» («Мусульманская молодежь») конспиративно убывали в Пакистан для прохождения военной подготовки¹. Для правительства З.А. Бхутто правые афганские оппозиционеры, учитывая резкий рост противоречий между двумя азиатскими государствами, являлись важным внешнеполитическим инструментом. Так началось взаимодействие афганской исламской оппозиции в эмиграции с пакистанскими государственными структурами, резко возросшее (при ведущей роли США и участии европейских и исламских государств, а также КНР) после Апрельской революции 1978 г. уже в борьбе с правительством НДПА, а затем и с ОКСВ. Основным мобилизационным ресурсом для формировавшихся военных отрядов оппозиции были беженцы – граждане Афганистана. Параллельно, хотя и в меньших масштабах, афганские беженцы-шииты стали использоваться в таком же качестве и в Иране.

Функциональность эмигрантского ресурса в Пакистане сохранилась и после прихода к власти моджахедов в апреле 1992 г.: неспособность последних установить стабильность в стране мотивировала правящую элиту Пакистана на реализацию проекта, известного как Движение талибов. Оставляя в стороне рассмотрение всех причин его появления и последующей эволюции, следует обратить внимание на произошедшую к концу 1990-х гг. реактуализацию вопроса об использовании имевшейся афганской диаспоры в США. Неспособность Движения талибов решить поставленные внешними акторами задачи кардинально изменила отношение администрации США к нему, и к концу 2001 г. в условиях

1 Спольников 1990, 83.

начавшейся американской оккупации Афганистана вновь стал необходимым диаспоральный ресурс.

Оккупация и задачи по созданию управляемого правительства в стране сделали востребованными разные группы афганской эмиграции: так называемые Римскую группу, Кипрскую группу и Пешаварскую группу, в той или иной степени контролируемые американской стороной (и их союзниками). Это ярко проявилось в ходе Боннской конференции в декабре 2001 г. при формировании временной «постталибской» администрации. Инкорпорация подконтрольной эмигрантской элиты в создаваемые в Афганистане государственные институты (а затем и в ходе ротаций) стала одной из фундаментальных задач американской стороны на весь 20-летний период оккупации и попыток государственного строительства в Афганистане.

Использование афганской эмиграции в решении внешнеполитических задач имеет место и в Иране. Наиболее яркий и масштабный пример: в 2014 г. под управлением Корпуса стражей Исламской революции была создана «Лива Фатимюн» – подразделение из афганских шиитов-хазарейцев в формате армейской бригады, которое насчитывало более 20 тыс. человек и принимало самое активное участие в войне с сирийской вооруженной оппозицией и ИГИЛ¹. По сути «Лива Фатимюн» являлась одним из важных сегментов иранской «мехвар-э мокавемат», известной как «ось сопротивления», наряду с «Хезболлах», ХАМАС и другими участниками. Гипотетически можно представить данный пример и как показатель определенного уровня интеграции афганской диаспоры в иранское общество, в рамках которой афганские эмигранты участвуют в реализации задач внешней политики Ирана.

О какой-либо политической активности афганской диаспоры в России, направленной на ситуацию в Афганистане, сведений немного. Единственным примером за весь постсоветский период можно считать, пожалуй, организованный в феврале 2019 г. в Москве «Межафганский диалог», который получил поддержку от официальных российских органов, но проходил под эгидой афганской диаспоры в России во главе с предпринимателем М. Надир-Шахом, руководившим «Афганским деловым центром содействия деловому и социальному партнерству культурных и национальных инициатив». Впоследствии «Межафганский диалог» стал частью официальной внешней политики России в рамках «московских консультаций» и организовывался непосредственно Министерством иностранных дел без какого-либо существенного участия диаспоры. Можно и нужно упомянуть также о целом ряде инициатив со стороны афганских диаспор в городах России по оказанию гуманитарной помощи Афганистану после 2021 года.

Для более полного понимания вопроса необходимо обратить внимание на взаимоотношения между диаспорной элитой последней волны, после августа 2021 г., и политической элитой США. Осенью 2021 г. одна из заметных антителибских эмигрантских групп, «Фронт национального сопротивления Афганистана», зарегистрировала в США свое представительство в качестве иностранного агента для занятий лоббистской деятельностью в поддержку афганской оппозиции.

1 Организация признана террористической и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

Тогда же эта группа подписала контракт с известной в США лоббистской компанией *Stryk Global Diplomacy*¹. Хотя администрация Байдена не демонстрировала заинтересованности в дальнейшем участии в афганском конфликте, инициатива получала поддержку. В июле 2024 г. на обсуждение Конгресса США от Республиканской партии был вынесен (хотя так и не был принят) проект «Закона о недопущении признания террористических государств», в котором Движение талибов определялось как «спонсор терроризма и террористическая организация»². Тогда же бывший советник по национальной безопасности Дж. Болтон заявлял о необходимости оказать военную и экономическую поддержку «силам сопротивления, противостоящим режиму “Талибана” в Афганистане»³.

Численность групп, возникших в США, европейских странах, Канаде и Турции в период 2021–2024 гг. и декларирующих «сопротивление “Талибану”», достаточно велика, но практика показывает, что эмигрантские элитные круги без существенной поддержки со стороны других государств не способны мобилизовать значимую поддержку ни в диаспорах, ни в самом Афганистане, будучи оторванными от реальной ситуации и активизируясь преимущественно виртуально. Действующей администрацией США этот ресурс пока не востребован, но нельзя исключать обращения к нему, исходя из опыта 1970–1980-х и 2001–2021 годов.

Выводы

Приведенные в настоящей статье наблюдения свидетельствуют о том, что способность афганских диаспор за рубежом получать доступ к политическим и экономическим ресурсам, организованно отстаивать свои интересы и успешно интегрироваться в социум обусловлена, с одной стороны, социально-политическим контекстом страны пребывания (т.е. господствующим социальным порядком – ограниченного или открытого доступа), а с другой – степенью сплоченности самой афганской общины (т.е. внутренними факторами).

Вполне ожидаемо, общества открытого доступа (на примере Германии и США) предоставляют этническим общинам гораздо больше свобод для самоорганизации, публичного выражения и продвижения коллективных позиций и запросов при условии соблюдения их представителями местного законодательства, легализации или приобретения гражданства. Вопрос состоит лишь в том, готовы ли они сами этими возможностями воспользоваться. В случае порядков ограниченного (закрытого) доступа, примерами которых послужили Пакистан (в большей степени) и Иран, афганские общины не только бывают ограничены в этих возможностях, но и в отдельных случаях лишены базовых прав и свобод и даже открыто дискриминируемы: наиболее ярким примером государства, где имеют место подобные инциденты, в данной работе выступает Пакистан, где случаи выдворения из страны афганцев, получивших гражданство и много

1 Kenneth P. Vogel, “Struggle for Control of Afghanistan Comes to K Street,” *New York Times*, September 15, 2021, accessed March 27, 2025, <https://www.nytimes.com/2021/09/15/us/politics/afghanistan-taliban.html>.
2 “To Prohibit Actions Recognizing the Islamic Emirate of Afghanistan, and for Other Purposes,” US 118th Congress, July 25, 2024, accessed March 27, 2025, <https://www.congress.gov/118/bills/hr/9163/BILLS-118hr9163ih.htm>.
3 “Strengthen Anti-Taliban Resistance Fronts Through Aid, Advises Former US NSA,” *Afghanistan International*, July 9, 2024, accessed March 27, 2025, <https://www.afintl.com/en/202407092442>.

лет проживавших на территории страны на легальных основаниях, отнюдь не редки. Россия, как «особый кейс» данного исследования, демонстрирует некую промежуточную позицию между двумя описанными выше «полюсами»: афганская община здесь не подвергается каким-либо очевидным ограничениям в правах и свободах (при условии получения ее членами официального статуса на территории Российской Федерации). При этом какими-либо существенными рычагами влияния на местные власти в вопросах, представляющих коллективный интерес, она также не обладает.

Важным фактором, влияющим на способность афганских диаспор к мобилизации, представляется степень ее внутренней сплоченности (которая на поверку зачастую оказывается весьма низкой). Следует отметить, что разнородность и разрозненность афганских диаспор и эмигрантских элит – свойства, проистекающие из одних и тех же детерминант, относящихся к афганскому обществу в целом. Нет оснований говорить о наличии устойчивой связи между основной массой афганских эмигрантов и находящимися за пределами своей страны теми или иными элитными группами. Первые покинули Афганистан в подавляющем большинстве случаев вынужденно, и их задачей является достижение определенного уровня интеграции в странах пребывания, который обеспечивал бы создание достойных условий жизни. Вторые стали эмигрантами в ходе политической борьбы. Даже потерпев поражение, они зачастую не оставляют реваншистских устремлений и готовы для их достижения служить интересам внешних акторов, далеко не всегда совпадающим с интересами Афганистана. Исходя из этого, можно говорить как об определенной деполитизации основной массы эмигрантов, так и о готовности элитных групп к сотрудничеству с государственными органами стран пребывания в их внешнеполитической деятельности.

Анализ вовлеченности диаспор в реализацию внешнеполитических интересов государств-реципиентов даже на ограниченном числе примеров показывает разнообразие ситуаций и отсутствие какой-либо прямой зависимости подобной практики от типа обществ.

В рамках американской внешнеполитической традиции высокий уровень социально-экономических и политических свобод сочетается с тем, что диаспорная элита вполне инструментально используется в интересах США. Своей спецификой обладает случай Пакистана: особые и во многом конфликтогенные отношения с Афганистаном, а также многочисленность афганской диаспоры создают для последнего широкие возможности манипулировать пребывающими в стране афганцами. Так, массовые депортации афганских беженцев из Пакистана, которые практикуются с 2023 г., представляют собой вполне откровенно используемый инструмент давления на действующее в Кабуле правительство в рамках продолжительной конфликтной ситуации в двусторонних отношениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Авдашкин, А.А. Проблема диаспор в зарубежной и отечественной литературе: вторая половина XX – начало XXI в. // Вестник Южно-Уральского профессионального института. 2013. № 3(12). С. 4–12.
- Avdashkin, Andrey A. "The Problem of Diasporas in Foreign and Domestic Literature: the Second Half of the XX – Beginning of XXI Century." *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo professional'nogo instituta*, no. 3(12) (2013): 4–12 [In Russian].
- Базанов, В.А. Диаспора как система // Вестник РУДН, серия Социология. 2011. № 3. С. 24–33.
- Bazanov, Varfolomey "Diaspora as a System." *RUDN Journal of Sociology*, no. 3 (2011): 24–33 [In Russian].
- Джакупова, Ч.И. Беженцы в Кыргызстане: 90-е годы XX века. Бишкек: Илим, 2000. 275 с.
- Dzhakupova, Cholpon I. *Bezhyentsy v Kyrgyzstane: 90-e gody XX veka*. Bishkek: Ilim, 2000 [In Russian].
- Заремба-Пайк, С.С., Лепшокова, З.Х. Воспринимаемая дискриминация, религиозность и психическое здоровье афганских беженцев в России // Minbar. Islamic Studies. 2021. Т. 14. № 1. С. 175–200. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2021-14-1-175-200>.
- Zaremba-Pike, Svetlana S., and Zarina Kh. Lepshokova. "Perceived Discrimination, Religiosity and Mental Health of Afghan Refugees in Russia." *Minbar. Islamic Studies* 14, no. 1 (2021): 175–200 [In Russian].
- Иващенко, А.С. Афганская вооруженная оппозиция в американской политике // США: Экономика. Политика. Идеология. 1994. № 11. С. 96–106.
- Ivashchenko, Aleksandr S. "Afganskaya vooruzhennaya oppozitsiya v amerikanskoj politike." *SShA: Ekonomika. Politika. Ideologiya*, no. 11 (1994): 96–106 [In Russian].
- Иващенко, А.С. Военно-финансовая и экономическая помощь США афганскому сопротивлению (1979–1989 гг.) // Научные труды Московского государственного педагогического университета. Серия: Социально-исторические науки. М.: Прометей, 1999. С. 238–244.
- Ivashchenko, Aleksandr S. "Voenno-finansovaya i ekonomicheskaya pomoshch' SShA afganskomu soprotivleniyu (1979-1989 gg.)." In *Nauchnye trudy Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-istoricheskie nauki*, 238–244. Moscow: Prometei, 1999 [In Russian].
- Искандаров, К.И. Афганские беженцы в Республике Таджикистан (1990-е–2005 гг.) // Афганистан и безопасность Центральной Азии. Вып. 2. Под ред. А.А. Князева. Бишкек: Илим, 2005. С. 11–31.
- Iskandarov, Kosimsho I. "Afganskije bezhyentsy v Respublike Tadjikistan (1990-e – 2005 gg.)." In *Afghanistan i bezopasnost' Tsentral'noi Azii*. Vyp. 2, edited by Alexander A. Knyazev, 11–31. Bishkek: Ilim, 2005 [In Russian].
- Кириченко, В.П. Участие хазарейцев Афганистана в сирийском конфликте // Россия и мусульманский мир. 2019. № 4(314). С. 70–78. <https://doi.org/10.31249/rimr/2019.04.04>.
- Kirichenko, Vladimir P. "Participation of the Hazaras of Afghanistan in the Syrian conflict." *Russia and the Muslim World*, no. 4(314) (2019): 70–78 [In Russian].
- Князев, А.А. Афганская идентичность: перспективы дефрагментации // Международная аналитика. 2024. Т. 15. № 1. С. 210–218. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-210-218>.
- Knyazev, Alexander A. "Afghan Identity: Prospects for Defragmentation." *Journal of International Analytics* 15, no. 1 (2024): 210–218 [In Russian].
- Князев, А.А. Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX – начало XXI в.). Душанбе: Дониш, 2004. 640 с.
- Knyazev, Alexander. *Afganskii krizis i bezopasnost' Tsentral'noi Azii (XIX – nachalo XXI v.)*. Dushanbe: Donish, 2004 [In Russian].
- Коргун, В.Г. Где у афганцев родина // Афганистан и безопасность Центральной Азии. Вып. 2. Под ред. А.А. Князева. Бишкек: Илим, 2005. С. 3–10.
- Korgun, Victor G. "Gde u afgantsev rodina." In *Afghanistan i bezopasnost' Tsentral'noi Azii*. Vyp. 2, edited by Alexander A. Knyazev, 3–20. Bishkek: Ilim, 2005 [In Russian].
- Коргун, В.Г. История Афганистана. XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, акад. наук. Ин-т востоковедения. М., 2004. 528 с.
- Korgun, Victor G. *Istoriya Afganistana. XX vek*. Moscow: IV RAN, Kraft+, akad. nauk, In-t vostokovedeniya, 2004 [In Russian].
- Коргун, В.Г. США в Афганистане: миссия невыполнима? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 3. С. 106–133.
- Korgun, Victor G. "SShA v Afganistane: missiya nevyopolnima?" *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, no. 3 (2011): 106–133 [In Russian].
- Лошкареев, И.Д. Эволюция понятия «диаспора» в политической науке // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 4(106). С. 70–78.
- Loshkaryov, Ivan D. "Evolyutsiya ponyatiya «diaspora» v politicheskoi nauke." *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*, no. 4(106) (2017): 70–78 [In Russian].
- Норик, Б.В. Афганские мигранты в Иране: угроза внутренней безопасности или будущая прокси-сила? // Социальные новации и социальные науки. 2023. № 1. С. 122–138. <https://doi.org/10.31249/snsn/2023.01.09>.
- Norik, Boris V. "Afghan Migrants in Iran: Internal Security Threat or Future Proxy Force?" *Social Novelties and Social Sciences*, no. 1 (2023): 122–138 [In Russian].
- Норт, Д., Уоллис, Дж., Вайнгаст, Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство института Гайдара, 2011. 480 с.
- North, Douglass C., John J.L. Wallis, and Barry R. Weingast. *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva*. Moscow: Izdatel'stvo instituta Gaidara, 2011 [In Russian].
- Окимбеков, У.В. Население Афганистана: динамика численности, состав и этнические конфликты на этнической почве // Труды Института востоковедения РАН. 2019. № 26. С. 307–345.
- Okimbekov, Ubaid V. "Population of Afghanistan: Dynamics of Numbers, Composition and Conflicts on the Basis of Ethnicity." *Papers of the Institute of Oriental Studies of RAS*, no. 26 (2019): 307–345 [In Russian].
- Олимова, С.К. Таджикистан – первая остановка на пути афганской миграции // Центральная Азия и Кавказ. Лулео. 1998. № 1. С. 105–113.
- Olimova, Saodat K. "Tadjikistan – pervaya ostanovka na puti afganskoi migratsii." *Central Asia and the Caucasus. Luleå*, no. 1 (1998): 105–113 [In Russian].
- Саженов, Н.Д. Внутренние факторы во внешней политике Афганистана на современном этапе (2001–начало 2020 г.) / отв. ред. Р.Д. Дауров. М.: ИВ РАН, 2020. 220 с.

Sazhenov, Nikolay D. *Vnutrennii faktory vo vneshnei politike Afganistana na sovremennom etape (2001 – nachalo 2020 g.)*. Moscow: IV RAN, 2020 [In Russian].

Сикоев, Р.Р. Политический облик афганской диаспоры // *Азия и Африка сегодня*. 1999а. № 3. С. 20–25.

Sikoev, Ruslan R. "Politicheskii oblik afganskoi diaspory." *Asia and Africa Today*, no. 3 (1999a): 20–25 [In Russian].

Сикоев, Р.Р. Эмиграция и судьбы страны // *Азия и Африка сегодня*. 1999b. № 11. С. 46–48.

Sikoev, Ruslan R. "Emigratsiya i sud'by strany." *Asia and Africa Today*, no. 11 (1999b): 46–48 [In Russian].

Спольников, В.Н. Афганистан: исламская контрреволюция. М., 1987. 238 с.

Spolnikov, Victor N. *Afganistan: islamskaya kontr-revolutsiya*. Moscow, 1987 [In Russian].

Спольников, В.Н. Афганистан: исламская оппозиция. Истоки и цели. М.: Наука, 1990. 192 с.

Spolnikov, Victor N. *Afganistan: islamskaya oppositsiya. Istoki i tseli*. Moscow: Nauka, 1990 [In Russian].

Спорышев, П.П. Диаспора: феномен и понятие (к проблеме выработки политологического подхода) // *Экономические стратегии*. 2009. № 3. С. 122–127.

Sporyshev, Peter P. "Diaspora: fenomen i ponyatie (k probleme vyrobotki politologicheskogo podkhoda)." *Ekonomicheskie strategii*, no. 3 (2009): 122–127 [In Russian].

Цапенко, И.П. Афганский миграционный кризис и политика США // *Полис. Политические исследования*. 2023. № 1. С. 42–59. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.05>.

Tsapenko, Irina P. "The Afghan Migration Crisis and U.S. Policy." *Polis. Political Studies*, no. 1 (2023): 42–59 [In Russian].

Anthias, Floya. "Evaluating 'Diaspora': Beyond Ethnicity?" *Sociology* 32, no. 3 (August 1998): 557–580. <http://dx.doi.org/10.1177/0038038598032003009>.

Cohen, Robin. "Diasporas and the Nation-State: From Victims to Challengers." *International Affairs* 72, no. 3 (July 1996): 507–520. <https://www.jstor.org/stable/2625554>.

Danstrøm, Matilde S., Nauja Kleist, and Ninna N. Sørensen. *Somali and Afghan Diaspora Associations in Development and Relief Cooperation*. Danish Institute for International Studies (DIIS), 2015.

Fischer, Carolin. "Imagined Communities? Relations of Social Identities and Social Organisation among Afghan Diaspora Groups in Germany and the UK." *Journal of Intercultural Studies* 38, no. 1 (February 2017): 18–35. <https://doi.org/10.1080/07256868.2016.1269060>.

Green, Nile. "Tribe, Diaspora, and Sainthood in Afghan History." *Journal of Asian Studies* 67, no. 1 (2008): 171–211. <https://doi.org/10.1017/S0021911808000065>.

King, Charles, and Neil J. Melvin. "Diaspora Politics: Ethnic Linkages, Foreign Policy, and Security in Eurasia." *International Security* 24, no. 3 (January 2000): 108–138. <http://dx.doi.org/10.1162/016228899560257>.

Sadat, Mir H. "Hyphenating Afghanity (Afghan-ness) in the Afghan Diaspora." *Journal of Muslim Minority Affairs* 28, no. 3 (December 2008): 329–342. <https://doi.org/10.1080/13602000802547898>.

Safi, Ali A., and Mathias Czaika. "The Transnational Engagement of Afghan Diaspora Organizations: Drivers of Diaspora Specialization." *Global Networks* 25, no. 1 (2024): e12484. <https://doi.org/10.1111/glob.12484>.

Shain, Yossi. "Ethnic Diasporas and U.S. Foreign Policy." *Political Science Quarterly* 109, no. 5 (December 1994): 811–841.

Сведения об авторах

Александр Алексеевич Князев,

д.и.н., ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: a.knyazev@inno.mgimo.ru

Нинэль Яхъевна Гулам,

аспирант Института международных исследований МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: ni.ya.gulam@my.mgimo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 7 апреля 2025.

Переработана: 6 июня 2025.

Принята к публикации: 10 июня 2025.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Князев, А.А., Гулам Н.Я. Политические контексты афганской эмиграции // *Международная аналитика*. 2025. Том 16 (2). С. 98–117.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-2-98-117>

Political Contexts of Afghan Emigration

ABSTRACT

The article delves into the gradual process of Afghan diasporas' formation and compares their status in Euro-Atlantic and Eastern political contexts, using a comparative analysis based on the concept of social orders. While some Afghan diaspora groups have successfully integrated into local societies and organized to promote their interests, others have failed to influence local authorities and have become marginalized. The paper also examines the current state of Afghan diaspora communities, identifying reasons for their fragmented nature. According to the authors, this reflects the ongoing process of shaping an all-Afghan identity. The study also focuses on the conditions that enable some countries' state institutions to use emigrant diasporas as proxy tools in their foreign policy and on the readiness of diaspora elites to fulfil such functions. This highlights the relevance of the issue when it comes to understanding a range of current political events. The potential of Afghan diasporas in different countries is also assessed in terms of their abilities to influence the ongoing processes in Afghanistan. The analysis of diasporas' involvement in the recipient countries' foreign policy interests reveals the diversity of situations and the lack of a direct correlation between such practices and the type of the countries' social orders. The paper provides the authors' periodization of the Afghan emigration from the aftermath of the overthrow of the monarchy in 1973 to the time of the research.

KEYWORDS

migration, Afghan diaspora, refugees, political system, social orders, Afghanistan

Authors

Alexander A. Knyazev,

PhD (Hist.), Leading Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: a.knyazev@inno.mgimo.ru

Ninel Ya. Gulam,

PhD student, Institute for International Studies, MGIMO University
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: ni.ya.gulam@my.mgimo.ru

Additional information

Received: April 7, 2025. Revised: June 6, 2025. Accepted: June 10, 2025.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Knyazev, Alexander A., and Ninel Ya. Gulam. "Political Contexts of Afghan Emigration."
Journal of International Analytics 16, no. 2 (2025): 98–117.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-2-98-117>

Феномен диаспоры в современных электоральных процессах Республики Молдова

Николь Витальевна Бодиштяну, НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Контактный адрес: nbodishteanu@hse.ru

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется уникальный феномен влияния молдавской диаспоры на электоральные процессы в Республике Молдова. Автор анализирует исторические, экономические и социальные факторы, способствовавшие массовой миграции граждан РМ за рубеж, а также процесс формирования диаспорных сообществ. Особое внимание уделяется роли диаспоры в президентских выборах 2020 и 2024 гг., когда ее участие стало решающим для итогов голосования. На примере этих выборов показано, как прозападные политические силы, в частности партия «Действие и солидарность» и президент М. Санду, успешно мобилизовали диаспору для достижения своих целей. В статье также рассматриваются программы и инициативы, направленные на взаимодействие с диаспорой, и их влияние на политическую динамику страны. Автор приходит к выводу, что диаспора превратилась в мощный политический инструмент, способный кардинально менять результаты выборов, несмотря на внутренние расколы в молдавском обществе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Республика Молдова, молдавская диаспора, президентские выборы, разделение электората, диаспора, политическая мобилизация, миграция

Для Республики Молдова после обретения независимости 27 августа 1991 г. была характерна массовая миграция, отток трудоспособного населения в страны с более высоким уровнем жизни. Активизация молдавской диаспоры в качестве движущей политической силы в последние 10 лет делает необходимым детальный анализ этого феномена. В статье рассмотрены истоки молдавской эмиграции и формирования диаспорных объединений, политическая активность зарубежных молдаван в ходе президентских выборов 2020 и 2024 годов.

Теоретико-методологическая рамка

Концептуальное осмысление термина «диаспора» берет свое начало в 1970–1980-х годах. Одним из первых исследователей диаспор является Дж. Армстронг, который предложил группировать диаспоры по принципу их возникновения: старые и новые, классические и пролетарские¹. В дальнейшем У. Сафран отмечал, что понятие диаспоры со временем претерпело изменения: от узкого определения, относящегося лишь к конкретным этническим группам (таким как евреи, греки или армяне), до широкой категории населения, представляющей результат взаимодействия между родиной и принимающей страной².

В продолжение тезиса об этнической общности как основе диаспоры выступили Д. Коулман и Дж. Солт, утверждавшие, что диаспорные сообщества во многом связаны с концепцией этнических групп, под которыми понимаются объединения людей, разделяющих общие отличительные характеристики языка, религии, происхождения и родственных связей. Эти группы также объединены верой в общее происхождение и, как правило, обладают общей исторической родиной³.

Рассматривая же более поздние исследования диаспоры, следует обратиться к концептуализации Р. Коэна, который в монографии «Глобальные диаспоры: введение» вводит в научный обиход несколько ключевых тезисов о специфике современных диаспор. Так, по его словам, характеристики диаспор включают в себя: в первую очередь так называемый *изначальный центр* – образ родины, сохраняемый в коллективной памяти; веру в *невозможность полной интеграции* в принимающее общество и страну; а также идеализацию родины и рассмотрение ее как места возможного возвращения. Он относит к диаспорам группы населения, рассеянные в результате колониализма, а также добровольной и принудительной миграции. Р. Коэн также упоминает о том, что диаспора часто формирует коллективную идентичность, основанную на солидарности с представителями аналогичной этнической группы в других странах. В работе Р. Коэна важна и типологизация диаспор, формировавшихся в ходе различных исторических периодов. Здесь речь идет прежде всего о диаспорах следующих типов: рабочие, культурные, торговые и так называемые диаспоры-жертвы (например, армянская и еврейская)⁴.

1 Armstrong 1976.

2 Safran 1991.

3 Coleman, Salt 1996.

4 Cohen 2008.

Важно и то, что с точки зрения идентичности сообщества с общей этнической принадлежностью предполагают способность к самоопределению, а также наличие общей солидарности. При этом ранее упомянутые Д. Коулман и Дж. Солт справедливо замечают, что их консолидация может носить и субъективный характер – через этническую маркировку в переписях и социологических опросах, официальное признание в качестве меньшинств или формирование на основе расовых, географических, религиозных и иных критериев¹.

Существенный вклад в концептуализацию и теоретическое осмысление термина «диаспора» внес и российский ученый В.И. Дятлов, под руководством которого был опубликован ряд трудов, посвященных миграционным и диаспоральным исследованиям. В публикации от 2010 г. В.И. Дятлов приводит определение «диаспоры» как «не просто рассеяние, пребывание представителей некоей этнической группы вне своего “национального очага” в качестве национального меньшинства...», а «особый тип человеческих взаимоотношений, как специфическая система формальных и неформальных связей, жизненных стратегий и практик людей. Эти связи, стратегии и практики основаны на общности исхода с “исторической родины” (или представлениях, исторической памяти и мифах о таком исходе), на усилиях по поддержанию образа жизни “в рассеянии” – в качестве национального меньшинства в иноэтничном принимающем обществе»². Он также отмечает, что существование диаспор может быть ситуативным ответом на различные вызовы, с которыми сталкиваются те или иные сообщества. Таким образом, ряд лиц одной национальности, проживающих вне так называемого «национального очага», является лишь необходимым условием к формированию диаспоры как таковой. Автор утверждает, что одни и те же люди могут как быть диаспорой, так и нет³.

Эволюция понятия «диаспора» привела к его существенному расширению: от первоначального античного значения, описывавшего разрозненные этнические группы, до современной широкой трактовки, включающей различные типы сообществ. Современные диаспоры могут объединяться по национальному, этническому, религиозному, культурному или расовому признакам, будучи связанными с определенным государством, регионом или пространством, а в некоторых случаях – существующими вне территориальной привязки.

В случае Республики Молдова концептуализация понятия «молдавская диаспора» произошла относительно недавно, что мы рассмотрим далее в ретроспективе государственной политики по отношению к зарубежным молдаванам. Важно отметить, что первое концептуальное обрамление термина «диаспора» в молдавской практике состоялось в 2000 г., когда появился президентский указ, касавшийся работы с уроженцами Молдавии, проживавшими за рубежом. В постановлении правительства Республики Молдова, принятом во исполнение указа президента, давалось де-факто определение «диаспоры», в соответствии с которым «выходцами из РМ, проживающими за рубежом, признаются лица и их наследники, объединенные тем, что свои родом, корнями и общими предками

1 Coleman, Salt 1996.

2 Дятлов 2010, 258.

3 Ibid., 258.

они происходят из бывшей Бессарабии, севера Буковины, округа Херца и, в частности, из нынешней Республики Молдова и сознают свое происхождение, однако в силу разных обстоятельств оказались за пределами своей исторической родины и стали таким образом представителями диаспоры»¹. Таким образом, круг лиц, входящих в диаспору, оказался существенно шире, чем могло бы показаться логичным, так как включал в себя выходцев не только из Бессарабии, но и прочих областей современных Украины и Румынии, которые ранее входили в историческую территорию «Молдовы».

Переходя к политической активности диаспоры, в силу относительной новизны этого феномена для современного электорального процесса в Республике Молдова данному аспекту посвящено не столь много исследований молдавских и зарубежных ученых. Наиболее известные исследователи молдавской диаспоры В. Мошняга и Г. Мошняга рассматривают преимущественно формирование диаспоры как таковой. Анализ электорального поведения молдавской диаспоры в контексте ее связи со страной происхождения в 2022 г. опубликовали молдавские исследователи М. Хакь и С. Морозан, который, разумеется, ограничивается выборами в 2020 и 2021 годах². А. Енаки рассматривает роль диаспоры исключительно в срезе ее вклада в европейскую интеграцию РМ³.

Таким образом, в научной литературе пока еще не выявлены и не систематизированы тренды в эволюции вовлечения диаспоры в электоральные процессы в Республике Молдова, и данная статья является попыткой частично заполнить эту лакуну в современных исследованиях молдавской политики.

История, мотивы и причины эмиграции из Республики Молдова

Республика Молдова стала одной из первых союзных республик, объявивших о выходе из состава СССР, провозгласив независимость 27 августа 1991 года. Обстоятельства обретения независимости были весьма специфическими: в конце 1980-х гг. в Молдавии наблюдался рост популярности Народного фронта (движения, отличавшегося особой приверженностью ценностям румынского национализма), распад СССР пришелся на так называемую третью волну демократизации⁴, процесс экономического и социального устройства новообразованного государства шел с присущими ему трудностями.

Несмотря на показательную мимикрию под принципы либеральной демократии и имплементацию ее основных постулатов при проводимых рыночных реформах, экономическая ситуация в стране к середине 1990-х гг. оказалась критической. Как отмечает С.В. Русу, с 1991 по 1999 гг. объем ВВП сократился в

1 "Republica Moldova. Guvernul. Hotărârea nr. 1322 din 29-12-2000 cu privire la unele măsuri de susținere a persoanelor originare din Republica Moldova, domiciliate peste hotare (Government Decision No. 1322 of December 29, 2000 Concerning Certain Support Measures for Persons Originating from the Republic of Moldova Residing Abroad)," Monitorul Oficial al Republicii Moldova, no. 1-4, art. 20, January 11, 2001, accessed June 4, 2025, https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=75557&lang=ro.

2 Hachi, Mihai, and Stela Morozan. "Analiza comportamentului electoral al diasporei Republicii Moldova în contextul menținerii legăturii acestora cu țara de origine și/sau al revenirii (Analysis of the Electoral Behavior of the Diaspora of the Republic of Moldova in the Context of Maintaining their Connection with the Country of Origin and/or Return)," Paper presented at Conferința Anuală a Centrului de Instruire Continuă în Domeniul Electoral, 2022.

3 Enachi 2015; Enachi 2016; Enachi 2021.

4 Huntington 1991.

три раза, безработица достигла 11,1%¹. Впрочем, по международным оценкам, Молдавия характеризовалась как «один из ведущих реформаторов в регионе», а либерализация торговли позволила ей одной из первых среди государств СНГ присоединиться к ВТО в 2001 году². Доля частного бизнеса возросла до примерно 80% ВВП, сельское хозяйство и сфера услуг почти целиком перешли в частный сектор³. Основной проблемой стало то, что упомянутые 80% оказались сконцентрированы в руках ограниченного круга лиц, обогащая лишь «верхушку». В то время как основная часть граждан находилась на грани нищеты. В 1990-е гг. разница в доходах между беднейшими слоями населения и наиболее обеспеченными составляла 1:15. Именно экономическая нестабильность, критически низкий уровень доходов и жизни послужили стимулирующим фактором для массового оттока молдавского населения из страны в поисках более выгодных условий труда.

История молдавской эмиграции началась незадолго до распада СССР. В научной литературе выделяются четыре ее волны: конец 1980-х – начало 1990-х гг., 1995–2000 гг., 2000–2010 гг., 2011 – настоящее время. Первая волна совпала с последней волной еврейской эмиграции из СССР. Вторая была реакцией на распад СССР и его последствия для молдавской экономики и социально-политической ситуации в стране. Многие граждане Республики Молдова лишились рабочих мест, средств к существованию и отправились искать лучшей доли за рубежом. Иммиграционные потоки шли в Российскую Федерацию, Румынию и, точечно, в Италию, Испанию и Грецию. Выбор этих стран был обусловлен как лингвистической близостью к молдавскому и румынскому языкам, так и значительным числом ранее эмигрировавших молдаван, которые за символическую плату помогали с поиском работы в стране-реципиенте.

Важнейшим направлением эмиграции была Российская Федерация в силу стопроцентной доступности русского языка и строительного бума в Москве. Нельзя не отметить, что диаспору в России в молдавской историографии называют «исторической» в силу того, что первые потоки переселенцев из Бессарабии в Краснодарский край и Приморье пришлось на вторую половину XIX – начало XX века⁴.

Третья волна эмиграции пришлась на 2000-е гг. и характеризуется двумя большими трендами: воссоединение семей посредством переезда детей среднего и подросткового возраста к старшим родственникам в Российскую Федерацию и усиление миграционного потока низкоквалифицированной рабочей силы в страны Европейского союза.

Четвертая волна началась в 2011 г. и продолжается до сих пор. Она характеризуется такими явлениями, как массовая студенческая (э)миграция, расширение географии на страны Запада и кратное увеличение общей численности молдавских граждан, проживающих за рубежом (как за счет естественных процессов расширения семей, так и за счет увеличения оттока населения из

1 Рысу 2024, 35.

2 Hensel, Gudim 2004.

3 McDonagh 2008, 148.

4 Lozovanu 2020, 276.

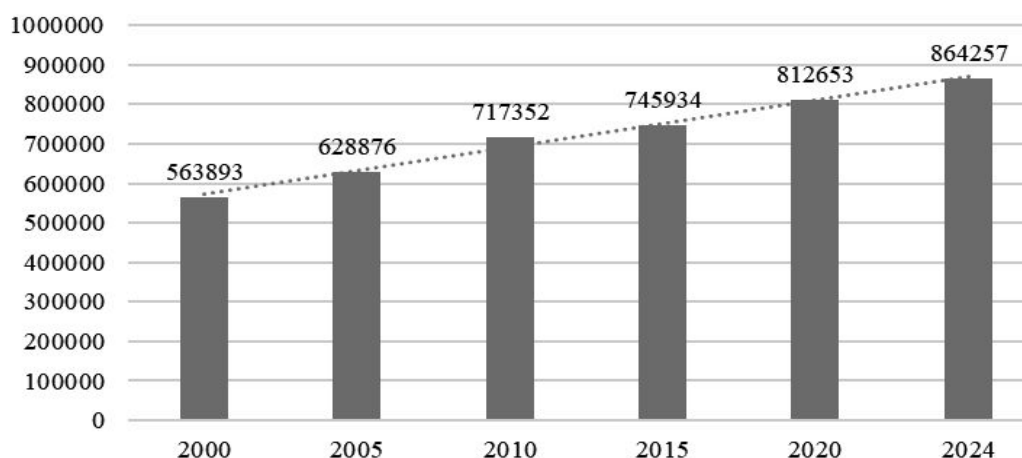
страны)¹. Миграционным потокам способствуют политика визовой либерализации Европейского союза для граждан Республики Молдова (в 2014 г. для них были упразднены визы), а также политика паспортизации соседней Румынии, которая активно предоставляет гражданство молдаванам, что позволяет им полноценно интегрироваться в социально-экономическую жизнь ЕС.

Важно также упомянуть состав диаспоры, исходя из экономических мотивов эмиграции. У молдавской диаспоры женское лицо: по состоянию на 2024 г. 55,6% молдавских эмигрантов – женщины. Более явна эта диспропорция в странах Запада, где женщины составляют 57,8%. Это связано с тем, что во вторую и третью волну основными уезжающими были женщины из сельской местности, которые устраивались на работу в сфере низкоквалифицированных услуг в странах Южной Европы, прежде всего в Италии и Испании. Наиболее популярны у молдавских эмигрантов Российская Федерация, Италия, Украина, Румыния, Португалия, Испания, ранее в этом списке были также Греция, Турция и Израиль.

По оценкам ООН, количество иммигрантов родом из Молдавии лишь возрастает в ретроспективе последних 25 лет. Так, в 2000 г. их количество составило 563,8 тыс., в 2005 – 628,6 тыс., в 2010 – 717,3 тыс., в 2015 – 745,9 тыс., в 2020 – 812,6 тыс., в 2024 – 864,2 тысячи².

Рисунок 1

КОЛИЧЕСТВО ЭМИГРАНТОВ, РОДИВШИХСЯ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА
NUMBER OF EMIGRANTS BORN IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA

Источник: Составлено автором на основе данных *International Migrant Stock 2024*, <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock>.

Молдавская диаспора: современность

Диаспоры – относительно новый феномен для Молдавии. Как отмечает один из ведущих исследователей миграций в молдавской историографии В. Мошняга,

1 Tabac, Gagauz 2020.

2 "International Migrant Stock 2024," United Nations Department of Economic and Social Affairs, January 2025, accessed March 15, 2025, <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock>.

эмиграция оказалась весьма необычным кейсом в исторической ретроспективе с начала XX в. (в Румынию в межвоенный период и во время Второй мировой войны) и вплоть до распада СССР. Молдавские эмигранты ассимилировались в странах-реципиентах (прежде всего в Румынии, Израиле, США и Германии). Молдаване не формировали диаспоры в классическом смысле, а также не устанавливали связи между своими сообществами по всему СССР с самой республикой¹.

Мало что изменилось и после распада СССР в рамках второй и третьей волн молдавской эмиграции. Вплоть до середины 2010-х гг. формирование молдавских сообществ за рубежом не увязывалось со становлением молдавской диаспоры. Прежде всего по причине того, что миграция в основном носила временный характер. Молдаване уезжали «на заработки», а не переезжали насовсем².

Этому способствовала и политика молдавского государства. Долгое время отсутствовали нормативно-правовые акты, регулирующие взаимодействие с гражданами РМ, проживающими за рубежом. При этом в 2013 г. за взаимодействие с диаспорами отвечали не менее восьми органов государственной власти: помимо Бюро по связям с диаспорой (созданного лишь в 2012 г.), это были Министерство экономики, Бюро по миграции и убежищу МВД, Министерство иностранных дел и европейской интеграции, Министерство труда, социальной защиты и семьи, Министерство информационных технологий, Национальное агентство по трудоустройству рабочей силы³. Сложная бюрократическая организация и отсутствие до 2012 г. специализированного ведомства способствовали тому, что молдавские сообщества за рубежом были атомизированы, не стремились консолидироваться в диаспорные объединения.

Как отмечают молдавские исследователи В. Морару и Е. Делеу, отношение властей к диаспоре и миграции в целом можно проследить по дискурсу политических партий. Так, в период нахождения у власти Партии коммунистов (2001–2009) общий нарратив по отношению к мигрантам носил скорее негативный характер. Менее критически по отношению к молдаванам, проживающим за рубежом, относились партии Альянса за европейскую интеграцию, а в 2014 г. у одной из них, Либеральной партии, в уставе было прописано, что одна из ее целей – защита прав и интересов граждан Республики Молдова за рубежом, а в разделе «Деятельность» упоминались «постоянная связь и сотрудничество» с диаспорой. Еще одним ярким примером, приведенным в исследовании В. Морару и Е. Делеу, является позитивная риторика партии «Действие и солидарность» и ее председателя (ныне президента Республики) М. Санду⁴. В то время как про-российские (и проевразийские) партии и политики Молдавии, в соответствии с исследованием авторов, упоминали граждан, проживающих за рубежом, с негативными коннотациями либо полностью их игнорировали. Таким образом, в современном молдавском политическом дискурсе внимание диаспоре уделялось только со стороны прозападных партий и кандидатов, которые в дальнейшем

1 Мошняга 2013, 19.

2 Ibid.

3 Мошняга 2013, 31.

4 Moraru, Deleu 2021, 8.

де-факто лоббировали и интересы диаспоры как таковой, и ее институционализацию как в виде диаспорных организаций, так и посредством расширения доступа к избирательному праву.

Диаспора была формализована постановлением Правительства Республики Молдова от 21 декабря 2023 г. об утверждении Национальной программы «Диаспора» на 2024–2028 годы. В ней термин «диаспора Республики Молдова» использовался в отношении «сообщества физических лиц, идентифицирующих себя как выходцы из Республики Молдова, временно или постоянно проживающих за рубежом, и их потомков, а также образованных ими сообществ. За рубежом социально и экономически активные лица, имеющие / не имеющие гражданство Республики Молдова, объединяются и создают неправительственные ассоциации, инициативные группы, культурные центры, фонды, спортивные клубы, группы по профессиональным интересам и т.д.»¹. Тем самым программа создала своего рода пространство для маневра и работы не только с гражданами Республики Молдова, проживающими за рубежом, но и всеми, кто считает себя выходцами из страны, включая их потомков, а также с образованными этими лицами сообществами.

На данный момент сеть молдавских диаспорных организаций, официально признанных и зарегистрированных в Бюро по связям с диаспорой Государственной канцелярии Республики Молдова, насчитывает 178 организаций во всем мире (кроме Российской Федерации, где таких организаций 19)². Все они так или иначе занимаются консолидацией сообществ молдаван, проживающих за рубежом, культурно-образовательной деятельностью и, разумеется, политической агитацией, что особенно ощутимо накануне парламентских и президентских выборов.

В апреле 2025 г. Бюро по связям с диаспорой реализовывало 11 масштабных программ взаимодействия с гражданами РМ, проживающими за рубежом: Центр взаимодействия с диаспорой (*Diaspora Engagement Hub, DEH*); Программа поддержки возвращения и реинтеграции выпускников молдавских вузов из диаспоры (в рамках *DEH*); Краткосрочная программа поддержки возвращения для членов диаспоры с большим профессиональным опытом (в рамках *DEH*); Дни диаспоры; Конгресс диаспоры; Бизнес-форум диаспоры (*Diaspora Business Forum*); Программа «Диаспора. Истоки. Возвращения» (*Diaspora. Origini. Reveniri, DOR*); Тоска по традициям (*DOR de Tradiții*); *Diaspora Impact*; Программа «Диаспора успешна дома “DAR 1+3”» (*Diaspora Acasă Reușește “DAR 1+3”*); и, наконец, «Группы достижений диаспоры» (*Grupurile de excelență ale Diasporei*).

Таким образом, власти Республики Молдова лишь в середине 2010-х гг. включили дела диаспоры в общую повестку. До этого же огромные миграционные потоки как бы не замечались государством, вне зависимости от того, какая партия была правящей. Граждане, проживающие за рубежом, были прагмати-

1 “Republic of Moldova. Government. Hotărâre nr. 1032 din 21.12.2023 privind aprobarea Programului Național „Diaspora” pe anii 2024–2028 (Government Decision No. 1032 of 21.12.2023 on the Approval of the National Program “Diaspora” for 2024–2028),” Monitorul Oficial al Republicii Moldova, no. 61-63, art. 122, February 9, 2024, accessed April 1, 2025, https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=141755&lang=ru.

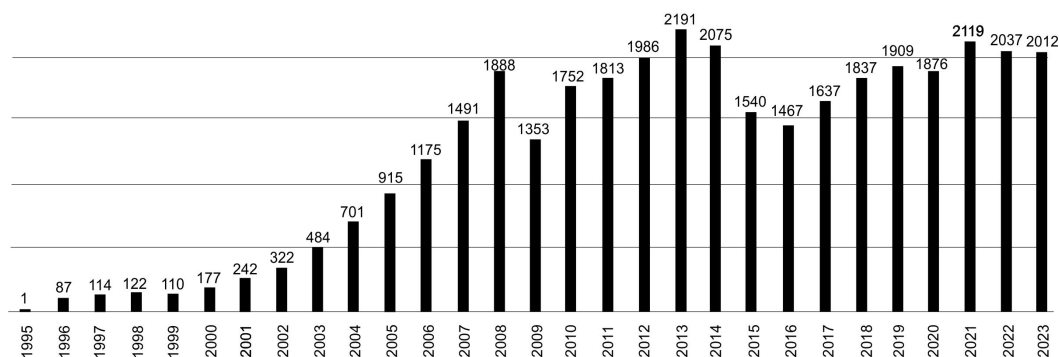
2 “Lista asociațiilor din diaspora (List of Diaspora Associations),” Biroul Relațiilor cu Diaspora (Bureau of Diaspora Relations, accessed April 1, 2025, <https://brd.gov.md/informatii-utile/asociatii-si-grupuri-in-diaspora/lista-asociatiilor/>.

ческим инструментом экономического выживания страны как таковой. Так, пик переводов в долларовом эквиваленте пришелся на 2013 г., когда в страну поступило 2,1 млрд долл., а наименьшее значение этого показателя начиная с 2010 г. пришлось на 2016 г. – 1,4 млрд долл.¹ (см. Рисунок 2). Тем не менее вплоть до середины 2010-х гг. диаспора игнорировалась официальным Кишиневом и не воспринималась в качестве политического актива.

Рисунок 2

**ОБЪЕМ ДЕНЕЖНЫХ ПЕРЕВОДОВ
В РЕСПУБЛИКУ МОЛДОВА (1995–2023), МЛН ДОЛЛ. США**

**PERSONAL REMITTANCE TO THE REPUBLIC
OF MOLDOVA (1995–2023), USD MLN**

Источник: составлено автором на основе данных с официального сайта Всемирного Банка, <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.CD.DT?end=2023&locations=MD&start=1995&view=chart>.

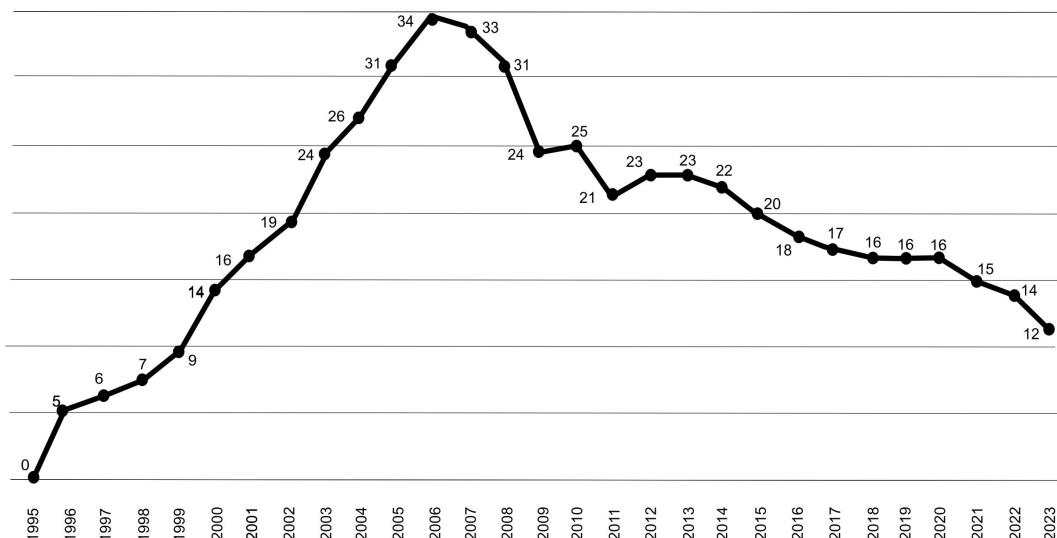
В процентном соотношении к молдавскому ВВП объем переводов также весьма ощутим. Так, в 2006 г. их объем составил 34,5% (что, предположительно, приходится на пик строительного бума в Российской Федерации). Хотя и с 2006 г. наблюдается планомерное снижение доли переводов в ВВП, в 2023 г. она составила 12,1%, что является весьма существенным для экономики небольшого государства². Отдельно следует отметить, что в силу особенностей функционирования банковской системы и менталитета молдавских граждан в стране долгое время была распространена практика ввоза наличных из-за рубежа без посредничества систем переводов. Иными словами, объем средств диаспоры в экономике де-факто существенно превышает те показатели, которые могли бы отследить статистические службы.

1 "Personal Remittances, Received (Current US\$) – Moldova," The World Bank, accessed April 5, 2025, <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.CD.DT?end=2023&locations=MD&start=1995&view=chart>.

2 Ibid.

Рисунок 3

ОБЪЕМ ДЕНЕЖНЫХ ПЕРЕВОДОВ В РЕСПУБЛИКУ МОЛДОВА (1995–2023), % ОТ ВВП
PERSONAL REMITTANCE TO THE REPUBLIC OF MOLDOVA (1995–2023), % GDP

Источник: составлено автором на основе данных с официального сайта Всемирного Банка, <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.DT.GD.ZS?end=2023&locations=MD&start=1995&view=chart>.

Таким образом, вплоть до середины 2010-х гг. имела место весьма нетривиальная ситуация: граждане, проживающие и работающие за рубежом, – один из столпов молдавской экономики – не только не участвовали в политической жизни, но даже не фигурировали в государственной политике. Именно эта «лакуна» и оказалась окном возможностей, которое, среди прочего, привело к успеху прозападных политических игроков в начале 2020-х годов.

Президентские выборы 2020 года

К президентским выборам 2020 г. прозападные силы в Республике Молдова подошли более подготовленными, чем в 2016 г., когда победу одержал кандидат И. Додон, выступавший за укрепление связей с Россией. В период с 2015 по 2020 гг. были запущены и активно продвигались прозападными депутатами парламента следующие инициативы по реинтеграции и восстановлению связей с гражданами Молдовы, проживающими за рубежом:

- программа “PARE 1+1” (в дальнейшем трансформированная в “PARE 1+2”), адресованная трудовым мигрантам или их ближайшим родственникам, желающим вложить свои деньги в открытие или расширение бизнеса в Молдове. Программа работала по принципу 1+1, где каждый молдавский лей, инвестированный через денежные переводы мигрантов, дополнялся леем из гранта, предоставленного государством;

- национальная стратегия «Дiaspora-2025» (принята решением Правительства РМ № 200 от 26 февраля 2016 г.) и План мероприятий по реализации стратегии на 2016–2018 гг., которые отражали следующие приоритеты

молдавской политики по отношению к диаспоре: разработка и развитие стратегических и организационных основ в области миграции, диаспоры и развития; обеспечение прав диаспоры и повышение доверия; мобилизация, применение и признание человеческого потенциала диаспоры; прямое и косвенное участие диаспоры в стабильном экономическом развитии Республики Молдова¹;

– программа «Правительство ближе к тебе» (*Guvernul mai aproape de tine*), запущенная в 2016 г., предполагала организацию рабочих визитов в страны с наиболее многочисленными общинами граждан РМ. Благодаря этой программе Бюро по связям с диаспорой смогло информировать молдавских граждан за рубежом о деятельности государственных учреждений, о продвижении новых проектов и услуг, посвященных диаспоре, налаживать партнерские отношения с молдавскими гражданами за рубежом, а также более явно заявить о своем существовании и деятельности диаспоре²;

– продолжалась реализация запущенной еще в 2013 г. программы «Диаспора. Истоки. Возвращения» (*DOR, Diaspora. Originii. Reveniri*). Ее цель – повышение уровня информированности молодежи о своей культурной идентичности, о национальных ценностях и традициях, а также создание эмоциональных связей с согражданами. В период с 2013 по 2021 гг. более 900 детей и подростков 12–16 лет из 25 стран приняли участие в этой программе;

– Центр взаимодействия с диаспорой (*Diaspora Engagement Hub, DEH*), открытый в 2016 г. при поддержке Швейцарского агентства по развитию и сотрудничеству, был ориентирован на граждан РМ, проживающих за рубежом. Его цель – мотивировать и поддерживать представителей диаспоры в реализации их идей на родине;

– программа «Диаспора успешна дома “DAR 1+3”» (*Diaspora Acasă Reușește “DAR 1+3”*), запущенная в 2019 г., собирала пожертвования диаспоры на общественные проекты в Молдавии, при этом на каждый молдавский лей, пожертвованный диаспорой, добавлялись три лея от международных спонсоров, правительства и местных властей³.

Не вдаваясь более подробно в разнообразную активность на диаспоральном направлении, следует признать, что конституирование молдавской диаспоры, придание ей особой политической субъектности имели место в 2015–2020 годах. К президентским выборам М. Санду подошла с активом, ценность которого была ясна уже по итогам выборов 2016 года. Как отмечает А. Енаки, по результатам, объявленным Центральной избирательной комиссией после обработки 100% протоколов, И. Додон набрал лишь 13,8% голосов диаспоры. М. Санду получила абсолютное большинство в Великобритании (97,88%), во Франции (94,83%), в Германии (94,5%), Испании (91,33%), Италии (90,89%), Португалии (86,08%), Греции (78,84%), Израиле (73,92%), США (93,91%) и Кана-

1 “Hotărârea nr. 200 din 26.02.2016 privind aprobarea Strategiei Naționale „Diaspora-2025” și a Planului de acțiuni pentru anii 2016–2018 pentru implementarea acesteia (Government Decision No. 200 of 26.02.2016 on the Approval of the National Strategy “Diaspora-2025” and the Action Plan for 2016–2018 for its Implementation),” *Monitorul Oficial al Republicii Moldova*, no. 49–54, art. 230, March 4, 2016, accessed April 6, 2025, https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=91207&lang=ro.

2 Moșneaga 2024, 65.

3 Ibid., 67.

де (88,01%). Самый высокий процент за рубежом – 98,47% – И. Додон получил на избирательном участке в Курске в Российской Федерации. М. Санду одержала наиболее убедительную победу на избирательном участке в консульстве Республики Молдова в Бухаресте, где она набрала 98,19% голосов¹. Таким образом, еще в 2016 г. М. Санду обнаружила свою аудиторию и планомерно работала с ней на долгосрочную перспективу.

И это, как отмечают Е. Мармуляк и В. Левшенков, стало заметно уже на этапе процедуры предварительной регистрации для оценки потенциального количества избирателей за рубежом в сентябре 2020 года. В ней приняли участие более 59 тыс. человек, что существенно превысило показатели 2019 г., когда аналогичная процедура проводилась при подготовке к парламентским выборам².

Помимо этого, благодаря непоследовательной внешней политике у диаспоры оказалось достаточно стимулов для того, чтобы проявить себя в качестве активной политической силы. На руку М. Санду сыграло и заявление И. Додона о «параллельном электорате» в отношении граждан Республики Молдова, проживающих за рубежом и отдавших свой голос за М. Санду в первом туре выборов³. Тогда самая высокая явка диаспоры за границей отмечалась в Италии – более 46 тысяч. Далее следовали граждане РМ в Великобритании (16 847), во Франции (15 616), в Германии (12 924), в Ирландии (7 046), в США (5 755), в Испании (4 300). В Румынии проголосовали 12 912 человек, в России – 5 603⁴. Исследователи отмечают, что такая критическая оценка, пусть и весьма точная, ведь в первом туре по результатам голосования в самой Республике наибольшее количество голосов было у самого Додона, оказалась важным фактором, детерминирующим политическое самосознание молдавского «непараллельного электората», как его назвали Е. Мармуляк и В. Левшенков в статье «Молдавская диаспора – “непараллельный электорат”?»⁵.

В ходе предвыборной кампании М. Санду говорила с западной диаспорой на понятном ей языке, выступая в качестве гаранта процветающей Молдавии и интенсификации курса на европейскую интеграцию, что, разумеется, соответствовало и продолжает соответствовать интересам и ожиданиям этой части молдавского общества⁶. Иными словами, М. Санду гарантировала диаспоре комфортное политико-психологически пребывание в соответствующих странах Запада. Чего не сможет гарантировать любой иной кандидат, позиционирующий себя сторонником евразийской интеграции или выступающий за улучшение отношений с Россией.

К тому же, в силу специфики 2020 г., объявленного пандемийным, практически вся коммуникация с электоратом, в том числе диаспоральным, происходила в социальных сетях и в режиме онлайн. Это позволило с меньшими затратами

1 Enachi 2017, 71.

2 Мармуляк, Левшенков 2020, 8.

3 «Диаспора – параллельный электорат». Додон о «несовпадении мнений» диаспоры и большинства граждан в Молдове // NewsMaker.md. [Электронный ресурс]. URL: <https://newsmaker.md/ru/diaspora-parallelnyy-elektorat-dodon-o-nesovpadenii-mneniy-diaspory-i-bolshinstva-grazhdan-v-moldove> (дата обращения: 06.04.2025).

4 Ibid.

5 Мармуляк, Левшенков 2020.

6 *Офицеров-Бельский, Д.В.* Политический процесс в Республике Молдова накануне президентских выборов // Российский совет по международным делам (РСМД). 22 октября 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politicheskiy-protsess-v-respublike-moldova-nakanune-prezidentskikh-vyborov/> (дата обращения: 06.04.2025).

ресурсов вести диалог с целевой аудиторией, чем и воспользовалась команда М. Санду. Ее усилия окупились результатами выборов.

Таким образом, в результате планомерной работы с западной диаспорой М. Санду получила на выборах 2020 г. беспрецедентный результат: каждый шестой проголосовавший был представителем диаспоры за рубежом¹. Однако пример 2024 г. показал, что в перспективе даже одного электорального цикла поддержки диаспоры может оказаться недостаточно.

Выборы 2024: критическая роль диаспоры в электоральном процессе

Президентские выборы 2024 г. стали переломным моментом в современной молдавской политике, в том числе для прозападного руководства в лице М. Санду и партии «Действие и солидарность». В условиях непрекращающейся турбулентности в регионе и военного конфликта на территории соседней Украины руководство партии и сама М. Санду ожидали, что выборы будут скорее легитимирующей формальностью для продления президентского срока. Однако ситуация вышла за рамки ожиданий.

В ходе первого тура на голосование выносилось сразу два вопроса: собственно выборы президента и проведение так называемого евгореферендума, в ходе которого гражданам Республики Молдова необходимо было проголосовать за или против поправок в Конституцию, которые фиксировали бы закрепление курса на евроинтеграцию. Главным итогом первого тура, прошедшего 20 октября 2024 г., стало то, что М. Санду не смогла набрать более 50% голосов, в результате чего потребовался второй тур, в ходе которого гражданам Республики предлагалось сделать выбор между ней и бывшим генеральным прокурором – А. Стояногло.

Избирательный процесс сопровождался рядом противоречивых обстоятельств, характерных для современной молдавской политики. Особое внимание привлекли сообщения о многотысячных очередях у посольства РМ в Москве. Несмотря на значительное количество молдавских граждан, проживающих в России, для них было открыто лишь два избирательных участка, куда доставили около 10 тыс. бюллетеней. Молдаване в Российской Федерации проживают не только в Москве и Московской области. В России действует внушительное количество диаспорных организаций, рассредоточенных от Мегииона до Краснодара. При этом в странах Западной Европы были организованы многочисленные пункты голосования. Для одной лишь Италии было напечатано более 241 тыс. бюллетеней для каждого типа голосования, для Германии – 135 тыс. бюллетеней, для Франции – 94,2 тысячи². Подобная *избирательная* политика свидетельствовала о явной дискриминации властями Республики Молдова существенной части сограждан. С диаспорой в Западной Европе велась планомерная, последовательная работа, и в конечном счете ей были обеспечены благоприятные условия для

1 Мармуляк, Левшенков 2020, 11.

2 Полный список избирательных участков, открытых за рубежом для молдаван, которые будут голосовать на выборах и референдуме // Ziarul de Gardă (ZdG.md). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zdg.md/ru/polnyi-spisok-izbiratelnykh-uchastkov-otkrytykh-za-rubezhom-dlia-moldavan-kotorye-budut-golosovat-na-vyborakh-i-referendume/> (дата обращения: 20.04.2025).

реализации своего конституционного права. А диаспоральные очаги в России были проигнорированы¹.

Одной из примечательных особенностей голосования стала крайне низкая явка среди молодых избирателей, что представляет особый интерес, учитывая, что часть предвыборной кампании М. Санду и ПДС была ориентирована именно на молодежь, с акцентом на разъяснение преимуществ евроинтеграции. Это указывает либо на апатию молодежи, либо на недостаточную убедительность проевропейской риторики.

В ходе выборов было зафиксировано массовое применение официальным Кишиневом административного ресурса, что подтвердила ассоциация *Promo-Lex*, известная своей проевропейской ориентацией и финансируемая из западных грантов². Эта лояльная власти, но финансово не зависящая от нее организация признала нарушения, допущенные Центральной избирательной комиссией, что, возможно, свидетельствует о вызревании очередного раскола прозападных сил.

Итоги голосования оказались неожиданными для власти. Первоначальные сообщения в СМИ свидетельствовали о подготовке к празднованию победы в штабе М. Санду, однако по мере подсчета голосов ситуация изменилась. В своем ночном обращении президент заявила о «беспрецедентной атаке криминальных сил», утверждая, что «криминальная группа купила 300 тыс. голосов»³. Но такое заявление нуждалось в весомой аргументации, поскольку массовая фальсификация или столь же массовый подкуп избирателей подразумевают наличие системных изъянов в организации избирательного процесса, за который отвечают прежде всего действующие власти.

Бывший премьер-министр (2009–2013) В. Филат прокомментировал ситуацию следующим образом: «Захваченное государство – это не когда Плахотнюк⁴ контролирует все, а когда все структуры государства действуют в интересах одной единственной персоны вне зависимости от ее имени»⁵. Это высказывание прозвучало на фоне технических сбоев на сайте ЦИК и последующего роста поддержки референдума.

Предварительные данные указывали на поляризацию общества: примерно половина избирателей поддержала евроинтеграцию (по данным ЦИК, «за» евро-референдум проголосовало 50,35% граждан), другая половина (49,65%) выступила против, при этом большинство граждан внутри страны (в отличие от диаспоры) склонялось к отрицательному ответу – 65% проживающих на территории

1 Характерно, что лишь в 2024 г. в Российской Федерации начали открываться молдавские культурные центры, ориентированные на соотечественников в России, прежде всего на талантливую молодежь. Та работа, которую прозападные власти развернули в странах Запада 10 лет назад, в Российской Федерации началась лишь сейчас.

2 “Promo-LEX” обнаружила массовое применение админресурса Кишиневом на выборах // ТАСС. 1 ноября 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22292521> (дата обращения: 20.04.2025).

3 Санду заявила о беспрецедентной атаке криминальных сил перед выборами // ТАСС. 20 октября 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22173593> (дата обращения: 21.04.2025).

4 Беглый олигарх, который в 2019 г. был обвинен в «захвате» всех центров принятия решений и силовых структур в Республике Молдова.

5 Filat, Vlad. “Stat capturat nu este atunci când Plahotniuc controlează totul, dar când toate structurile statului lucrează în interesul unei singure persoane, indiferent care este numele ei (A Captured State is Not When Plahotniuc Controls Everything, but When All State Structures Work in the Interests of a Single Person, Regardless of Their Name),” Telegram Post, October 20, 2024, accessed April 20, 2025, <https://t.me/vladfilat1/631>.

Республики¹. Это создало сложный прецедент для Евросоюза, который вынужден будет учитывать неоднозначные настроения в Молдавии.

Сам факт необходимости второго тура, в ходе которого гражданам предстояло выбирать между прозападно настроенной М. Санду и молдовенистом (а именно так будет наиболее точно его назвать в контексте его сбалансированной риторики по отношению к ЕС и РФ) А. Стояногло, оказался весьма сильным ударом для общей уверенности кандидата и ПДС в целом. В ходе второго тура М. Санду не получила явной поддержки от нелояльных России игроков, и здесь речь идет прежде всего о Р. Усатом, который не спешил переориентировать свой электорат (13,79%) на голосование за одного из оставшихся кандидатов. В таких условиях последней реальной надеждой оставалась лояльная, проработанная диаспора. И именно за счет ее участия М. Санду и одержала победу. Так, по данным ЦИК, М. Санду набрала 55,33% голосов, А. Стояногло – 44,67%. При этом в самой Молдавии за М. Санду проголосовало 48,81%, а за А. Стояногло – 51,19%. По результатам голосования диаспоры М. Санду набрала 82,71% голосов, А. Стояногло – 17,29%².

В этих реалиях словосочетание «президент диаспоры», которым начали пестреть СМИ и социальные сети, приобрело новую, на сей раз негативную, коннотацию. Первой с официальным заявлением выступила Партия социалистов Республики Молдова, которая выдвинула А. Стояногло в качестве кандидата в президенты: «Прошедшие президентские выборы, особенно голосование в Приднестровском регионе и на зарубежных участках, никак нельзя назвать свободным и демократическим волеизъявлением народа. <...> Майя Санду стала “президентом диаспоры”. Партия социалистов Республики Молдова не признает голосование на зарубежных участках. <...> “Молдова решает” – таков был лозунг нашей кампании. Жители Молдовы приняли решение 3 ноября 2024 г., указывая на желание сменить эту власть. Жители Молдовы будут решать и в дальнейшем, на предстоящих парламентских выборах»³. В свою очередь М. Санду заявила, что на выборах «победила Молдова», и заверила, что услышала голоса всех принявших участие в выборах, независимо от того, кого они поддержали.

* * *

По прошествии полугода после победы М. Санду приходится констатировать, что ее новый срок сопровождается усилением политической турбулентности на фоне углубляющегося раскола в обществе. На передний план теперь выходят уже несколько раз отложенные парламентские выборы, которые назначены на 28 сентября 2025 года. Президентские выборы продемонстрировали, что зарубежная диаспора, прежде всего находящаяся в странах к западу от Молдавии, становится все более значимым политическим субъектом. Годами

1 “Rezultatele referendumului republican constituțional (Results of the Constitutional Referendum),” Central Electoral Commission of the Republic of Moldova, accessed April 20, 2025, <https://a.cec.md/ro/rezultatele-referendumului-republican-constitutional-17041.html>.

2 “Rezultate alegeri turul II (Second Round Election Results),” Central Electoral Commission of the Republic of Moldova, accessed April 20, 2025, <https://a.cec.md/ro/rezultate-alegeri-turul-ii-17046.html>.

3 Партия социалистов Республики Молдова (ПСРМ). Народный президент Александр Стояногло – подлинный победитель президентских выборов в Молдове // PSRM. 4 ноября 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://socialistii.md/ru/psrm-narodnyj-prezident-aleksandr-stojanoglo-podlinnyj-pobeditel-prezidentskih-vyborov-v-moldove/> (дата обращения: 20.04.2025).

взращаемые группы избирателей являются силой, способной влиять на результаты выборов и де-факто обнулять решение граждан, проживающих в самой стране.

Впрочем, оценивая тенденции первой половины 2025 г., выразившиеся прежде всего в размежевании прозападных игроков, в коррупционных скандалах в связи с уходом *USAID* из региона, в отсутствии явной поддержки М. Санду и ПДС со стороны администрации США, в контексте грядущих парламентских выборов напрашивается (пусть и непрошенный) совет: «На диаспору надейся, но сам не плошай»...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Дятлов, В.И. Диаспора: исследовательская и общественно-политическая нагрузка на термин и понятие в современной России // Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике: сб. науч. статей. Иркутск, 2010. С. 245–267.

Dyatlov, Viktor I. "Diaspora: Research and Socio-Political Implications for the Term and Concept in Contemporary Russia." In *Asian Russia: Migrations, Regions and Regionalism in Historical Dynamics*. Irkutsk, 2010. P. 245–267 [In Russian].

Мармуляк, Е.И., Левшенков, В.Б. Молдавская диаспора – «непараллельный электорат»? // Постсоветский материк. 2020. № 4 (28). С. 4–16.

Marmulyak, Evgeny I., and Vladimir B. Levshenkov. "Moldovan Diaspora as a 'Non-Parallel Electorate'?" *Postsovetsky materik* 28, no. 4 (2020): 4–16 [In Russian].

Мошняга, В. Становление молдавской диаспоры и миграционная политика Республики Молдова // *Moldoscopia*. 2013. Т. 63. № 4. С. 18–34.

Moshnyaga, Valeriu. "The Formation of the Moldovan Diaspora and Migration Policy of the Republic of Moldova." *Moldoscopia* 63, no. 4 (2013): 18–34 [In Russian].

Русу, С.В. Эмиграция из Республики Молдова в страны ОЭСР с 1991 по 2020 гг.: тенденции и регулирование. Кандидатская диссертация. МГИМО, 2024.

Rusu, Svetlana V. *Emigration from the Republic of Moldova to OECD Countries from 1991 to 2020: Trends and Regulation*. PhD Thesis. Moscow: MGIMO University, 2024 [In Russian].

Armstrong, John A. "Mobilized and Proletarian Diasporas." *American Political Science Review* 70, no. 2 (1976): 393–408.

Cohen, Robin. *Global Diasporas: An Introduction*. 2nd ed. London: Routledge, 2008.

Coleman, David, and John Salt. *The Demographic Characteristics of the Ethnic Minority Populations*. London: HMSO, 1996.

Enachi, Andrei. "Contribuția diasporei la procesul de integrare europeană a Republicii Moldova." In *Dialoguri de pace în Moldova: integrare socială, politici și strategii de acomodare din perspectiva academică*, 159–167. Chișinău: Centrul Editorial-Poligrafic al Universității de Stat din Moldova, 2015.

Enachi, Andrei. "Diaspora Contribution to the European Integration of the Republic of Moldova." In *Peace Dialogues in Moldova: Social Integration, Policies and Accommodation Strategies from an Academic Perspective*, 159–167. Chișinău: Centrul Editorial-Poligrafic al Universității de Stat din Moldova, 2015 [In Romanian].

Enachi, Andrei. "Diaspora în procesul de europeanizare a Republicii Moldova și contribuția la dezvoltarea țării de origine." In *Migrație, Diaspora, Dezvoltare: noi provocări și perspective*, 184–192. Chișinău: Institutului de Cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei, 2016.

Enachi, Andrei. "Diaspora in the Process of Europeanisation of Moldova and Contribution to the Development of Country of Origin." In *Migration, Diaspora, Development: New Challenges and Perspectives*, 184–192. Chișinău: Institutului de Cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei, 2016 [In Romanian].

Enachi, Andrei. "Diaspora Lobbying European Future for the Republic of Moldova: Case Study of Moldovan Diaspora Participation in the Last Presidential Elections." In *Diasporas in the Modern World: Regional Context and Potential for Sustainable Development of the Country of Origin*, 67–74. Chișinău: "Print-Caro" SRL, 2017.

Hensel, Stephan, and Alexei Gudim. "Moldova's Economic Transition: Slow and Contradictory." In *The EU and Moldova: On a Fault-Line of Europe*, edited by Ann Lewis, 89–102. London: Federal Trust for Education & Research, 2004.

Huntington, Samuel P. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman: University of Oklahoma Press, 1991.

Lozovanu, Dorin. "Diaspora Republicii Moldova: concept, aspecte istorico-geografice și geodemografice." *Mediul și dezvoltarea durabilă* (2020): 274–277.

Lozovanu, Dorin. "The Diaspora of the Republic of Moldova: Concept, Historical-Geographical and Geodemographic Aspects." *Mediul și dezvoltarea durabilă* (2020): 274–277 [In Romanian].

McDonagh, Ecaterina. "Is Democracy Promotion Effective in Moldova? The Impact of European Institutions on Development of Civil and Political Rights in Moldova." *Democratization* 15, no. 1 (2008): 142–161. <https://doi.org/10.1080/13510340701770022>.

Moraru, Victor, and Ecaterina Deleu. "Discursul partidelor politice din Republica Moldova privind migrația și diaspora." *Revista de Filosofie, Sociologie și Științe Politice* 185, no. 1 (2021): 5–17.

Moraru, Victor, and Ecaterina Deleu. "The Discourse of Political Parties in the Republic of Moldova Regarding Migration and Diaspora." *Revista de Filosofie, Sociologie și Științe Politice* 185, no. 1 (2021): 5–17 [In Romanian].

Moșneaga, Valeriu. "Politicele Republicii Moldova în domeniul diasporei: esența, evoluția, direcțiile și programele de bază." *Analele Științifice ale Universității de Studii Europene din Moldova* (2024): 57–73.

Moşneaga, Valeriu. "Policies of the Republic of Moldova in the Diaspora Field: Essence, Evolution, Main Directions and Basic Programs." *Analele Ştiinţifice ale Universităţii de Studii Europene din Moldova* (2024): 57–73 [In Romanian].

Safran, William. "Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return." *Diaspora: A Journal of Transnational Studies* 1, no. 1 (Spring 1991): 83–99.

Tabac, Tatiana, and Olga Gagauz. "Migration from Moldova: Trajectories and Implications for the Country of Origin." In *Migration from the Newly Independent States: 25 Years After the Collapse of the USSR*, edited by Mikhail Denisenko, Salvatore Strozza and Matthew Light, 143–168. New York: Springer, 2020.

Сведения об авторе

Николь Витальевна Бодиштяну,

к.полит.н., аналитик Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ), преподаватель департамента международных отношений НИУ ВШЭ
119017, Россия, Москва, ул. Малая Ордынка, 17

e-mail: nbodishteanu@hse.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 26 апреля 2025.

Переработана: 5 июня 2025.

Принята к публикации: 9 июня 2025.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Бодиштяну, Н.В. Феномен диаспоры в современных электоральных процессах Республики Молдова // Международная аналитика. 2025. Том 16 (2). С. 118–135.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-2-118-135>

The Phenomenon of the Moldovan Diaspora in the Modern Electoral Process of the Republic of Moldova

ABSTRACT

This article examines the unique phenomenon of the Moldovan diaspora's influence on electoral processes in the Republic of Moldova. The author analyzes the historical, economic, and social factors that have contributed to the mass migration of Moldovan citizens abroad, as well as the formation of diaspora communities. Particular attention is paid to the role of the diaspora in the 2020 and 2024 presidential elections in Moldova, where its participation proved decisive in shaping the voting outcomes. Using these elections as case studies, the article demonstrates how pro-Western political forces, particularly the Action and Solidarity Party and President Maia Sandu, successfully mobilized the diaspora to support their agenda. The study also explores programs and initiatives aimed at engaging the diaspora, and their impact on the country's political dynamics. The author concludes that the diaspora has evolved into a powerful political instrument capable of significantly altering election results, despite the internal divisions within Moldovan society.

KEYWORDS

Republic of Moldova, Moldovan diaspora, presidential elections, electoral divide, diaspora, political mobilization, migration

Author

Nicole V. Bodishteanu,

PhD (Polit. Sci.), Analyst at the Center for Comprehensive European and International Studies (CCEIS),
Lecturer at the School of International Affairs, HSE University
17, Malaya Ordynka street, Moscow, Russia, 119017

e-mail: nbodishteanu@hse.ru

Additional information

Received: April 26, 2025. Revised: June 5, 2025. Accepted: June 9, 2025.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Bodishteanu, Nicole V. "The Phenomenon of the Moldovan Diaspora in the Modern Electoral Process of the Republic of Moldova." *Journal of International Analytics* 16, no. 2 (2025): 118–135.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-2-118-135>

Импатриация как феномен и направление политики развития (на примере современной России)

Сергей Павлович Артеев, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН,
Москва, Россия

Андрей Леонидович Бардин, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН,
Москва, Россия

Татьяна Игоревна Попадьева, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН,
Москва, Россия

Максим Игоревич Сигачёв, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН,
Москва, Россия

Контактный адрес: arteev@imemo.ru

АННОТАЦИЯ

Среди мегатрендов современности особое место занимает трансграничная миграция. Она оказывает разнонаправленное экономическое, культурное и политическое воздействие на принимающие общества. Происходит и переформатирование состава миграционных потоков. В частности, актуализируется сравнительно малочисленная, но политически значимая так называемая ценностная миграция: в России на фоне СВО такой миграционный феномен получил распространение. Цель работы состоит в том, чтобы заложить основу для изучения проблематики импатриации методами политической науки. Авторы анализируют основные содержательные характеристики понятия «импатриация» через его манифестацию в информационной среде и в социальных реалиях в контексте локальных и международных социально-политических процессов, зарубежного и российского нормативно-правового, политико-практического и исторического опыта. Методологическая основа исследования включает компаративный подход, методы анализа документов, дискурсов и кейсов. Результатом исследования является авторское определение понятия «импатриация»; характеристика зарубежных моделей, аналогичных российской импатриации, на примере Польши и Венгрии; классификация основных точек роста и наиболее вероятных ограничений, связанных с проведением Россией политики импатриации в ближайшей перспективе; выявлен институциональный дизайн механизма импатриации. Переход к политике импатриации способствовал запуску ряда процессов организационной трансформации на локальном и региональном уровне, связанных с необходимостью обеспечения «бесшовного» приема и адаптации востребованных высококвалифицированных иностранных специалистов. Обозначена роль импатриации на двух контурах – внешнем (импатриация как инструмент продвижения российских интересов за рубежом) и внутреннем (импатриация как вспомогательный фактор сохранения и развития человеческого капитала) – для реализации целей развития России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

импатриант, импатриация, миграция, ценности, Россия, Запад, развитие, стратегия

Предварительные замечания

Трансграничная миграция является одним из ключевых трендов современности. Велико ее политическое значение. Наблюдаемый в последние 10–15 лет глобальный правоконсервативный поворот в существенной степени обусловлен последствиями массовой трансграничной миграции. Прогрессирующую эрозию этнокультурного облика Запада нередко характеризуют как «второе великое переселение народов», только осуществляемое в исторически кратчайшие сроки. Происходит и переформатирование состава миграционных потоков. Это, в частности, проявляется в феномене «импатриантов» и «импатриации».

Слово «импатриант» все чаще можно встретить в публикациях российских СМИ о гражданах иностранных государств, которые не разделяют их политику, «навязывающую деструктивные неолиберальные идеологические установки», в связи с чем решили переселиться в Россию – например, в Калининградскую область из Германии и США¹. Содержательное наполнение термина складывается из двух главных элементов – «ценностно-культурный выбор» и «высококвалифицированная миграция». В апреле 2025 г. была опубликована «Памятка для иностранных граждан, переезжающих в Россию», составленная подведомственным Правительству РФ Агентством стратегических инициатив в развитие установок Указа Президента РФ от 19.08.2024 № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности». В «Памятке», в частности, констатируется, что Россия приветствует зарубежных специалистов, которые займут рабочие места в высокотехнологичных отраслях, от микроэлектроники до фармацевтики, инженеров и программистов, и при этом разделяют такие духовно-нравственные ценности страны, как «крепкая семья, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие и справедливость»². Из документа следует, что при формировании у будущих импатриантов миграционной установки, то есть комплекса социально-психологических факторов, влияющих на решение о миграции, ценностный фактор должен играть доминирующую роль. Логично предположить, что концептуально феномен импатриации базируется на центральности нематериальных факторов – в соответствии с теорией постматериальных ценностей Р. Инглхарта³.

Ценностный подход к миграционной политике хотя и не является принципиально новым в мировой практике, однако, на наш взгляд, в контексте российского политического процесса может рассматриваться в качестве социальной инновации, способной запустить некоторые значимые трансформации. Настоящее исследование представляет собой попытку определить основные направления таких трансформаций и, опираясь на анализ уже предпринятых шагов в рамках политики импатриации, выявить главные барьеры на пути их реализации и возможные стратегии преодоления таких препятствий. Авторы

1 Минск: в регион приехало 13 семей импатриантов из Германии и США // Новый Калининград. 28 марта 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/politics/24122419-minsots-v-region-priekhalo-13-semei-impatriantov-iz-germanii-i-ssha.html> (дата обращения: 28.03.2025).

2 Памятка для иностранных граждан, переезжающих в Россию // МИД России. Апрель 2025. С. 6. [Электронный ресурс]. URL: https://mid.ru/ru/useful_information/information_for_foreigners/201939/ (дата обращения: 10.05.2025).

3 Inglehart 1977; Abramson, Inglehart 1995.

уточняют наполнение термина «импатриант» в сравнении с тематически близкими ему понятиями, проводят сравнительный анализ международной практики в этой сфере, после чего рассматривают основные ресурсы и инструменты развития, значимые для будущего политики импатриации. Статья построена вокруг исследовательского вопроса о том, какие стратегии и инструменты, учитывая международный опыт и реалии современной России, помогут в наибольшей мере раскрыть позитивный потенциал политики импатриации как социальной инновации.

Развитие человеческого капитала страны за счет привлечения высококвалифицированной рабочей силы из-за рубежа – цель, которую в своей миграционной политике преследует большинство государств мира. Демографические и экономические вызовы, потребность в развитии высоких технологий и инноваций обостряют международную конкуренцию за специалистов высокого уровня. Так, данные по *STEM*-сфере США говорят о том, что каждые 100 иностранных выпускников способствуют появлению дополнительных 262 рабочих мест; высококвалифицированные иммигранты почти в два раза чаще граждан принимающего государства запускают собственный бизнес, обеспечивая работой около 9 млн американцев; а более половины стартапов-единорогов (с оценкой в 1 млрд долл. и выше) имеют хотя бы одного основателя-иммигранта, причем каждая такая компания создает в среднем 760 рабочих мест. Яркие примеры – *Google*, *Uber* и *Zoom*¹. Фундаментальные исследования о роли высококвалифицированной иммиграции для экономики США указывают на ее роль как одного из ключевых импульсов, обеспечивающих высокую динамику значимых сегментов экономики².

Запрос России на качественную иммиграцию актуализировался в ходе ее истории неоднократно. Как отмечает Н.В. Чернышева, «только в 1901–1915 гг. в Российскую империю въехало из Болгарии – 7,9 тыс. чел., Румынии – 18,7 тыс. чел., Франции – 8,8 тыс. чел., Великобритании – 16,8 тыс. чел., США – 6,1 тыс. чел.». Одна из крупнейших волн трудовой иммиграции европейцев пришлось на ранний советский период, когда большевистские власти испытывали острейшую потребность в квалифицированных иностранцах для проведения так называемой индустриализации. В 1932–1933 гг. в СССР приехало на работу около 20 тыс. иностранцев (вместе с семьями – около 35 тыс. человек)³.

Политика импатриации предполагает трансляцию комплексного нарратива, повествующего как профессиональный, так и ценностный контент. Российская Федерация позиционируется как страна – «хранитель и ковчег традиционных духовно-нравственных ценностей и культуры» и вместе с тем как страна «больших проектов и великих открытий. Здесь можно чувствовать себя защищенным, свободным и не бояться за будущее своей семьи. Здесь можно развиваться профессионально без любого давления»⁴. Подчеркивается, что Россия

1 "High-Skilled Immigration," FWD, February 5, 2025, accessed March 20, 2025, <https://www.fwd.us/news/high-skilled-immigration-5-things-to-know/>.

2 Hanson et al. 2018.

3 Чернышева 2024, 90–91.

4 Памятка для иностранных граждан, переезжающих в Россию // МИД России. Апрель 2025. С. 2. [Электронный ресурс]. URL: https://mid.ru/ru/useful_information/information_for_foreigners/2011939/ (дата обращения: 10.05.2025).

приветствует «talанты и уникальных специалистов в области науки и технологий, культуры и спорта»¹.

В российском научном дискурсе имеют место два подхода – скептический и оптимистический. Первый характерен для авторов, которые приходят к выводу о том, что российский рынок труда практически не нуждается в иностранных высококвалифицированных специалистах.

Так, Е.А. Варшавская и М.Б. Денисенко констатируют, что «на российском рынке труда оказываются во многом не востребованными не только специфические знания и навыки, которыми мигранты обладали в конкретном виде деятельности до приезда, но и образование и квалификация работников. Численность специалистов высшей квалификации, нашедших соответствующую первую работу здесь, по сравнению с численностью этой группы по последнему месту работы в стране происхождения сократилась в 8,3 раза, специалистов средней квалификации – в 3,8 раз, руководителей и офисных работников – втрое»². К аналогичному выводу приходит Э.Д. Рубинская: «Фактически существующие количественные и качественные параметры российской экономики не стимулируют спрос на высококвалифицированные кадры – лишь 9% трудовых мигрантов имеют высшее образование»³. В другой работе, посвященной развитию сельских территорий, фиксируется тенденция отставания спроса на квалифицированную рабочую силу от ее предложения и качественной деградации сельского рынка труда, который теперь содержит очень малую долю «хороших» рабочих мест – с высокой заработной платой, благоприятными условиями занятости... Основная же часть рабочих мест будет «плохими» – с низкими неконкурентными зарплатами, малопривлекательными условиями занятости... Формирование такого рынка труда приведет к значительному увеличению на селе масштабов недоиспользования и нецелевого использования квалифицированной рабочей силы, к росту ее миграции в города, ускоренному старению сельского населения и его депопуляции»⁴.

Ко второй группе авторов можно отнести исследователей, которые полагают, что даже несмотря на подобные дисбалансы российского рынка труда, потенциальный приток высококвалифицированных иммигрантов в Россию способен обеспечить «инновационный прорыв в развитии экономики России»⁵. Значительная часть исследователей возлагает основные надежды в этом отношении на репатриантов.

Анализ миграционных потоков в Россию показывает, что «внешнее наполнение ее рынка труда рабочей силой из-за рубежа в значительной мере происходит за счет стран, характеризующихся относительной и абсолютной бедностью, а в масштабной трудовой иммиграции участвуют прежде всего работники низкой квалификации... Составным элементом этой проблемы являются нерациональные пространственные направления трудовой иммиграции, которая концентрируется в основном в густонаселенных центральных регионах России,

1 Памятка для иностранных граждан, переезжающих в Россию // МИД России. Апрель 2025. С. 2. [Электронный ресурс]. URL: https://mid.ru/ru/useful_information/information_for_foreigners/2011939/ (дата обращения: 10.05.2025).

2 Варшавская, Денисенко 2014, 67.

3 Рубинская 2025, 172.

4 Варшавская 2017, 41.

5 Рязанцев et al. 2017, 12.

способствуя усилению пространственной несбалансированности предложения рабочей силы»¹. Другими словами, в Россию приезжают в основном неквалифицированные мигранты из слаборазвитых стран (см. *Рисунок 1*), инфильтруясь в и без того перенаселенные гастарбайтерами агломерации Москвы и Санкт-Петербурга, «в которых по минимальным оценкам численность мигрантов составляет, соответственно, 17,8 и 19,5% занятого населения, идентифицируя большие возможности реализации диверсифицированных рисков»². В этой связи ВЦИОМ фиксирует в качестве одного из ключевых трендов 2025 г. запрос российского общества на контроль и «умное регулирование» (что бы под этим не понималось) миграции, который [запрос] «будет нарастать по мере ухудшения экономической ситуации в странах приема, роста угроз безопасности, учащения бытовых и культурных конфликтов». Ответом на этот запрос называется развитие инструмента «высококачественной миграции»³.

Очевидно, что массовая неквалифицированная миграция из отсталых стран существует и в обозримой перспективе будет существовать параллельно с миграцией политической из развитых и относительно развитых стран. И в контексте возрастания на общемировом уровне роли ценностного фактора необходимо прояснить соответствующие термины, в том числе с учетом российских практик.

Импатриант в контексте миграции: проблема дефиниции

Российская Федерация является государством, для которого характерны и активная эмиграция, и активная иммиграция. Для того чтобы концептуализировать и операционализировать понятия «импатриация» и «импатриант», следует осуществить терминологический анализ, определить место этих понятий в соответствующем предметном поле.

Миграция как переселение людей из одного места жительства в другое является наиболее общим понятием, лежащим в основе всех остальных терминов. В рамках темы мы рассматриваем трансграничную (международную) миграцию. Миграция распадается на два магистральных направления относительно государства как ключевого политического актора – *эмиграцию* (переезд граждан из своего государства в другое) и *иммиграцию* (переезд в государство граждан других государств). Значим факт отсутствия единых институализированных подходов и стандартов к определению различных видов эмиграции и иммиграции. Наиболее разработанным в нормативно-правовом и практическом плане является понятие беженца⁴. *Беженец* – лицо, находящееся вне государства своего гражданства вследствие преследования по каким-либо признакам⁵. Важным

1 Красинец 2021, 25–26.

2 Седлов 2024, 239.

3 Футурологический конгресс – 2036. Демография // ВЦИОМ. 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/futurologicheskii_kongress-2036_demografija.pdf.

4 Устав Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев // ООН. 14 декабря 1950. [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/search?ln=ru&p=A%2F1775&f=&c=Resource%20Type&c=UN%20Bodies&sf=&so=d&rg=50&fti=0> (дата обращения: 02.05.2025); Конвенция о статусе беженцев // ООН. 28 июля 1951. [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/696101?ln=ru> (дата обращения: 02.05.2025).

5 Беженцы // Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/bezhentsy-1aaba6?ysclid=ma8gpwtd2a820810074> (дата обращения: 02.05.2025).

является то, что статус беженца присваивается решением властей государства местопребывания, при этом случаи отказа нередки. В Российской Федерации существует специальный закон о беженцах¹. По данным ООН, более половины всех беженцев находятся в десяти странах, в том числе в России².

За исключением беженцев, остальная терминология, связанная с миграцией, может сильно отличаться от государства к государству, что отражает тренд на фрагментацию мирового политического пространства, политическую деглобализацию. Применительно к российскому контексту в современных реалиях всю совокупность миграционных процессов можно распределить следующим образом (см. *Рисунок 1*). К *эмиграции* относятся экономические эмигранты, а также политические и ценностные эмигранты (беженцы, релоканты). *Иммиграция* в Россию включает в себя экономических (т.н. трудовых) иммигрантов (делящихся на две неравные части: меньшая – экспаты как высококвалифицированные профессионалы, большая – гастарбайтеры как лица, занимающиеся низкоквалифицированным трудом или живущие на пособия) и политических мигрантов (беженцев и импатриантов)³.

Такая типология отражена в законодательстве лишь частично. Вместе с тем конфронтация с Западом и украинский конфликт стимулируют движение в данном направлении. Репатриант – относительно новое для российского законодательства понятие. Термин появился в Указе Президента РФ лишь в 2023 г. и напрямую связан с начавшейся СВО⁴. Согласно указу, «репатриант – это соотечественник, изъявивший желание принять участие в Госпрограмме в порядке, установленном Госпрограммой для репатриантов, из числа граждан РФ, постоянно проживавших за ее пределами по состоянию на 24 февраля 2022 г.; лиц, добровольно оформивших выход из гражданства РФ; лиц, родившихся или постоянно проживавших на территории РСФСР и имевших в прошлом гражданство СССР; лиц, имеющих родственников по прямой восходящей линии, родившихся или постоянно проживавших на территории РСФСР либо территории, относившейся к Российской империи или СССР, в пределах государственной границы РФ и имевших соответствующую гражданскую принадлежность»⁵. До этого использовался термин «соотечественник». В законодательстве РФ указываются те же критерии, которые в 2023 г. стали основой для определения репатриантов⁶.

В отличие от репатриации, *релокация* и *релокант*, хотя также являются новыми понятиями, стремительно вошедшими в обиход и в научный оборот в 2022–

1 Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах» // Гарант. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/10105682/?ysclid=ma8h26itsw733726050> (дата обращения: 02.05.2025).

2 Доклад о миграции в мире 2024 // International Organization for Migration. С. 46. [Электронный ресурс]. URL: <https://worldmigrationreport.iom.int/> (дата обращения: 02.05.2025).

3 Миграции в рамках непосредственно зоны СВО – комбатанты, перемещение гражданских лиц и т.д. остаются за рамками данной статьи.

4 Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 г. № 872 «О внесении изменений в Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637» // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49981> (дата обращения: 02.05.2025).

5 Государственная программа переселения в качестве репатрианта // Консульский отдел Посольства Российской Федерации в Королевстве Дания. [Электронный ресурс]. URL: <https://denmark.kdmid.ru/ru/consular-functions/gosudarstvennaya-programma-pereseleniya-v-kachestve-repatrianta/> (дата обращения: 03.05.2025).

6 Федеральный закон № 99-ФЗ от 24 мая 1999 г. «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=9&nd=102059861&bpa=cd00000&bpas=cd00000&intelsearch=%C7%E0%EAE%EED%E0+%E-E+%E3%F0%E0%E6%E4%E0%ED%F1%F2%E2%E5++&ysclid=ma8lg0qq7u349292291 (дата обращения: 03.05.2025).

2023 г., никак не отражены в российском законодательстве в качестве самостоятельных терминологических единиц. Тем не менее к 2025 г. релоkant из модного слова превратился в научный термин, что нашло отражение в исследованиях, проведенных в России и за рубежом¹. Термин по смыслу сопрягается с понятием *цифровые кочевники* (англ. *digital nomads*) – лица, профессиональная деятельность которых позволяет работать удаленно, без необходимости присутствия в офисе, что открывает возможности для мобильности – трансграничных перемещений и проживания в других странах без отрыва от работы (релокация). Авторство термина «цифровые кочевники» приписывают Ц. Макимото и Д. Маннерсу, которые употребили его в 1997 г. в своей книге-манифесте о революционных изменениях в образе жизни². А среди уехавших из России после начала СВО как раз было много IT-специалистов, для которых релокация как смена местопребывания стала нормой после глобальной скоростной и мобильной интернетизации в 2010-е годы. Таким образом, *релоkant* – лицо, уехавшее из России по политическим мотивам, особенно после начала СВО (основные волны прошли весной 2022 г. и осенью 2022 г., после объявления частичной мобилизации), но в то же время изначально не рассматривавшее свой отъезд как переезд на постоянное место жительства в другую страну. Иначе говоря, релоkанты надеются вернуться в Россию в случае изменения политической обстановки или из-за финансовых и социальных трудностей³. Релоkant, как правило, не является политическим деятелем, не борется за власть, не является оппозиционером. В то же время релоkанты могут быть политическими активистами, но политиков среди них единицы. Для большинства из них социально-экономические аспекты пребывания за рубежом превалируют над политическими. Также важно отметить, что превращение релоkанта в эмигранта (лица, стремящегося укорениться в стране пребывания) происходит в диапазоне 3–5 лет по двум причинам – внешней, если обстановка в стране происхождения по-прежнему «неблагоприятна» для уехавшего с политической точки зрения, и внутренней – успешной адаптации и социализации в стране пребывания (получение вида на жительство, трудоустройство, приобретение недвижимости, получение гражданства, устройство детей в школы). Вероятно, значительная часть релоkантов не вернется в Российскую Федерацию. Как представляется, именно сейчас и происходит их «фазовый переход» из релоkантов в эмигрантов.

Впрочем, движение происходит и в обратном направлении. После начала СВО в Россию стали приезжать люди по политическим мотивам, не являющиеся при этом беженцами или репатриантами. Итальянская студентка И. Чеккини, обучающаяся в России, на форуме Агентства стратегических инициатив в ходе разговора с президентом В.В. Путиным предложила упростить переезд в

1 Костенко, Н., Завадская, М., Камалов, Э., Сергеева, И. Российская ризома: социальный портрет новой эмиграции // Re:Russia. 11 января 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://re-russia.net/expertise/045/> (дата обращения: 11.11.2024); РАНХиГС: в Россию вернулись 10% релоkантов // Ведомости. 5 февраля 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/02/07/1090699-v-rossiyu-vernuli> (дата обращения: 02.05.2025).

2 Makimoto, Manners 1997.

3 Около 300 тысяч релоkантов могут вернуться в Россию // Российская газета. 4 апреля 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/04/04/kadry-reshaiut-vsyo.html> (дата обращения: 29.05.2025); РАНХиГС: в Россию вернулись 10% релоkантов // Ведомости. 7 февраля 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/02/07/1090699-v-rossiyu-vernulis> (дата обращения: 29.05.2025).

Россию для иностранцев, разделяющих традиционные ценности¹. И. Чеккини предложила и специальный термин для таких лиц – импатриант². Термин давно используется в Италии и означает трудового мигранта, въехавшего в Италию, или итальянских граждан, уехавших на работу за пределы страны³. По сути, И. Чеккини предложила наполнить имеющийся у нее на родине термин новым смыслом в другой стране – России: вместо экономических мотивов переезда теперь политические, и импатриантами в новом прочтении могут быть только иностранные граждане. Это может привести к путанице. За год-два предложенное слово вошло в общественно-политический оборот, хотя официальное определение импатрианта пока отсутствует. Не проведены и его концептуализация и операционализация.

В то же время происходит законодательная институализация импатриантов. В августе 2024 г. был издан указ президента РФ, упрощающий пребывание в РФ иностранных граждан из государств, «реализующих политику, навязывающую деструктивные неолиберальные идеологические установки, противоречащие традиционным российским духовно-нравственным ценностям»⁴. Сам термин «импатриант» в тексте указа и других принятых нормативных актах отсутствует. Перечень государств с соответствующей политикой был приведен в распоряжении Правительства России⁵ и в целом близок с перечнем недружественных государств, издаваемым с 2021 г. (кроме Венгрии и Словакии)⁶.

Таким образом, в российском контексте *импатриант* – лицо, испытывавшее кризис гражданской идентичности в связи с несовпадением между индивидуальной (личной) и преобладающей в государстве (обществе) ценностными посылками и по этой причине сменившее постоянное место жительства на более соответствующее его убеждениям, при этом такой индивид обладает существенным человеческим капиталом.

Импатриация – особая разновидность политической миграции, заключающаяся в переезде людей, не согласных с определенным типом идеологии и проводимой государственной политикой, в Россию как государство, реализующее курс на сохранение традиционных ценностей. При этом круг государств, из которых можно въехать в РФ по упрощенной схеме, ограничен, а на практике помимо идейно-ценностного имеется и «экономический ценз» – Российская Федерация в данном случае готова оказывать содействие в переезде на постоянное место жительства лицам с высоким индексом человеческого капитала.

Место импатриантов в предметном поле миграции представлено на *Рисунке 1*. И, как многие другие актуальные политические явления, импатрианты

1 Итальянская студентка рассказала, что в Италии создается неверный образ России // ТАСС. 22 февраля 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20060167?ysclid=ma8kx1ea36840903358> (дата обращения: 03.05.2025).

2 Ibid.

3 Программа налогового поощрения для высококвалифицированных работников, переезжающих в Италию // Italian Company Formations. [Электронный ресурс]. URL: <https://italiancompanyformations.com/ru/> (дата обращения: 03.05.2025).

4 Указ Президента Российской Федерации от 19.08.2024 г. № 702. «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51035> (дата обращения: 04.05.2025).

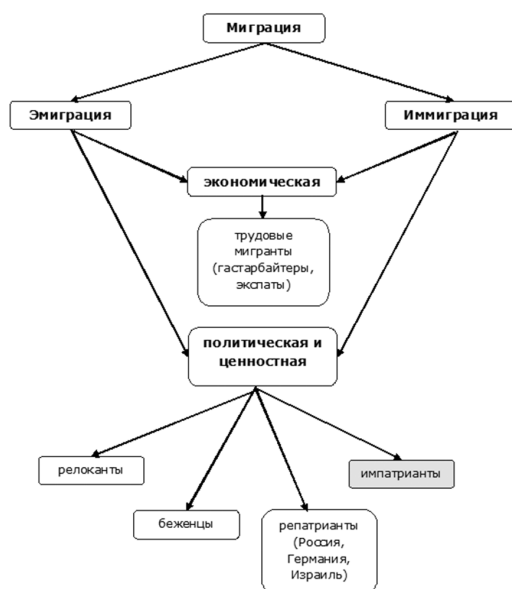
5 Распоряжение Правительства РФ от 17.09.2024 № 2560-р // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409200036?index=2> (дата обращения: 04.05.2025).

6 Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р // Правительство РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/wj1HD7RqdPSxAmDlalsqG2zugWdz8Vc1.pdf> (дата обращения: 04.05.2025).

и импатриация имеют свои зарубежные аналоги, которые позволяют лучше понять российскую специфику.

Рисунок 1.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ СХЕМА ПО МИГРАЦИИ, РОССИЙСКИЙ КЕЙС TERMINOLOGY CHART ON MIGRATION, THE CASE OF RUSSIA

Источник: составлено авторами на основе анализа научного дискурса по теме.

Ценностная миграция: зарубежный опыт

Ценностная миграция как особая разновидность политической миграции, мотивированная близостью таких мигрантов к идеологической, культурной или религиозной атмосфере принимающей страны, играет важную роль в политике некоторых европейских государств. Наибольший интерес в этом отношении представляют кейсы Польши и Венгрии.

Польша: ставка на своих

В последние годы на фоне неуклонного роста национальной экономики и все более ощутимой нехватки квалифицированных кадров Польша усилила ряд мер, направленных на привлечение в страну иммигрантов. Правительство внедрило вариативные иммиграционные политики для оптимизации административных процессов, поощрения предпринимательства и предоставления экономических стимулов, направленных на создание гостеприимной среды. Хотя в программных документах по вопросам миграции отдельно не выделяется категория импатриантов, в 2024 г. правительство приняло новую миграционную стратегию «Восстановить контроль. Обеспечить безопасность. Комплексная

и ответственная миграционная стратегия Польши на 2025–2030 годы»¹, где впервые прописаны ценностные и идеологические компоненты иммиграции. В частности, указывается, что «ключевым моментом является принятие иностранцами норм и правил, действующих в польском обществе»². В качестве главного инструмента для достижения данной цели предполагается использовать польский язык: по замыслу польских властей, именно расширение программ обучения иностранцев польскому языку позволит, с одной стороны, иммигрантам раскрыть свой потенциал, интегрируясь в польское общество, а с другой – государству обеспечить национальную безопасность, через интеграцию иммигрантов предотвращая «религиозную радикализацию и культивирование традиций, противоречащих польскому законодательству».

Важно отметить, что языковая политика для Польши служит не только инструментом гражданской интеграции, но и подготовкой для ценностной и идеологической иммиграции из-за пределов Польши. Так, Национальное агентство академических обменов, созданное в 2017 г. при Министерстве науки и высшего образования, практически в каждом своем грантовом проекте указывает приоритетность поддержки польского языка: стипендиальные программы для получения высшего образования на польском языке (стипендиальная программа имени генерала В. Андерса), поддержка возвращения в страну ученых польского происхождения (программы *Polskie Powroty NAWA* и *Ulam NAWA*), организация летних курсов и преподавания польского языка для иностранцев в Польше и за рубежом (программа летних курсов *NAWA*, программы *Polonista NAWA* и *Lektorzy NAWA*)³. Также при Министерстве национального образования Польши существуют: Центр развития польского образования за рубежом⁴, который занимается повышением квалификации для учителей, преподающих польский язык, историю, географию, польскую культуру и другие предметы на польском языке за рубежом; Институт развития польского языка имени святого Максимилиана Марии Кольбе, который поддерживает культивирование польских традиций и ценности польского языка как родного.

В последние годы для определения диаспоры в польском политическом дискурсе весьма широко трактуется польская национальная идентичность: если раньше во главу угла ставился этнорелигиозный компонент (хотя бы один из родителей представителя диаспоры имеет польские корни), то теперь его сменили лингвокультурный и гражданский компоненты. Так, вопрос польской идентичности представляется в официальных документах как самоочевидный, не требующий дополнительных пояснений. Основными ее маркерами являются: польский язык, культурные объекты, историческая память, духовное наследие. Причем главный акцент сделан именно на язык, а культурное наследие трактуется весьма широко. Например, созданный в 2017 г. при Министерстве культуры и

1 "Odzyskać kontrolę, zapewnić bezpieczeństwo – Strategia migracyjna na lata 2025–2030 (Take Back Control, Ensure Security-Migration Strategy 2025–2030)," Government of Poland, 17 October, 2024, accessed May 19, 2025, <https://www.gov.pl/web/premier/odzyskac-kontrolę-zapewnić-bezpieczeństwo---strategia-migracyjna-na-lata-2025---2030>.

2 Ibid.

3 "Narodowej Agencji Wymiany Akademickiej (Polish National Agency for Academic Exchange)," Official Website, accessed May 19, 2025, <https://nawa.gov.pl>.

4 "Ośrodek Rozwoju Polskiej Edukacji za Granicą (Centre for the Development of Polish Education Abroad)," Official Website, accessed May 19, 2025, <https://www.orpeg.pl/>.

национального наследия Национальный институт культурного наследия за рубежом *POLONIKA* выдает гранты в том числе для сохранения и восстановления польского культурного наследия, созданного за пределами Польши¹. Изменение подхода к определению границ польского диаспорального мира наблюдается и в расширении проекта «Карта поляка», направленного на укрепление связей между Польшей и польской диаспорой посредством предоставления владельцам карты льготного доступа к услугам образования и здравоохранения, к бизнес-возможностям, а также облегчая процесс получения польского гражданства. Изначально проект был разработан для восточного направления польской диаспоральной политики, то есть для людей польского происхождения, оказавшихся за пределами Польши в связи с изменением границ в XIX и XX веках. Однако с 2019 г. любой человек, вне зависимости от страны проживания, может подать заявку на получение Карты поляка². Более того, на официальном сайте польского правительства *Powroty.gov.pl*, посвященном эмиграции и репатриации, указано, что для получения Карты поляка уже не обязательно иметь польские корни, но обязательно знание польского языка и включенность в «деятельность по продвижению польской культуры»³.

Примечательно, что губернатор Калининградской области А.А. Алиханов⁴ предлагал использовать опыт Карты поляка в России и создать по ее подобию программу для «мягкой репатриации» соотечественников⁵.

Таким образом, продвижение польского языка за рубежом служит инструментом распространения национальных ценностей и формирования у профессионально перспективных иностранцев идентификации с Польским государством. Иными словами, посредством масштабных лингвокультурных инициатив и широкой интерпретации понятия польской диаспоры Польша целенаправленно стимулирует иммиграцию лояльных ей импатриантов, тем самым укрепляя свой человеческий и интеллектуальный капитал и стимулируя политическое развитие.

Венгрия как христианский ковчег

Современная Венгрия позиционирует себя как защитницу традиционной Европы. В. Орбан провозглашает приоритет христианских ценностей, национального суверенитета и традиционной семьи⁶. В опоре на эти ценности реализуется программа предоставления убежища для христианских беженцев. В 2013–2014 гг. на фоне роста исламского радикализма на Ближнем Востоке около тысячи христианских семей из Ирака и Египта получили венгерское гражданство⁷. «Сегодня

1 "Narodowy Instytut Polskiego Dziedzictwa Kulturowego za Granicą POLONIKA (The POLONIKA National Institute of Polish Cultural Heritage Abroad)," Official Website, accessed May 19, 2025, <https://polonika.pl>.

2 "Pierwsza Karta Polaka dla przedstawiciela Polonii urodzonego w Ameryce Łacińskiej (The First Polish Card for a Representative of the Polish Diaspora Born in Latin America)," Serwis Rzeczypospolitej Polskiej, February 20, 2020, accessed May 15, 2025, <https://www.gov.pl/web/dyplomacja/uroczystosc-wreczenia-pierwszej-karty-polaka-dla-przedstawiciela-polonii-w-ameryce-lacinskiej>.

3 "Czym jest Karta Polaka i kto może ją otrzymać? (What is the Pole's Card and Who Can Get It?)," Powroty.gov.pl, December 30, 2022, accessed May 15, 2025, <https://powroty.gov.pl/en/-/czym-jest-karta-polaka-i-kto-moze-ja-otrzymac?utm>.

4 С мая 2024 г. министр промышленности и торговли Российской Федерации.

5 Губернатор Калининградской области предложил ввести «карту русского» // РИА Новости. 28 ноября 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20231128/russkie-1912460357.html> (дата обращения: 15.05.2025).

6 См., например: "Viktor Orbán Champions Sovereignty and Traditional Values at a Rally in Italy," Hungary Today, October 10, 2024, accessed May 7, 2025, <https://hungarytoday.hu/viktor-orban-champions-sovereignty-and-traditional-values-at-rally-in-italy/>.

7 Власти Венгрии: за 2 года тысяча семей христиан получили гражданство // РИА Новости. 14 сентября 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20150914/1250359081.html?ysclid=matprmymp405142099> (дата обращения: 05.05.2025).

трое из четырех христиан в мире подвергаются гонениям, и западный мир мало что об этом знает... Венгрия стремится стать ведущей страной, предоставляющей убежище преследуемым христианам», – заявил в сентябре 2017 г. министр человеческих ресурсов Венгрии З. Балог.

Особое внимание уделяется молодежи. Для этого предоставляются льготы при получении высшего образования. З. Балог обратился к 72 студентам-христианам с Ближнего Востока, получившим венгерские государственные стипендии, во время христианского фестиваля, прошедшего в будапештской базилике Святого Стефана, подчеркнув, что стипендии предназначены для тех, кто приехал из стран, где христиане ежедневно сталкиваются со страданиями и опасностями¹.

В Венгрии действует агентство «Венгрия помогает» (*Hungary Helps Agency*), реализующее программу «Венгрия помогает» (*The Hungary Helps Program*). Как сказано на официальном сайте агентства, программа координируется Государственным секретариатом по программе помощи преследуемым христианам, а ее профессиональная реализация осуществляется Агентством². В 2017 г. венгерское правительство учредило программу стипендий для молодых христиан (*Scholarship Programme for Christian Young People, SCYP*). Цель программы – предоставить возможность получить высшее образование в венгерских учебных заведениях молодым христианам, которые живут в кризисных регионах мира или находятся под угрозой в своих странах из-за веры. Для участия в программе необходимо иметь официальную рекомендацию от местной христианской церкви, а также соответствующие квалификации и навыки языка³. Обращает на себя внимание широта географии программы – от Африки и Ближнего Востока до Южного Кавказа. Значимый аспект программы состоит в том, что правительство не делает различий между конфессиями: не обязательно быть именно католиком, можно принадлежать к другим христианским конфессиям. В рамках программы в учебных заведениях Венгрии обучается около 200 студентов из Сирии, Пакистана, Ирака, Израиля, Палестины, Ливана, Нигерии, Кении, Эфиопии, Армении⁴.

Таким образом, Польша и Венгрия реализуют две различные модели миграционной политики, в ряде аспектов схожие с российской моделью импатриации. Подход Польши базируется на лингвистической идентичности и частично пересекается с репатриацией. Венгрия же делает акцент на христианской идентичности. В обоих вариантах очевидна эрозия Вестфальской политической модели мира, в которой ключевую роль играет национальное государство с его идеей первичности гражданской идентичности над другими идентичностями. Тем не менее государство сохраняет статус ключевого актора на мировой арене и как любой политический субъект стремится к усилению своей ресурсной базы.

1 "Hungary Aims to Provide Refuge to Persecuted Christians," About Hungary, September 29, 2017, <https://abouthungary.hu/news-in-brief/hungary-aims-to-provide-refuge-to-persecuted-christians>.

2 "Hungary Helps Agency," Official Website, accessed May 5, 2025, <https://hungaryhelps.gov.hu/en/agency>.

3 "Scholarship Programme for Christian Young People. Operational Regulations," Hungary Helps, November 28, 2024, accessed May 7, 2025, https://storage.googleapis.com/hungary-helps-cdn/Annex_5_Operational_Regulations.pdf.

4 "In effort to Help the Persecuted, Hungary Offers Scholarships for Young Christians from Around the World," CAN: Catholic News Agency, October 25, 2022, accessed May 5, 2025, https://www.catholicnewsagency.com/news/252637/in-effort-to-help-the-persecuted-hungary-offers-scholarships-for-young-christians-from-around-the-world?utm_source=perplexity.

В этом процессе импатрианты могут сыграть важную роль и не только в политическом отношении.

Импатрианты и политика Российской Федерации

Хотя импатриация в представленной выше типологической схеме (см. *Рисунок 1*) отнесена к политической / ценностной миграции, это не означает, что экономические аспекты не входят в число значимых факторов, определяющих данный феномен. По мере наработки нормативно-правового и политико-управленческого опыта наблюдается своеобразная гибридизация политической и экономической составляющих импатриации. И это также требует анализа.

Импатриация – социальная инновация, являющаяся, как представляется, маркером сдвигов в государственной политике. Усилия направлены на восполнение слабости инструментария по привлечению высококвалифицированных специалистов из-за рубежа. После начала СВО, с уходом из России ряда иностранных компаний и введением против нее новых ограничительных мер, возникла потребность в существенной интенсификации промышленности – однако предприятия реального сектора сталкиваются с острой нехваткой квалифицированных инженерно-технических и рабочих кадров.

В научной литературе можно выделить три группы факторов, влияющих на формирование миграционной установки. Во-первых, социально-психологические факторы: принятие решения о миграции свидетельствует о том, что текущее пространство жизнедеятельности – в терминологии П. Бурдьё, «социальное пространство», – характер протекающих в нем микро- и макросоциальных взаимодействий более не воспринимаются индивидом как способствующие реализации его собственных значимых жизненных установок, задач и целей. Во-вторых, социально-экономические: на принятие решения влияют такие факторы, как высокая стоимость жизни, неудовлетворенность своим положением и перспективами на рынке труда. В-третьих, социально-политические: несогласие с политическим режимом, системой управления, политическим курсом. Исследователи, изучающие процесс формирования миграционной установки в ее ценностном аспекте, указывают, что в ее основе лежат субъективная оценка и сравнение текущего и предполагаемого места жительства – то есть принятие решения о переезде невозможно без предварительного формирования представления о стране, переезд в которую рассматривается¹.

Для анализа системы нематериальных факторов, которые играют ключевую роль в формировании миграционной установки импатриантов, перспективным концептом выступает идентичность. Исследователи глобализации, такие как Дж. Томлинсон, показывают, что распространение связанных с нею явлений и ценностей ведет к укреплению культурной идентичности: местные сообщества более четко осознают, какие именно ценности им наиболее близки, и начинают сильнее гордиться тем, что являются их носителями². В свою очередь,

1 Кузнецова 2013.

2 Tomlinson 2003.

изменения в обществе, связанные с паттернами поведения, в том числе в области отношений полов, внешнего вида, языка и т.п., могут восприниматься ими как представляющие угрозу для их культурной идентичности и даже вести к психологическим потрясениям¹.

Нами сформулирована следующая гипотеза, которая ляжет в основу эмпирического исследования социально-психологических установок импатриантов: главными факторами формирования миграционной установки на переезд в Россию являются испытываемый ими кризис идентичности наряду с восприятием России как страны, социальное пространство которой создает условия для преодоления этого кризиса и для личностного развития. Помимо идентичности важна и миграционная инфраструктура принимающей страны.

Государственная политика Российской Федерации в отношении ценностных иммигрантов включает в себя не только нормативно-правовое оформление их особого статуса, но и формирование инфраструктуры, призванной создать для импатриантов благоприятные условия переезда и интеграции. Координирующий импатриацию государственный орган – Агентство стратегических инициатив (АСИ), которое работает во взаимодействии с МВД России. В октябре 2024 г. АСИ анонсировало создание для импатриантов онлайн-сервиса «Время жить в России»², который призван упростить бюрократические процедуры, а также способствовать психологической адаптации³. Однако на июнь 2025 г. сервис все еще не доступен, хотя информационные материалы для потенциальных импатриантов выпускаются⁴. Таким образом, российские власти пришли к идее формирования специализированных комплексных инструментов для импатриации.

В декабре 2024 г. объявлено, что будет сформирован региональный стандарт для импатриантов, который нацелен на сопровождение и адаптацию ценностных иммигрантов. Для этого были выбраны шесть пилотных регионов: Москва, Московская, Нижегородская, Самарская, Новгородская области и Краснодарский край⁵. В первой половине 2025 г. состав пилотных регионов изменился: Краснодарский край из перечня исчез, появились Владимирская, Псковская и Калужская области – всего восемь субъектов Российской Федерации. Было объявлено о создании Штаба по поддержке переезда и адаптации талантливых иностранцев в Россию – межведомственной структуры МВД и АСИ⁶. Цель – разработать региональный стандарт интеграции импатриантов с учетом социальных, культурных и экономических аспектов⁷. Такой стандарт был утвержден в марте 2025 года⁸.

1 Yeganeh 2024.

2 АСИ и МВД России запускают сервис для иностранцев «Время жить в России» // Ridus.ru. 2 октября 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ridus.ru/asi-i-mvd-rossii-zapuskayut-servis-dlya-inostrancev--vremya-zhit-v-rossii--475155.html> (дата обращения: 02.05.2025).

3 Ibid.

4 Памятка для иностранных граждан, переезжающих в Россию // МИД России. Апрель 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://mid.ru/ru/useful_information/information_for_foreigners/201939/ (дата обращения: 10.05.2025).

5 В шести пилотных регионах отработают модель переезда и адаптации импатриантов // ТАСС. 26 декабря 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22780381?ysclid=m77jg4sv7z434446871> (дата обращения: 16.02.2025).

6 АСИ включит предложения импатриантов из Германии, Франции, США и других стран в программу «Время жить в России» // Агентство стратегических инициатив. 27 февраля 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://asi.ru/news/203947/> (дата обращения: 01.03.2025).

7 Ibid.

8 От определения потребностей в иностранных специалистах до «настройки» законодательства: одобрен Региональный стандарт интеграции импатриантов // Агентство стратегических инициатив. 11 марта 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://asi.ru/news/204054?ysclid=mb6hyol81l70618749> (дата обращения: 20.03.2025). Документ не был опубликован.

АСИ заявляет, что промежуточные итоги работы с импатриантами в указанных регионах будут подведены в октябре 2025 года¹.

Особое внимание акцентируется на профессиональной ценности кандидатов в импатрианты для экономики России. «Под категорией “импатриант” мы понимаем талантливых студентов, ученых, высококвалифицированных специалистов, предпринимателей, инвесторов, представителей творческих профессий – это те, кто демонстрирует выдающиеся результаты и будет востребован в ключевых отраслях нашей экономики. Они, безусловно, должны разделять традиционные российские ценности, закрепленные в соответствующем Указе Президента», – заявляет генеральный директор АСИ С.В. Чупшева². Реализуется программа «Разрешение на временное проживание в упрощенном порядке», в которой основной акцент делается на квалификации потенциальных иммигрантов³. Такой подход сближает импатриантов с высококвалифицированными экспатами, которые стали покидать Россию после введения западных ограничительных мер в 2014 г. и исход которых ускорился после начала СВО в 2022 году. Впрочем, экспаты изначально воспринимали свое пребывание в России как временное. Конечно, ценностный фактор имел место и у западных экспатов, некоторые из них создавали в России семьи и даже оставались жить по окончании контракта, но все же превалировали экономические мотивы, желание заработать денег. Импатриация как часть миграции нуждается в качественной экспертизе и подготовке специальных кадров, работа по этим направлениям также началась.

Проект импатриации продвигается и посредством публичных и закрытых мероприятий, на которых обсуждаются пути оптимизации соответствующих процессов. Так, 16 мая 2025 г. в МГИМО состоялась дискуссия, в которой приняли участие сотрудники АСИ, представители бизнеса и академического сообщества⁴. В Нижегородской области в конце мая была проведена стажировка для государственных служащих из восьми пилотных регионов по импатриации⁵.

Большое значение имеет медийный аспект, в том числе потому, что особую страту среди импатриантов составляют медийно активные люди, которые с помощью социальных медиа формируют позитивный имидж России за рубежом, проводят встречи на своей исторической родине, рассказывая о российских реалиях. Среди таких импатриантов можно отметить француза А. Фрусьена, американку А. Йост, ведущих свои каналы на различных медиаплатформах. Известны импатрианты, которые выстроили успешный бизнес,

1 АСИ: первые итоги работы с импатриантами в пилотных регионах подведут в октябре // Рамблер. 25 апреля 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/community/54574567/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 25.05.2025).

2 АСИ включит предложения импатриантов из Германии, Франции, США и других стран в программу «Время жить в России» // Агентство стратегических инициатив. 27 февраля 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://asi.ru/news/203947/> (дата обращения: 01.03.2025).

3 Разрешение на временное проживание в упрощенном порядке // Welcome to Russia. [Электронный ресурс]. URL: <https://welcome-to-russia.com/ru/shared-values-residency-ru/> (дата обращения: 20.05.2025).

4 Панельная дискуссия «Импатриация: общие ценности и суверенное развитие» // МГИМО. 16 мая 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/about/news/main/impatriation/> (дата обращения: 17.05.2025).

5 Представители пилотных регионов по работе с импатриантами прошли стажировку в Нижнем Новгороде // Информационное агентство Время Н. 27 мая 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vremyan.ru/news/576400?ysclid=mb6hut5xbv675488650> (дата обращения: 27.05.2025).

причем в сельской местности. К их числу относится американец Дж. Уолкер, с 2000 г. живущий в Алтайском крае¹.

Возникла конкуренция между регионами за привлечение импатриантов. Среди восьми пилотных регионов в СМИ ярче всего представлены в медиа мероприятия, реализуемые в Нижегородской области. Импатриация реализуется здесь с опорой на государственно-частные партнерства². Так, автономная некоммерческая организация «Областное кадровое агентство» в Нижнем Новгороде оказывает консалтинговые услуги по переезду в Россию, особое внимание уделяется импатриантам³.

Импатриация не является массовым феноменом. Единая публичная статистическая база отсутствует. Судя по новостям в СМИ, среди импатриантов есть люди из США, Германии, Франции, Италии. Информация о количественных параметрах импатриации периодически появляется в СМИ. Например, по информации одного из чиновников мэрии Москвы, к маю 2025 г. в Москву прибыло более 400 импатриантов⁴. К сожалению, отсутствует информация об их актуальном правовом статусе, социально-демографических характеристиках, уровне квалификации и прочих значимых параметрах. Это затрудняет социально-политическое профилирование импатриантов.

Таким образом, импатриация демонстрирует усиление роли нематериальных факторов в жизни современных обществ. Институциональный дизайн импатриации носит сложносоставный характер, сочетает в себе вертикальную и горизонтальную структуры. В процесс импатриации вовлечены несколько федеральных институтов и ведомств (президент, правительство, АСИ, МВД), региональные и муниципальные органы власти, высшие учебные заведения, НКО. Это актуализирует вопрос о координации и эффективном использовании имеющихся ресурсов.

Заключение

Импатриант – новое обозначение для далеко не нового явления, отражающее особенности современных политических реалий. Его появление подчеркивает возрастание роли ценностного фактора в мировой политике. Борьба идей возвращается в глобальное политическое поле. И на фоне продолжающейся конфронтации с Западом роль ценностной миграции приобретает для России особое значение. С помощью пока немногочисленных импатриантов могут решаться задачи на внешнем и внутреннем контуре развития.

На внешнем – импатрианты выполняют имидж-формирующие функции, являются мостом народной дипломатии с обществами недружественных государств, потенциальными лидерами мнений, помогающими гражданам России

1 Американец Джастас Уолкер рассказал, как живет в глубинке Алтайского края // Бийский рабочий. 24 мая 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://biwork.ru/obsestvo/80358-amerikanec-dzastas-uolker-rasskazal-kak-zivet-v-glubinke-altajskogo-kraa> (дата обращения: 28.05.2025).

2 АНО Областное кадровое агентство // hh.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://nn.hh.ru/employer/6160700> (дата обращения: 27.05.2025).

3 Агентство ОКА. [Электронный ресурс]. URL: <https://oka-agency.com> (дата обращения: 20.05.2025).

4 АСИ: категория «импатриант» самодостаточна к закреплению в законодательстве // Рамблер. [Электронный ресурс]. URL: https://finance.rambler.ru/economics/54702253/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copy-link (дата обращения: 27.05.2025).

переосмысливать свое отношение к стране. По сути, речь идет о новом инструменте мягкой силы.

На внутреннем – на первый план выходит человеческий капитал импатриантов как потенциальный вклад в российскую экономику; импатриация предполагает высокий профессионально-квалификационный ценз.

Но, как и любой сложный социальный процесс, импатриация не лишена трудностей. Возможны коллизии между ценностными и экономическими мотивациями как импатриантов, так и государства и его конкретных представителей. «Медийные» импатрианты периодически обвиняются в финансировании со стороны российского государства, что может подорвать веру в проект у «немедийных» импатриантов. Подтверждение получения импатриантами финансового вознаграждения за свою деятельность существенно снижает возможности продвижения российской повестки за рубежом. Медиа контент таких импатриантов попадает в категорию фейк-ньюс, аккаунты в социальных медиа блокируются. С исследовательской точки зрения импатриация лишена полноценной внешней экспертизы в силу неполноты размещенных в публичном доступе официальных данных. Это порождает скепсис в экспертной среде и снижает позитивный эффект от импатриации в российском обществе.

Реализация соответствующей государственной политики теоретически могла бы стать частью миграционной политики России, но пока этого не наблюдается. Достаточно сказать, что программа репатриации, реализуемая с середины 2000-х гг., продвигается трудно, и у т.н. соотечественников может возникнуть недопонимание по поводу справедливости различной «высоты» бюрократических барьеров для них и для импатриантов. Выстраивание эффективной политико-управленческой структуры также является залогом того, чтобы импатрианты стали не «штучным», а повсеместно распространенным явлением в России. Это могло бы способствовать повышению международной привлекательности страны, а также открывало новые возможности для продвижения российских интересов за рубежом.

Опираясь на вышесказанное, обозначим наиболее вероятные точки роста и ограничения политики импатриации.

Во-первых, исходя из социально-экономических реалий, оптимальным вектором миграционной политики России в части привлечения высококвалифицированной рабочей силы должно стать точечное привлечение специалистов, которые с высокой степенью вероятности останутся в стране на длительный срок, параллельно с внедрением мер по балансированию ситуации на рынке труда, которые ведут к росту заработной платы и улучшению условий труда российских высококвалифицированных специалистов. В противном случае прием на работу высокооплачиваемых иностранцев – а согласно поправкам в закон о правовом положении иностранцев, вступившим в силу 1 марта 2024 г., заработная плата основной части высококвалифицированных иностранных работников должна составлять не менее 250 тыс. руб. в месяц¹ – может привести к обострению социальных противоречий.

1 Работодателям установили новые требования к зарплатам иностранных высококвалифицированных специалистов // Бух:1С. [Электронный ресурс]. URL: <https://buh.ru/news/rabotodatelnyam-ustanovili-novye-trebovaniya-k-vyplatam-vysokokvalifitsirovannykh-spetsialistov.html> (дата обращения: 10.05.2025).

Во-вторых, обращаясь к опыту государств, демонстрирующих стабильно высокие результаты в привлечении квалифицированных иммигрантов – Канады и Австралии, – отметим эффективность реализуемых там программ, позволяющих местным компаниям подбирать необходимых квалифицированных сотрудников в том числе из числа беженцев. Для проектов *Economic Mobility Pathways Pilot*¹ (Канада) и *Skilled Refugee Labour Agreement Pilot*² (Австралия) сформированы цифровые платформы, на которых представлены «каталоги талантов». Канада также применяет систему тестов, которая позволяет потенциальному сотруднику соотнести свои навыки и ценности с профилем и ценностями компании – потенциального работодателя; это позволяет повысить шансы на успешные и долгосрочные трудовые отношения. Подобные тесты могут быть полезны и для импатриантов, которые мало осведомлены о российском рынке труда. Имеет смысл обратиться и к опыту некоторых арабских государств, прежде всего ОАЭ и Саудовской Аравии, которые десятилетиями привлекают квалифицированных мигрантов.

Одним из главных условий участия работодателей в названных программах является обеспечение поддержки интеграции будущих сотрудников в жизнь страны: в этом им помогают партнеры проекта, такие как международная НКО *Talent Beyond Boundaries*. В некотором формате подобный подход может быть внедрен и в России, но потребуются определить реальные возможности конкретных компаний по привлечению зарубежных специалистов и обеспечению их «мягкого приземления» (*soft landing*) – например, введения должности ментора (*buddy*, как называют в ряде зарубежных университетов лицо, помогающее студенту-иностранцу освоиться на новом месте). Исследования показывают, что наряду с минимизацией бюрократических процедур и предоставлением пакета социальных услуг успешная работа таких менторов играет важную роль в удержании иностранных студентов как будущих высококвалифицированных специалистов в стране: например, специалисты по Японии отмечают, что «такие меры поддержки, как возможность получения стипендии, полностью или частично покрывающей расходы на обучение и проживание, наличие консультационных центров и персональных тьюторов, простота оформления документов, возможность подработки, помощь в трудоустройстве после окончания обучения, положительно влияют на решение выпускников-иностранцев относительно дальнейшей работы и проживания в Японии, а также способствуют росту привлекательности этой страны как перспективного направления иммиграции»³.

На данный момент информация об импатриантах в России носит неполный характер: как отметил на секции «Приключения иностранцев в России» ПМЮФ-2025 советник Управления по сопровождению международных проектов Департамента внешнеэкономических и международных связей Правительства Москвы М. Ночевников, «наша цель – собрать цифровой профиль уже

1 “Economic Mobility Pathways Pilot,” Government of Canada, accessed May 10, 2025, <https://www.canada.ca/en/immigration-refugees-citizenship/services/refugees/economic-mobility-pathways-pilot.html>.

2 “Skilled Refugee Labour Agreement Pilot,” Australian Government, accessed May 10, 2025, <https://immi.homeaffairs.gov.au/visas/employing-and-sponsoring-someone/sponsoring-workers/nominating-a-position/labour-agreements/skilled-refugee-labour-agreement-program>.

3 Шипилова 2024, 159.

прибывших импатриантов – сейчас их более 400 человек. Такой анализ позволит понять потенциальный социально-экономический вклад специалистов в развитие региона»¹.

В-третьих, из личных бесед авторов статьи с иностранцами, приезжавшими в Россию в последние годы для участия в крупных мероприятиях в качестве спикеров и для встреч на высоком уровне, был сделан вывод о том, что за рамками формальной части мероприятия они в целом оказываются «предоставлены сами себе», т.е. не происходит нетворкинга с профессиональными сообществами, не предоставляются конкретные предложения по культурной программе и т.п. Другими словами, потенциал их вовлечения в жизнь страны часто используется крайне неэффективно. Даже если предположить, что некоторая часть импатриантов уже знакома с реалиями страны, знает русский язык, обзавелась в России деловыми, личными и даже семейными связями, полагаем крайне важной роль «менеджера по работе с сообществами», поддерживающего контакт с основными институтами развития, бизнес-кругами, общественными организациями и на системной основе предлагающего импатриантам различные (гибкие) альтернативы по участию в тех или иных проектах. Как видится, это будет способствовать тому, чтобы «уже в ближайшее время в пилотных регионах был отработан “оптимальный пользовательский путь”, чтобы иностранные специалисты смогли быстро и эффективно включиться в работу»².

В-четвертых, точкой роста для российской политики импатриации видится и более широкое вовлечение во взаимодействие с импатриантами организаций «третьего сектора» и групп гражданского общества – например, вовлечение импатриантов и их семей, исповедующих православие, в мероприятия с участием православной молодежи, в участие в воскресных школах при храмах и монастырях. Один из давно существующих форматов – разговорные клубы на английском (немецком, французском) языке: участие в них импатриантов, носителей языка, вполне логично и может служить отличным объединяющим мотивом. Важно, чтобы такое взаимодействие не носило формальный или отчетный характер, но опиралось на действительные общие интересы.

1 Идеи форума АСИ по привлечению иностранных специалистов хотят интегрировать в Региональный стандарт интеграции импатриантов // Агентство стратегических инициатив. [Электронный ресурс]. URL: <https://asi.ru/news/204511/> (дата обращения: 21.05.2025).

2 АСИ: первые итоги работы с импатриантами в пилотных регионах подведут в октябре // ТАСС. 25 апреля 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23788487> (дата обращения: 10.05.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Варшавская, Е.Я., Денисенко, М.Б. Мобильность иностранных работников на российском рынке труда // Социологические исследования. 2014. Т. 4. № 360. С. 63–73.
- Varshawskaya, Elena Ya., and Mikhail B. Denisenko. "Foreign Workers Mobility in Russian Labor Market." *Sociological Studies* 4, no. 360 (2014): 63–73 [In Russian]
- Варшавская, Е.Я. Квалифицированные работники на сельском рынке труда: предложение и спрос // Вестник Московского Университета. Серия 6. Экономика. 2017. № 3. С. 25–42.
- Varshawskaya, Elena Ya. "Skilled Workers on the Rural Labor Market: Supply Vs. Demand." *Moscow University Economics Bulletin*, no. 3 (2017): 25–42 [In Russian]
- Земсков, В.Н. Репатриация советских перемещенных лиц в 1944–1952 годах // Политическое просвещение. 2016. № 2. С. 57–96.
- Zemskov, Viktor N. "Repatriation of Soviet Displaced Persons in 1944–1952." *Politicheskoe prosveshchenie*, no. 2 (2016): 57–96 [In Russian].
- Красинец, Е.С. Трудовая иммиграция в период пандемии коронавируса и ее последствия в социально-экономическом развитии современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17. № 1. С. 21–31. <https://doi.org/10.19181/Ispr.2021.17.1.2>.
- Krasinets, Evgeny S. "Labour Immigration During the Coronavirus Pandemic and Its Consequences in the Socioeconomic Development of Modern Russia." *Living Standards of the Population in the Regions of Russia* 17, no. 1 (2021): 21–31 [In Russian].
- Кузнецова, С.А. Миграционные установки как предмет социально-психологических исследований // Социальная психология и общество. 2013. № 4. С. 34–45.
- Kuznetsova, Snezhana A. "Migration Attitudes as the Subject of Social Psychological Research." *Social Psychology and Society*, no. 4 (2013): 34–45 [In Russian].
- Рубинская, Э.Д. Российский рынок труда и иностранная рабочая сила: поиск путей решения проблемы кадрового дефицита // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5. № 1. С. 167–175. <https://doi.org/10.19181/demis.2025.5.1.10>.
- Rubinskaya, Eteri D. "Russian Labor Market and Foreign Workforce: Searching for Ways to Solve the Problem of Staffing Shortage." *DEMIS. Demographic Research* 5, no. 1 (2025): 167–175 [In Russian].
- Рязанцев, С.В., Красинец, Е.С., Вазиров, З.К. Постоянная и временная трудовая миграция в контексте перспектив демографического развития России // Сегодня и завтра российской экономики. 2017. № 81–82. С. 5–16.
- Ryazantsev, Sergey V., Evgeny S. Krasinets, and Zafar K. Vazirov. "Permanent and Temporary Labor Migration in the Context of the Prospects of Demographic Development of Russia." *Today and Tomorrow of the Russian Economy*, no. 81–82 (2017): 5–16 [In Russian].
- Седлов, А.П. Ресурсы и риски трудовой иммиграции: императивы формирования и методология оценок // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20. № 2. С. 228–242.
- Sedlov, Alexey P. "Resources and Risks of Labor Immigration: Imperatives of Formation and Methodology of Assessments." *Living Standards of the Population in the Regions of Russia* 20, no. 2 (2024): 228–242 [In Russian].
- Чернышева, Н.В. Привлечение иностранцев к труду в России: опыт ретроспективного анализа // Вопросы управления. 2024. Т. 18. № 1. С. 83–96.
- Chernysheva, Natalya V. "Attracting Foreigners to Work in Russia: A Review of Past Experiences." *Management Issues* 18, no. 1 (2024): 83–96 [In Russian].
- Шипилова, М.А. Привлечение и удержание иностранных студентов в Японии: подходы экономической и миграционной политики // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4. № 1. С. 146–162. <https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.10>.
- Shipilova, Maria A. "Japan's Policies to Attract and Retain International Students: Economic and Migration Approaches." *DEMIS. Demographic Research* 4, no. 1 (2024): 146–162 [In Russian].
- Abramson, Paul R., and Ronald Inglehart. *Value Change in Global Perspective*. Ann Arbor, 1995. 192 p. <https://doi.org/10.3998/mpub.23627>.
- Hanson, Gordon H., William R. Kerr, and Sarah Turner. *High-Skilled Migration to the United States and Its Economic Consequences*. Chicago: University of Chicago Press, 2018. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226525662.001.0001>.
- Inglehart, Ronald. *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles*. Princeton: Princeton University Press, 1977. 496 p.
- Makimoto, Tsugio, and David Manners. *Digital Nomad*. Hoboken: Wiley, 1997. 246 p.
- Tomlinson, John. "Globalization and Cultural Identity." *The Global Transformations Reader*, no. 2 (2003): 269–277.
- Yeganeh, Hamid. "Conceptualizing the Patterns of Change in Cultural Values: the Paradoxical Effects of Modernization, Demographics, and Globalization." *Social Sciences* 13, no. 9 (2024): 439. <https://doi.org/10.3390/socsci13090439>.

Сведения об авторах

Сергей Павлович Артеев,

к.полит.н, научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН
117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., 23

e-mail: artsp7@yandex.ru

Андрей Леонидович Бардин,

к.полит.н, научный сотрудник, Институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН
117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., 23

e-mail: andreybardin@gmail.com

Татьяна Игоревна Попадьева,

к.полит.н, научный сотрудник, Институт мировой экономики и международных
отношений имени Е.М. Примакова РАН

117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., 23

e-mail: popadeva@imemo.ru

Максим Игоревич Сигачёв,

к.полит.н, научный сотрудник, Институт мировой экономики и международных
отношений имени Е.М. Примакова РАН

117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., 23

e-mail: maxsig@mail.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 20 мая 2025.

Переработана: 20 июня 2025.

Принята к публикации: 27 июня 2025.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Артеев, С.П., Бардин, А.Л., Попадьева, Т.И., Сигачёв, М.И. Импатриация
как феномен и направление политики развития
(на примере современной России) // Международная
аналитика. 2025. Том 16 (2). С. 136–158.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-2-136-158>

Impatriation as a Phenomenon and a Direction of Development Policy (the Case of Russia)

ABSTRACT

Migration has become one of the leading megatrends of our time. It has a multidirectional economic, cultural and political impact on host societies. The composition of migration flows is also being reformatted. In particular, the relatively small but politically significant so-called value migration is becoming more relevant: in Russia, against the background of the Special Military Operation, this migration phenomenon has become widespread. The purpose of the article is to lay the foundation for studying the problems of impatriation using political science methods. The authors analyze the main substantive characteristics of the concept of "impatriation" through its manifestation in the information environment and in social realities in the context of local and international socio-political processes, foreign and Russian regulatory, political-practical and historical experience. The methodological basis of the research includes a comparative approach, methods of analyzing documents, discourses and cases. The result of the study is the author's definition of the concept of "impatriation"; characteristics of foreign models similar to Russian impatriation, using the example of Poland and Hungary; classification of the main growth points and the most probable limitations associated with the implementation of Russia's impatriation policy in the near future; the institutional design of the impatriation mechanism is revealed. The transition to the impatriation policy contributed to the launch of a number of organizational transformation processes at the local and regional levels associated with the need to ensure "seamless" reception and adaptation of in-demand highly qualified foreign specialists. The role of impatriation is outlined in two contours – external (impatriation as a tool for promoting Russian interests abroad) and internal (impatriation as an auxiliary factor in the preservation and development of human capital) – for the implementation of Russia's development goals.

KEYWORDS

impatriant, impatriation, migration, values, Russia, the West, development, strategy

Authors

Sergey P. Arteev,

PhD (Polit.), Research Fellow, Primakov Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS)
23, Profsoyuznaya street, Moscow, Russia, 117997

e-mail: artsp7@yandex.ru

Andrey L. Bardin,

PhD (Polit.), Research Fellow, Primakov Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS)
23, Profsoyuznaya street, Moscow, Russia, 117997

e-mail: andreybardin@gmail.com

Tatiana I. Popadeva,

PhD (Polit.), Research Fellow, Primakov Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS)
23, Profsoyuznaya street, Moscow, Russia, 117997

e-mail: popadeva@imemo.ru

Maxim I. Sigachev,

PhD (Polit.), Research Fellow, Primakov Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS)
23, Profsoyuznaya street, Moscow, Russia, 117997

e-mail: maxsig@mail.ru

Additional information

Received: May 20, 2025. Revised: June 20, 2025. Accepted: June 27, 2025.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Arteev, Sergey P., Andrey L. Bardin, Tatiana I. Popadeva, and Maxim I. Sigachev. "Impatriation as a Phenomenon and a Direction of Development Policy (the Case of Russia)."

Journal of International Analytics 16, no. 2 (2025): 136–158.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-2-136-158>

Chieftaincy Conflicts in Northern Ghana: The Role of Traditional Mechanisms and Diaspora Engagement

Maxima Wombeogo, HSE University,
Moscow, Russia

Alisa R. Shishkina, HSE University; Institute for African Studies, RAS,
Moscow, Russia

Micah Y.B. Zing, HSE University,
Moscow, Russia

Correspondence: alisa.shishkina@gmail.com

ABSTRACT

Compared to other African countries, Ghana is known as a relatively stable democracy. However, there are various forms of social, political, ethnic, and religious instability that have persisted in Ghana for many decades and posed some risks for the indigenous Ghanaian diaspora. These instabilities are typically categorized as either inter- or intra-ethnic conflicts. The article gives an account of several relevant conflicts in the Northern parts of Ghana that turned into violent clashes. The authors explore the rationale behind these conflicts, as many of them were provoked by contestation for traditional power and authority. The research employs qualitative comparative analysis (QCA) and case study by indicating regions prone to chieftaincy conflicts. Eight cases were selected from three regions in Northern Ghana, where such conflicts provoked violent clashes and uprisings in the diaspora, and also may have led to deaths and displacement of people. The research relies on the data from official reports, datasets by international organizations, and academic articles to adopt a comparative perspective. It also examines the strategies of managing, resolving, and transforming the conflicts to identify the combination of factors that could lead to an enduring solution. The article concludes that the integration of traditional dispute resolution mechanisms in combination with community involvement leads to more successful conflict resolution.

KEYWORDS

Ghana, chieftaincy, conflicts, resolution strategies, diaspora, QCA, Northern Regions

Introduction

In the post-colonial era, Africa has witnessed many conflicts of varying magnitudes. These conflicts have mostly risen from various arguments and disagreements, including contestation over the right to land, chieftaincy succession rights, and resource allocation. Many West African countries have seen such conflicts, as notable examples are Liberia, Sierra Leone, Côte d'Ivoire, and Burkina Faso.¹ However, Ghana is a West African country that is hailed as very peaceful against the background of other African countries that have been affected by civil wars, rebellions, and general instability. This absolute evaluation of Ghana's peaceful nature has created a façade hiding the underlying problems of internal conflicts, including inter-ethnic and intra-ethnic violence, and armed confrontations, particularly in the northern parts of the country, which have even drawn the attention of international organizations (e.g., the United Nations Development Programme) and several peace councils. For the Ghanaian diaspora, which has historically consisted of dozens of ethnic groups, such conflicts significantly hinder a peaceful dialogue within the country.

The presence of such conflicts has been attributed to the creation of secular, political or traditional authorities in the regions that had not experienced these forms of governance before the era of colonialism.² Security in the northern parts of the country has been constantly undermined by the increasing unrest leading to the loss of lives, destruction of property, displacement of people, and depletion of Ghana's scarce resources. Researchers have expressed varying views on what the primary causes of chieftaincy conflicts may be. Some schools of thought posit that the emergence of these conflicts is a result of attempts by various anthropologists and colonial administrations to encroach on some African lands and to categorize them into centralized and non-centralized groups. Other researchers opine that the primary causes of chieftaincy conflicts go beyond the issue of colonialism.

Chieftaincy conflicts in the northern parts of Ghana represent a persistent challenge to peace, stability, as well as social and political development in the entire region.³ These conflicts usually arise from tribal competition over traditional leadership and land tenure issues, as they are fuelled by past rivalries, power struggles as well as social and economic differences.⁴ The prolonged nature of chieftaincy disputes not only causes disruptions to the local government structures but also destabilizes the unity of the community, hampers investment for the communities and region, and perpetuates vicious circles of violence and insecurity.

Despite various efforts by traditional leaders, governmental institutions, and civil society to mediate and resolve chieftaincy conflicts, sustainable and lasting solutions have remained elusive. The absence of a comprehensive approach and poor understanding of the effective strategies and key factors that may contribute to conflict resolution significantly hamper any attempts to alleviate chieftaincy conflicts in the northern parts of Ghana.

Literature on chieftaincy disputes in these regions primarily focuses

1 Abubakari, Longi 2014, 113.

2 Suler 2020, 1.

3 Awedoba 2009.

4 Bukari et al. 2017, 114–115.

on the descriptive analysis of various individual cases or a qualitative assessment of conflict dynamics. While these studies may provide many valuable insights into the complex nature of chieftaincy conflicts, there is a literature gap on the factors contributing to successful strategies and their various outcomes in resolving these disputes. In appreciating the nuanced connections between numerous factors, such as stakeholder involvement, organizational frameworks, cultural standards, and external mediations, it is crucial to devise evidence-based approaches to navigate and resolve chieftaincy conflicts efficiently and successfully.

Therefore, there is a persistent need for empirical research that can analytically investigate the operative strategies used in the resolution of chieftaincy conflicts in Northern Ghana. By engaging a thorough methodological approach, such as qualitative comparative analysis (QCA), and focusing on secondary data sources, such as scientific publications, this article aims to fill the literature gap and provide actionable insights that can inform policy interventions, community initiatives, and conflict resolution practices in the Northern regions. Addressing this knowledge gap is essential for promoting a more holistic approach for sustainable peace, fostering social cohesion and unity, and advancing collective efforts towards resolving chieftaincy conflicts in Northern Ghana.

This study adopts QCA as a research method. This methodological approach offers a rigorous scheme for conducting any study that is limited by a small number of cases to identify sufficient and necessary conditions for an outcome.¹ The crisp-set scoring is used to classify factors (variables), and the TOSMANA computer software is used to conduct the analysis, identify possible combinations of factors, and check the sensibility of findings.

The methodology of this research focuses on two social theories. The first is Johan Galtung's theory of structural violence, which posits that structural violence operates through a combination of institutional mechanisms, cultural norms, and power dynamics, as it creates conditions that limit individuals' capabilities, opportunities, and overall well-being. Unlike the presence of direct violence, which involves the use of physical harm and numerous visible acts of aggression, structural violence is often subtle, pervasive, and deeply ingrained in social structures.² The second one is Robert Putnam's theory of social capital, which highlights the value of social networks, connections, and interactions within communities. It posits that social capital defines the social bonds, trust, cooperation, and reciprocity shared among individuals and groups that contribute to the functioning of any society.³

The study concentrates on the northern regions of Ghana, specifically the three major areas: the Northern Region, the Upper East Region, and the Upper West Region. The selection of the three entities for the analysis is based on the historical antecedents of chieftaincy conflicts that have persisted into recent years, drawing attention to the need for a comprehensive understanding of the conflicts in building the best combination of conflict resolution strategies to curb this menace. Examples of such conflicts include the Dagbon chieftaincy conflicts in the Northern Region,

1 Kane et al. 2017, 104.

2 Galtung 1969.

3 Putnam 1995.

the Bawku chieftaincy conflict in the Upper East Region, and the Wa chieftaincy conflicts in the Upper West Region, among others, which have spread across the diaspora in other regions, especially in the Southern parts of Ghana. In addition, the two newly created regions of the north (the North-East and Savannah regions) were established in 2016. As they were carved out of the major traditional or administrative regions of the north (the Upper East Region and Northern Region respectively), these entities are not isolated; rather, they are considered part of the traditional regions. The article is also based on eight case studies focusing on chieftaincy conflicts in these three regions. The outcome of each case is a successful resolution, as the identified variables are the strategies for solving each of these conflicts.

Overview of Chieftaincy Disputes in Northern Ghana

The chieftaincy institution emerged in a natural way along the evolution of societies. It could be traced to the desire of individuals to form a distinct group to assert and maintain dominance over others.¹ Article 277 of the 1992 Constitution of Ghana defines chiefs as individuals who belong to royal lineages and have successfully undergone the legitimate process of nomination or selection followed by their formal installation as a chief in accordance with relevant customary laws and practices.² This classification is narrow because it fails to recognize other traditional leaders in the country. To handle several chieftaincy matters, the 1992 constitution of Ghana sets up the following institutions: the National House of Chiefs (NHC), the Regional House of Chiefs (RHC), and Traditional Councils (TC). It is required that the NHC consist of five paramount chiefs which are to be elected by the RHC.

The main functions of the NHC are to advise any person(s) or authority that is charged with any responsibility for any issue relating to or affecting chieftaincy and to compile customary laws of succession that are applicable to each stool. The NHC also has appellate authority in any cause or issue that may affect chieftaincy. This appellate authority is exercised by its existing Judicial Committee (JC), which also consists of five persons that are appointed by the House and given assistance by a member of the bar with about ten years of experience in the field who is appointed by the NHC on the recommendation of the Attorney-General. The RHC consists of members as the Parliament may see fit. The Constitution instructs the RHC to review and make decisions on appeals from traditional councils regarding the nomination or election of individuals classified as chiefs. Additionally, the RHC is tasked with conducting studies to provide general recommendations for resolving any chieftaincy disputes that may arise in the region. The Traditional Council consists of one paramount chief and various divisional chiefs. Its major function is determining, per the appropriate customary law and usage, the viability of the nominations or elections of any person as chief. Simply put, it performs functions that are similar to those of the NHC and RHC but at the paramountcy (grassroots) level.

¹ Mair 1997.

² "Article 277. Definition of Chief," The Constitution of Ghana, 1992, accessed August 5, 2025, https://lawsghana.com/constitution/Republic/constitution_content/282.

Chieftaincy disputes are usually caused by the inappropriate use of money or partisan politics to influence the lawful process of selection, enskinment, or destoolment of chiefs. It is concluded that the benefit and worth that has been attached to the institution of chieftaincy has attracted many young aspirants to contest for the position of chief. As a result, there is a large number of potential candidates emerging, and this makes it quite difficult for one candidate to win without any incident of disputes arising. There are various examples of chieftaincy conflicts in Ghana, more specifically in the northern parts of the country, and these include the Nanumba-Kokomba, Konkomba-Gonja, Dagbon, Nanumba, Gonja-Vagla, Bimbilla, and Gonja-Kpandai conflicts.

Chieftaincy conflicts have been defined as being the foremost menace to Northern Ghana's social, economic, cultural, and political development.¹ For instance, in 2001, it was estimated that approximately 171 chieftaincy cases were pending before the RHC. There were also over 44 cases on appeal at the NHC.² As of 2007, 17 chieftaincy disputes were pending before the Upper West Regional House of Chiefs, including the Wa conflict, the Nadowli conflict, and the Jirapa conflict. In the Upper East Region, the majority of these disputes included the Bawku conflicts, Bolga skin affairs, the Zaare skin affairs, and the Zuarungu skin affairs. In 2008, there were 63 cases pending before the NHC, while the RHS considered another 400 cases.³

Chieftaincy disputes in Ghana are rooted in colonialism. As the literature states, the colonial masters, in their quest to substantiate their rule in Africa, established various administrative structures that ended up forcing many ethnic groups and traditional structures, including chieftaincy, into symmetrical organizations, destroying the roots of these traditional institutions.⁴ Besides, chieftaincy conflicts are sometimes fuelled by political interventions.⁵

The northern parts of Ghana have a rich history of chieftaincy systems that is deeply entrenched in cultural, traditional, and political frameworks. Conflicts have taken about a thousand lives in Yendi.⁶ The Konkomba-Nanumba and the Dagomba-Nanumba conflicts in 1994 and 1995, respectively, resulted in the loss of about 2,000 lives, 18,900 animals, and 500,000 tubers of yams, as 60,000 acres of crops were destroyed.⁷ It is also estimated that the government of Ghana spent about \$9 million to restore peace in Dagbon.⁸ Moreover, about 78,000 people were displaced, as their properties were destroyed because of the conflict.⁹

Many government employees abandoned their posts in Northern Ghana because of these chieftaincy disputes.¹⁰ The finances that may have been used to provide certain basic needs were spent to maintain peace in the conflict-ridden parts of northern Ghana.¹¹ The cultural significance of chieftaincy is immersive where chiefs

1 Anamzoya, Tonah 2016.

2 Draman et al. 2009, 12.

3 Anamzoya, 2010.

4 Awedoba 2009; Mawuko-Yevugah, Attipoe 2021, 325.

5 Albert 2008, 49.

6 Alhassan et al. 2017, 61.

7 Tsikata, Seini 2004, 29.

8 Alhassan et al. 2017, 61.

9 Mahama 2003.

10 Mahama, Longi 2013.

11 Awedoba 2009.

are often hailed as custodians and guardians of tradition and local customs. These conflicts usually revolve around problems relating to legitimacy, succession, or even the interpretation of culture and tradition. The case of the Bimbilla chieftaincy conflict, which is characterized by the contestation over who the rightful occupant of the skin is, portrays the clear cultural importance of chieftaincy.¹

Chieftaincy Disputes and the Diaspora

Chieftaincy conflicts in the northern parts of Ghana, which have their roots in ethnic tensions, land disputes, and chieftaincy affairs, have affected the diaspora immensely. Several people from the conflict-affected areas have migrated to the southern parts of the country (Greater Accra and the Ashanti region), resulting in a diaspora that is more dispersed and displaced. These forms of migration have imported the conflicts from the original conflict zones to the diaspora, both locally and abroad.

According to the National Security Council, 503 cases involving chieftaincy, land, and ethnic disputes have been recorded in 2025 so far. A total of 130 out of the 503 recorded cases pose existential threats to the peace of the country, its diaspora, community, and national security, and put a burden on the government budget, particularly the ongoing Bawku and Nkwanta conflicts.² These conflicts have severely affected commercial activities not only in the conflict areas but also among the members of the diaspora at large, as businesses and trips within and across these areas are curtailed.

In 2024, there were clashes between Mamprusis and Kusasis in Ashaiman in the Greater Accra Region, involving two ethnic groups engaged in the Bawku conflict. Several of these ethnic conflicts in the conflict zones of Northern Ghana have occurred in the Ashanti region, prompting mediation activities to be held by the Asantehene, the king of the Ashanti Kingdom.

Additionally, on July 23, a Kusasi chief from the Ashanti Region was killed by unknown gunmen at his residence.³ This incident is believed to be linked to the Bawku conflicts involving the Mamprusis and Kusasis, which have been imported to the Ashanti Kingdom. These conflicts have even permeated secondary schools in Ghana, thereby affecting engagement in various sectors of the country. For instance, two male students at the Nalerigu Senior High School were killed by unknown gunmen on July 26, 2025. On the same day, shootings occurred at the Bawku Senior High School and took one student's life. These killings are suspected to be linked to the Bawku conflicts. All educational institutions in both Nalerigu and Bawku have since been closed, and the state military apparatus has been deployed in these conflict zones to enforce peace. Several of these killings and attacks have occurred in various parts of the country rather than in the original places of these conflicts, affecting the Ghanaian diaspora at large.

This situation not only has an impact on the conflict areas but also affects the diaspora as a whole, as social and economic activities have come to a standstill

1 Suler 2020.

2 "130 of 503 Reported Chieftaincy, Land and Ethnic Disputes Pose Existential Threats – National Security," GhanaWeb, August 2, 2025, accessed August 4, 2025, <https://clck.ru/3NZjJA>.

3 Gilbert Mawuli Agbey, "Naa Abdul-Malik Azenbe: Kusasi Chief Shot Dead in Asawase," Graphic Online, July 23, 2025, accessed August 4, 2025, <https://www.graphic.com.gh/news/general-news/naa-abdul-malik-azenbe-kusasi-chief-shot-dead-in-asawase.html>.

in these regions. These conflicts are believed to be largely financed by members of the conflict-affected areas living abroad or in other parts of the country. Ethnic groups from these zones perceive each other as enemies, even outside their communities, making it difficult for them to interact or work together outside the conflict-affected regions. This, to a large extent, impedes engagement across the diaspora as it influences the peace in the country, as well as productivity, security, and democratic dispensation of the state that is widely recognized as a beacon of democracy in the West African sub-region.

This backdrop demonstrates the importance of diaspora engagement as a conflict resolution mechanism so that resolution efforts target not only the conflict zones but also the diaspora. This could raise awareness about the conflicts and their effects through advocacy campaigns, promote understanding among different ethnic groups, and thereby break stereotypes and build relationships that contribute to peacebuilding. Other factors include diaspora investment in development projects that create jobs and improve living conditions in conflict-affected areas. Additionally, politicians and influential people from these areas could mobilize and create safe spaces for engagement and peacebuilding.

Conflict Resolution Strategies

The theories and practices used in conflict resolution strategies offer significant insights into how disputes can be settled. Traditional conflict resolution mechanisms, state intervention, and third-party mediation have already been employed. However, the effectiveness of each theory and practice varies.

Traditional mechanisms play a vital role in resolving conflicts in Northern Ghana, as they are usually the first intervention mechanism to be used. For example, in Dagbon, the intervention of the Andani and Abudu gates – the Kampakuya Naa and the Bolin Lana, respectively – was a traditional attitude to resolving the conflict involving these two ethnic groups.¹ Another example is the Barka Naa system in Mamprugu, which comprises lineage heads and community elders and also functions as a traditional conflict resolution mechanism. The Barka Naa, who is known as the senior elder, mediates conflicts, provides counsel, and facilitates all negotiations between various conflicting parties to achieve resolution and maintain harmony within the Mamprugu kingdom.² This mechanism has often included mediators (middlemen) and councils of elders, who apply customary laws and traditions to adjudicate conflicts.

State intervention also played a pivotal role as a strategy in resolving disputes in Northern Ghana. For example, during the Yendi chieftaincy crisis in the early 2000s, the Ghanaian government established the Wuaku Commission to investigate the causes of the disputes and propose ways to settle them.

Military intervention is another mechanism that has been employed in resolving chieftaincy disputes in Northern Ghana, as it is usually the last option to be used. An example is the Bimbilla Chieftaincy conflict in 2014–2015. This long-standing dispute in the Nanumba North District of the Northern Region led to various periodic

1 Issifu 2015, 30–31.

2 Bawa, Singh 2017.

outbreaks of violence. The government of Ghana deployed military and police forces to maintain order as well as enforce curfews in Bimbilla. This intervention was a response to violent clashes between the rival factions claiming the right to the skin (chieftaincy). Another example is the Yendi Chieftaincy Conflict of 2002, which is also known as the Dagbon crisis. This dispute over succession to the Dagbon skin also led to significant violence.

There have been instances where third-party mediation has been used. This approach involves individuals or organizations that are not directly involved in the conflict, as they help promote negotiations for a resolution. For example, in the Nkonya-Alavanyo conflict, the National Peace Council acted as a mediator to facilitate peace talks and agreements between the two conflicting parties.¹

The communities where these conflicts occur usually initiate conflict resolution efforts on their own. For instance, in Bimbilla, the local leaders and its community members have attempted to mediate and resolve the chieftaincy conflict. This experience has reflected the significance of community-based initiatives in the resolution of conflicts.²

There are certain cases where all these approaches (traditional, state, community-based, and military methods) are combined. For example, the Mamprusi-Kuasasi conflict in the Upper East Region, where various actors have worked together, as they acknowledge the role of traditional authorities and state institutions.³

Despite the diversity of approaches, chieftaincy conflicts in Northern Ghana persist, which prompts the need for a comprehensive evaluation of the effectiveness of these strategies and the factors contributing to their success.

When it comes to its area, the Northern region of Ghana is the largest in the country, as it covers about 70,384 km² – approximately 29.5 percent of Ghana's total area. The capital city of the region is Tamale, the third largest city of the country. According to the 2021 census, the total population of the region is 2,310,939 people, with the proportion of males and females being 1,141,705 to 1,169,234.⁴ Due to the importance of traditional power in the region, various conflicts have been present for decades, as ethnic groups and political parties interested in the right of succession to the seat of traditional power covertly and overtly manipulate people to create disturbances. They can lead to the uprising of chieftaincy conflicts threatening both the country and region.

QCA Analysis

This study employs the qualitative comparative analysis (QCA) approach to examine the complex relationship between factors that contribute to the resolution of chieftaincy conflicts in Northern Ghana. QCA is an approach that allows for the identification of relevant and sufficient conditions for outcomes, rather than just

1 Agyei 2024.

2 Suler 2020.

3 Kroger 2003.

4 "2010 Population & Housing Census. National Analytical Report," Ghana Statistical Service, May, 2013, accessed August 4, 2025, <https://clck.ru/3NZJKD>.

correlations between variables.¹ QCA provides a well-structured framework to analyze the complex patterns across various cases while sustaining the depth of qualitative analysis. This allows for a more nuanced understanding of the factors for successful resolution strategies in chieftaincy disputes, which can inform policy and practice in this area.

The adopted methodology is designed to give a systematic comparison of the selected chieftaincy conflicts in Northern Ghana, namely Yendi (Dagbon), Bimbilla, Kpandai, Nadoli, Funsu, Bawku, Waala, and Chuchuliga, to identify the combinations of strategies that lead to successful resolution in this type of conflict. The research goes further in adopting a systematic approach, as it starts with case selection, proceeds with the identification of variables, moves on with data collection, and finishes with a comparative analysis. The research is based on a systematic attitude, which includes case selection, variable selection, outcome selection, and configurational analysis.

Case Selection. The authors purposefully selected eight conflict-prone areas in the northern parts of Ghana. The inclusion criterion for the abovementioned areas is based on the presence of chieftaincy conflicts that have involved armed violence, loss of life, displacement of people, and affected economic development. These cases include the Dagbon chieftaincy conflicts in Yendi, the Nanumba-Konkomba conflict in Bimbilla, the Mamprusi-Kuasasi conflict in Bawku, the Wa skin chieftaincy title in Wa, the Gonja-Nawuri chieftaincy conflict in Kpandai, the Nadoli chieftaincy conflict, the Funsu chieftaincy conflict, and the Chuchuliga skin affair in the Bulsa traditional area. These cases highlight the complex and often contentious nature of chieftaincy conflicts in the Northern parts of Ghana, which can have far-reaching consequences for the affected communities and the diaspora at large. Efforts to resolve these disputes often involve traditional, religious, and political leaders, as well as the intervention of state institutions like the police and the judiciary. As a result, other conflicts that did not reach the scale of destruction experienced in the selected areas and did not involve any mediation or resolution mechanisms outlined in Table 1 were excluded.

Variable Selection. To identify suitable variables, conditions were defined across cases. There are five variables: Traditional Mediation (TradMed), Political Intervention (PoliInter), Legal Recourse (LegRec), Community Dialogue (ComDia), and Military Intervention (MiliInter).

Traditional mediation refers to the involvement of traditional leaders from the conflict areas, who convene with the conflicting parties to resolve the conflict through dialogue and negotiation (e.g., the Dagbon and Mamprugu conflicts).

Political intervention stands for the involvement of political leaders or government officials to implement mediation efforts. This is typically achieved through the establishment of committees tasked with investigating the underlying causes of the conflict and proposing mechanisms for resolution (e.g., the Yendi chieftaincy dispute).

Legal recourse is a resolution mechanism in which the parties submit their disagreements to a court of law for adjudication and accept the ruling of the court (e.g., the Ga Mantse case in Accra).

1 Kane et al. 2017.

Military intervention is a strategy that involves the deployment of state security forces to the areas of conflict to maintain or enforce peace (e.g., the Bawku conflict). Community dialogue involves bringing together various stakeholders, including community members and the parties to the conflict, to engage in discussions aimed at proposing solutions and resolving the dispute. The conflicts selected as cases are dependent variables, as the five described strategies are independent variables. They are identified to examine the factors that have led to conflict resolution on the identified dependent conditions (see *Table 1*).

Table 1.

CASE SELECTION OF CONFLICTS AND VARIABLES MAPPING
ВЫБОРКА КОНФЛИКТОВ И ПЕРЕМЕННЫХ

Conflict	Variable 1: Traditional mediation	Variable 2: Political intervention	Variable 3: Legal recourse	Variable 4: Community dialogue	Variable 5: Military intervention	Outcome
Yendi	Used	Engaged	Not Accessible	Used	Implemented	Resolution
Bimbilla	Not used	Not engaged	Accessible	Used	Implemented	Resolution
Kpandai	Not used	Engaged	Not Accessible	Not Used	Implemented	Resolution
Nadowli	Used	Not engaged	Accessible	Not Used	Not Implemented	No Resolution
Funsi	Used	Engaged	Not Accessible	Not Used	Not Implemented	No Resolution
Bawku	Used	Engaged	Accessible	Used	Implemented	No Resolution
Waala	Used	Engaged	Accessible	Used	Not Implemented	Resolution
Chuchuliga	Used	Not engaged	Not Accessible	Used	Not Implemented	Resolution

Source: compiled by the authors.

Outcome Selection. This step seeks to identify whether the resolution of the conflicts in the selected cases has been successful. This is done by using the combination of variables. The calibration of the outcome is sustained using the definition of conflict resolution proposed by Peter Wallensteen in 2002. The international peace researcher defined conflict resolution as “a situation where conflicting parties enter into an agreement that solves their central incompatibilities, accept each other’s continued existence as parties, and cease all violent activities against each other.”¹ This definition mentions three main elements: the presence of an agreement, the acceptance of each other’s existence, and the cessation of violence. The article considers a chieftaincy conflict resolved if all three elements are present or partially present.²

Configurational Analysis. By using the QCA, the research identifies the present patterns that cut across the selected cases to finally determine the combination of factors leading to a resolution.

1 Wallensteen 2002.
2 Wallensteen 2019, 141.

Table 2.

PRESENCE OR ABSENCE OF VARIABLES IN CONFLICTS
НАЛИЧИЕ ИЛИ ОТСУТСТВИЕ ПЕРЕМЕННОЙ В КОНФЛИКТЕ

Conflict	TradMed	PoliInter	LegRec	ComDia	MiliInter	Outcome
Yendi	1	1	0	1	0	1
Bimbilla	0	0	1	1	1	1
Kpandai	0	1	1	0	1	1
Nadowli	1	0	1	0	0	0
Funsi	1	1	0	0	0	0
Bawku	1	1	1	1	1	0
Waala	1	1	1	1	0	1
Chuchuliga	1	0	0	1	0	1

Source: compiled by the authors.

To prepare the data for the QCA analysis, the authors used theoretical and empirical information to create a dichotomized table by coding all selected variables (see Table 2). The dichotomization and coding went as follows:

- a) Traditional Mediation and Community Dialogue are coded 1 if used and 0 if not used as a means of resolving conflict.
- b) Political Intervention is coded 1 in case of a state engagement and 0 in the opposite situation.
- c) Legal Recourse is coded 1 if accessible to solve the conflict and 0 if not.
- d) Military Intervention is coded 1 if it was implemented as a resolution strategy and 0 if not implemented.
- e) Outcome is coded 1 for any case of successful resolution (Yendi, Bimbilla, Kpandai, Waala and Chuchuliga) and 0 if the resolution has been unsuccessful (Nadowli, Funsi and Bawku).

The data for these variables were collected from various sources on traditional mediation,¹ political intervention,² legal recourse,³ community dialogue,⁴ military intervention,⁵ and resolution.⁶

In preparation for the QCA analysis, a crisp-set QCA (csQCA) was conducted using the dichotomized table where the binary system (1 and 0) was used to identify causal conditions. This analysis was conducted using the TOSMANA (Tool for Small-N Analysis) software to assess the necessary and sufficient conditions for resolution of chieftaincy conflicts. Through feeding the dichotomized table into the software, a truth table and the logical minimization results were obtained (see Table 3).

Using this systematic approach ensures that the data is structurally and systematically analyzed to identify the combination of factors contributing to successful resolution of conflicts.

1 Issifu, Bukari 2022.
2 Kondor et al. 2024.
3 Agyekum 2002; Ibrahim et al. 2024.
4 Akudugu, Mahama 2011.
5 Olsen 2009.
6 Wallensteen 2019; Avruch 2022.

Table 3.

COMBINATION OF VARIABLES CONTRIBUTING TO RESOLUTION OF CONFLICTS
СОЧЕТАНИЕ ФАКТОРОВ, СПОСОБСТВОВАВШИХ ПРЕКРАЩЕНИЮ КОНФЛИКТОВ

Conflict	TradMed	PoliInter	LegRec	ComDia	MiliInter	Outcome
Bimbilla	0	0	1	1	1	1
Kpandai	0	1	1	0	1	1
Chuchuliga	1	0	0	1	0	1
Nadowli	1	0	1	0	0	0
Funsi	1	1	0	0	0	0
Yendi	1	1	0	1	0	1
Waala	1	1	1	1	0	1
Bawku	1	1	1	1	1	0

Source: compiled by the authors.

The results show that a single factor from the QCA analysis never stands as the only factor leading to a resolution of any of the chieftaincy disputes in this research, but instead a combination of these factors may indeed lead to a successful resolution (see Table 4).

Table 4.

RESULTS OF QCA ANALYSIS
РЕЗУЛЬТАТЫ КАЧЕСТВЕННОГО СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Yendi + Chuchuliga	Yendi + Waala	Bimbilla	Kpandai
TradMed {1} *	TradMed {1} *	TradMed {0} *	TradMed {0} *
LegRec {0} *	PoliInter {1} *	PoliInter {0} *	PoliInter {1} *
ComDia {1} *	ComDia {1} *	LegRec {1} *	LegRec {1} *
MiliInter {0} +	MiliInter {0} +	ComDia {1} *	ComDia {0} *
		MiliInter {1} +	MiliInter {1}

Source: compiled by the authors.

The first result, which is applicable in Yendi and Chuchuliga, reveals the reliance on traditional mediation and community dialogue, devoid of legal recourse and military intervention. In these cases, the use of cultural conflict resolution mechanisms places an emphasis on the importance of local customs and direct community involvement in resolving the disputes. By prioritizing these various traditional mediation mechanisms, these communities demonstrate a commitment to indigenous practices that resonate with their values and norms.

The second result, which is observed in Yendi and Waala, shows a collaborative approach involving the combination of factors: traditional mediation, political intervention, and community dialogue – without military interventions. This strategy shows the necessity of adopting various forms of intervention to tackle conflicts. The merger of traditional methods and political structures enhances both the legitimacy and success of the resolution process, thereby helping to foster greater community participation. Such an approach indicates that communities

are recognizing the importance of drawing from both traditional and institutional frameworks to resolve disputes.

In comparison, the third result, which is relevant in the case of Bimbilla, shows that when traditional and political mechanisms are deemed ineffective, communities may resort to formal legal actions. It also involves the combination of community dialogue and military intervention, suggesting an environment where aggressive measures were deemed necessary. The inclusion of military intervention indicates heightened tensions and instability, proving that conflict resolution in such scenarios can often escalate beyond community discussions, necessitating formal and forceful responses. Hence, this result shows the vulnerability of community dynamics when conflicts reach a critical threshold.

Finally, the fourth result, which is observed in Kpandai, features political intervention, legal recourse, and military intervention – without traditional mediation and community dialogue. This arrangement shows that there was a breakdown in community dependence and relations, whereas formal and more aggressive strategies became the available resolution for managing disputes. The absence of traditional and community-based approaches raises relevant questions about the resilience of these mechanisms in addressing chieftaincy conflicts. It suggests that when community bonds are fraying, reliance on formal institutions and military measures may not only escalate tensions but also undermine long-term resolutions.

Discussion

Resolution of chieftaincy conflicts in Northern Ghana is a challenging yet significant issue that needs careful consideration of local traditions, community dynamics, and also external influences. The QCA results highlight relevant insights into the resilience of various resolution strategies adopted across several communities.

This research focuses on two major assumptions.

Assumption 1. Conflict resolution is more likely to be successful when traditional resolution devices are integrated with strong community involvement and ownership of the process;

Assumption 2. NGOs, governments, and international organizations provide lasting solutions to chieftaincy conflicts.

These assumptions serve as the foundation for exploring frameworks for conflict resolution in chieftaincy disputes in Northern Ghana. These findings are consistent with the studies, including our previous ones, showing that strong civil society instruments contribute to maintaining and sustaining socio-political stability in Ghana.^{1,2}

The results of the QCA demonstrate that if traditional mediation is adopted in combination with community dialogue, greater success is achieved in resolving disputes. For instance, in Yendi, the emphasis on traditional mediation, with community members actively participating in the dialogue, resulted in successful resolution without any reliance on legal recourse or military intervention. This outcome largely aligns

1 Копотаев et al. 2024, 326.

2 Festus Kofi Aubyn, "The Risk of Violent Extremism and Terrorism in the Coastal States of West Africa," Accord, December 10, 2021, accessed August 4, 2025, <https://www.accord.org.za/conflict-trends/the-risk-of-violent-extremism-and-terrorism-in-the-coastal-states-of-west-africa/>.

with Assumption 1, which reiterates that the possibility of conflict resolution increases if traditional mechanisms are combined with genuine community engagement.

The use of traditional conflict resolution practices is deeply rooted in the cultural sphere of Northern Ghanaian societies. These mechanisms often reflect the values, beliefs, and social norms of the community, which can make them more successful than the use of formal legal systems.¹ The research also suggests that the use of traditional justice mechanisms often brings about higher acceptance rates among the community members because these resolutions are mostly perceived as being culturally legitimate.² When conflicts are resolved in a way that respects local customs, the results are more likely to be accepted by all parties concerned, leading to a more sustainable peace.

Additionally, community involvement is important for fostering an environment that is conducive to any form of resolution. A sense of ownership over the resolution process gives empowerment to individuals and groups in the community, thereby encouraging them to take an active role in suggesting solutions. This is particularly significant in resolving chieftaincy disputes, where the power structures and historical imbalances can escalate to the diaspora across other regions of the country (an example is the recent surge in Bawku, which was exported to the Nalerigu Senior High School and township as well as the Ashanti Kingdom) or complicate a resolution process. Community involvement also requires the establishment of platforms for dialogue, allowing the community members to voice their concerns, negotiate, and ultimately reach consensus. It is indicated that communities that prioritize such participatory approaches tend to experience a reduction in violence and conflict recurrence.

Conclusion

The results of the QCA demonstrate that the integration of traditional resolution mechanisms in combination with community involvement leads to a more successful outcome across Northern Ghana. In the validation of Assumption 1, the analysis highlighted the relevance of culturally important mechanisms of conflict resolution, which are grounded in community engagement. In addition, Assumption 2 is validated by showing the importance of NGOs, governments, and international organizations in providing necessary support and resources for sustainable solutions in chieftaincy conflicts. As these factors interplay within the complexity of chieftaincy disputes, promoting a holistic and inclusive approach to conflict resolution will provide a pathway to a lasting peace and harmony in the region.

The role of external actors – NGOs, governmental bodies, and international organizations – is also essential in strengthening the possibility for conflict reprisal and resolution in the local context. Assumption 2 reiterates that these formal bodies can offer critical resources, frameworks, and mediation advice that could lead to lasting solutions of chieftaincy disputes across the diaspora. Based on the QCA results, the region of Bimbilla showed the relevance of political interventions in combination with traditional mechanisms when community-based strategies were deemed insufficient.

1 Asaaga 2021, 13.

2 Rosen 2018.

In these cases NGOs often serve as third-party facilitators that mediate discussions between conflicting parties, bridge cultural gaps, and provide resources for training in conflict resolution techniques. By emphasizing a collaborative approach, these institutions can help create a more accommodating environment for a community dialogue to flourish. Their presence as facilitators can also attract the attention of governmental bodies and international agencies, catalyzing broader efforts towards sustainable peace and stability.

Governments play dual roles in addressing chieftaincy disputes. They can help reinforce institutional frameworks that support traditional dispute mechanisms or, otherwise, impose legal structures that may escalate conflicts. The success of governmental involvement depends largely on whether it respects and integrates traditional systems. Successful state intervention can foster collaboration, but it is also necessary that any governmental action be perceived as supportive rather than coercive. This requires a keen understanding of local customs and the willingness to engage with traditional authorities.

In addition, international organizations bring added credibility and neutrality to conflict resolution efforts. When conflicts involve several community factions, the legitimacy conferred by an unbiased third party can facilitate dialogue and encourage participation of all stakeholders. Despite all the potential benefits these institutions can bring, their involvement must be approached with extreme caution. There are various concerns that external interventions, if not grounded in local realities, can lead to a disconnect between resolution mechanisms and community needs. This disparity may instead foster dependency or resentment, complicating the process of conflict resolution. It is important that NGOs, governments, and international organizations engage in partnerships with local communities and respect their customs throughout the process of resolution.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Коротяев, А.В., Исаев, Л.М., Шишкина, А.Р. Факторы социально-политической стабильности в Гане // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 3. С. 316–331. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2023-4-316-331>.
- Korotayev, Andrey V., Leonid M. Issaev, and Alisa R. Shishkina. "Factors of Socio-political Stability in Ghana." *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, part 3 (2023): 316–331 [In Russian].
- Abubakari, Abdulai, and Felix Yakubu Tonsuglo Longi. "Pastoralism and Violence in Northern Ghana: Socialization and Professional Requirement." *International Journal of Research in Social Sciences* 4, no. 5 (2014): 102–111.
- Agyei, Prince Duah. "Voices of Disputants: Perspectives from Alavanyo on the Nkonya–Alavanyo Conflict in Ghana." *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology* 30, no. 2 (2024): 1–9. <http://doi.org/10.1037/pac0000704>.
- Agyekum, George. *Yendi Chieftaincy Trials of 1987*. Accra: Justice Trust Publications, 2002.
- Akudugu, Mamudu A., and Edward S. Mahama. "Promoting Community-Based Conflict Management and Resolution Mechanisms in the Bawku Traditional Area of Ghana." *Peace Research* 43, no. 1 (2011): 80–103.
- Albert, Isaac Olawale. "From 'Owo Crisis' to 'Dagbon Dispute': Lessons in the Politicization of Chieftaincy Disputes in Modern Nigeria and Ghana." *The Round Table* 97, no. 394 (2008): 47–60. <http://doi.org/10.1080/00358530701625976>.
- Alhassan, Eliasu, Iddrisu Abdul-Karim, and Arthur Dominic Degraft. "Implications of the Bawku Chieftaincy Conflict on Basic Education in the Bawku Traditional Area of the Upper East Region of Ghana." *UDS International Journal of Development* 3, no. 2 (2017): 60–69. <https://doi.org/10.47740/127.UDSJJD6i>.
- Anamzoya, Alhassan, S. "Chieftaincy Conflicts in Northern Ghana: *The Case of the Bimbilla Skin Succession Dispute*." *Journal of Intra-African Studies*, no. 3 (2010): 41–63.
- Anamzoya, Alhassan S., and Steve Tonah. *Managing Chieftaincy and Ethnic Conflicts in Ghana*. Accra: Woeli Publishing Services, 2016.
- Asaaga, Festus A. "Building on 'Traditional' Land Dispute Resolution Mechanisms in Rural Ghana: Adaptive or Anachronistic?" *Land* 10, no. 2 (2021): 1–17. <https://doi.org/10.3390/land10020143>.
- Avruch, Kevin. "Culture and Conflict Resolution." In *The Palgrave Encyclopedia of Peace and Conflict Studies*, edited by Oliver P. Richmond, and Gëzim Visoka,

254–259. Cham: Springer International Publishing, 2022. https://doi.org/10.1007/978-3-030-77954-2_67.

Awedoba, Albert K. *An Ethnographic Study of Northern Ghanaian Conflicts: Towards a Sustainable Peace*. Accra: Sub-Saharan Publishers, 2009.

Bawa, Jagmeet, and Harpreet Singh. "Universal Process for the Evaluation of Beliefs & Assumptions for Conflict Resolution." *International Journal of Research in Humanities, Arts and Literature* 1, no. 10 (2017): 1–9.

Bukari, Francis Issahaku Malongza, Stephen Bugu Kendie, Mohammed Sulemana, and Sylvester Zackaria Galaa. "The Effects of Chieftaincy and Land Conflicts on the Socio-Political Development of Northern Ghana." *International Journal of Social Science Research* 5, no. 1 (2017): 101–119. <http://doi.org/10.5296/ijssr.v5i1.11008>.

Draman, Rasheed, Janet Adama Mohammed, and Peter Woodrow. *The Conflict Prevention and Resolution Portfolio of UNDP Ghana: Evolution Report*. Cambridge: CDA, 2009.

Galtung, Johan. "Violence, Peace, and Peace Research." *Journal of Peace Research* 6, no. 3 (1969): 167–191.

Ibrahim, Mohammed Gunu, Mathias Awonnatey Ateng, and Beata Awinpoka Akanyani. "Understanding Northern Ghana's Contemporary Chieftaincy Conflicts: Origins, Actors and Dynamics." *UDS International Journal of Development* 11, no. 2 (2024): 1197–1218. <https://doi.org/10.47740/798.udsijd6i>.

Issifu, Abdul Karim, and Kaderi Noagah Bukari. "(Re)thinking Homegrown Peace Mechanisms for the Resolution of Conflicts in Northern Ghana." *Conflict, Security & Development* 22, no. 2 (2022): 221–242. <https://doi.org/10.1080/14678802.2022.2059934>.

Issifu, Abdul Karim. "An Analysis of Conflicts in Ghana: The Case of Dagbon Chieftaincy." *The Journal of Pan African Studies* 8, no. 6 (2015): 28–44.

Kane, Heather, Laurie Hinnant, Kristine Day, Mary Council, Janice Tzeng, Robin Soler, Megan Chambard, Amy Roussel, and Wendy Heirendt. "Pathways to Program Success: A Qualitative Comparative Analysis (QCA) of Communities Putting Prevention to Work Case Study Programs." *Journal of Public Health Management and Practice* 23, no. 2 (2017): 104–111. <http://doi.org/10.1097/phh.0000000000000449>.

Kondor, Ronald, Eric Agyemang, John Boulard Forkuor, and Douglas Atttoh Odongo. "Sustainable Peace Building Education: Strategies Used by Ghana's National Peace Council." *Journal of Peace Education* 21, no. 1

(2024): 34–53. <https://doi.org/10.1080/17400201.2023.2281358>.

Kroger, Jane. "What Transits in an Identity Status Transition?" *Identity* 3, no. 3 (2003): 197–220. http://doi.org/10.1207/s1532706xid0303_02.

Mahama, Edward Salifu, and Felix T. Longi. "Conflicts in Northern Ghana: Search for Solutions, Stakeholders and Way Forward." *Ghana Journal of Development Studies* 10, no. 1–2 (2013): 112–129. <http://doi.org/10.4314/gjds.v10i1-2.7>.

Mahama, Ibrahim. *Ethnic Conflicts in Northern Ghana*. Tamale: Cyber Systems, 2003.

Mair, Peter. *Party System Change: Approaches and Interpretations*. Oxford: Clarendon Press, 1997.

Mawuko-Yevugah, Lord, and Harry Anthony Attipoe. "Chieftaincy and Traditional Authority in Modern Democratic Ghana." *South African Journal of Philosophy* 40, no. 3 (2021): 319–335. <http://doi.org/10.1080/02580136.2021.1964206>.

Olsen, Gorm Rye. "The EU and Military Conflict Management in Africa: For the Good of Africa or Europe?" *International Peacekeeping* 16, no. 2 (2009): 245–260. <http://doi.org/10.1080/13533310802685828>.

Putnam, Robert D. "Bowling Alone: America's Declining Social Capital." *Journal of Democracy* 6, no. 1 (1995): 65–78.

Rosen, Shlomo Dov. "A Theory of Providence for Distributive Justice." *Journal of Religious Ethics* 46, no. 1 (2018): 124–155.

Suler, Baaberihin. *Examining the Impeding Factors and Effects of Chieftaincy Conflict in Funsu Traditional Area in the Upper West Region of Ghana*. PhD Thesis. Tamale: University for Development Studies, 2020.

Tsikata, Dzodzi, and Wayo Seini. *Identities, Inequalities and Conflicts in Ghana*. CRISE Working Paper. Oxford: Centre for Research on Inequality, Human Security and Ethnicity, University of Oxford, 2004.

Wallensteen, Peter. "Academic Dialogue for Peace." *Development Dialogue* 64 (2019): 124–133.

Wallensteen, Peter. "Reassessing Recent Conflicts: Direct vs. Structural Prevention." In *From Reaction to Conflict Prevention. Opportunities for the UN System*, edited by Fen Osler Hampson, and David M. Malone, 213–228. London: Lynne Rienner Publishers, 2002.

Authors

Maxima Wombeogo,

Student, National Research University Higher School of Economics,
20, Myasnitckaya street, Moscow, Russia, 101000

e-mail: maximawombeogo@gmail.com

Alisa R. Shishkina,

PhD (Polit.), Leading Research Fellow, National Research University Higher School of Economics
20, Myasnitckaya street, Moscow, Russia, 101000;

Senior Research Fellow, Institute for African Studies, RAS

30/1 Spiridonovka street, Moscow, Russia, 123001

e-mail: alisa.shishkina@gmail.com

Micah Yinpang Bavi Zing,

PhD Student, National Research University Higher School of Economics,
20, Myasnitckaya street, Moscow, Russia, 101000

e-mail: m.zing@hse.ru

Additional information

Received: April 17, 2025. Revised: June 25, 2025. Accepted: June 28, 2025.

Funding

This research is part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2025 and was supported by the Russian Science Foundation grant no. 24-18-00650, <https://rscf.ru/project/24-18-00650/>.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Wombeogo, Maxima, Alisa R. Shishkina, and Micah Y.B. Zing. "Chieftaincy Conflicts in Northern Ghana: The Role of Traditional Mechanisms and Diaspora Engagement." *Journal of International Analytics* 16, no. 2 (2025): 159–176. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-2-159-176>

Разрешение конфликтов о вождествах в Северной Гане: роль традиционных механизмов и вовлеченность диаспоры

АННОТАЦИЯ

На фоне некоторых других африканских государств Гана известна как относительно стабильная демократия. Однако существуют различные формы социально-политической, этнической и религиозной нестабильности, которые сохраняются в Гане на протяжении многих десятилетий и определяют ряд рисков для диаспоры и коренных жителей страны.

Подобные проявления нестабильности обычно классифицируются как конфликты, которые являются либо межэтническими, либо внутриэтническими. В данной статье на примере северных регионов Ганы рассматриваются некоторые конфликты, которые сопровождались ожесточенными столкновениями. Авторы исследуют причины этих конфликтов, многие из которых связаны с борьбой за традиционную власть и авторитет. Для достижения цели исследования используется качественный сравнительный анализ (QCA) и казусноориентированный подход (*case study*) – применительно к регионам, в которых прослеживается склонность к возникновению конфликтов о вождествах. Для анализа были отобраны восемь случаев в трех регионах Северной Ганы, где конфликты сопровождались ожесточенными столкновениями, восстаниями представителей диаспоры, гибелью и перемещением людей. Для изучения стратегий управления, разрешения или трансформации подобных конфликтов, а также для выявления комбинаций факторов, которые могут привести к их наиболее устойчивому прекращению применяются сведения из правительственных отчетов, баз данных международных организаций и научных статей. Эти данные позволили сформировать сравнительную перспективу. Авторы приходят к выводу, что более эффективному разрешению конфликта способствует интеграция традиционных механизмов разрешения споров с участием сообществ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Гана, вождество, конфликты, стратегии разрешения, диаспора, качественный сравнительный анализ, северные регионы

Сведения об авторах

Максима Вомбеого,

студент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20

e-mail: maximawombeogo@gmail.com

Алиса Романовна Шишкина,

к.полит.н., ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20

старший научный сотрудник, Институт Африки РАН

123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка 30/1

e-mail: alisa.shishkina@gmail.com

Миках Йинпанг Бави Зинг,

аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20

e-mail: m.zing@hse.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 17 апреля 2025.

Переработана: 25 июня 2025.

Принята к публикации: 28 июня 2025.

Сведения о финансировании

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований
НИУ ВШЭ в 2025 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-18-00650,
<https://rscf.ru/project/24-18-00650/>).

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Вомбеого, М., Шишкина, А.Р., Зинг М.Й.Б. Разрешение конфликтов о вождествах
в Северной Гане: роль традиционных механизмов и вовлеченность
диаспоры // *Международная аналитика*. 2025. Том 16 (2). С. 159–176.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-2-159-176>

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Представление рукописей на рассмотрение редакционной коллегией осуществляется через сайт журнала www.interanalytics.org в разделе «Отправить статью».

Подача статьи осуществляется в формате двух файлов: текст статьи без указания сведений об авторе и текст с информацией об авторе. Такое разделение мотивировано правилами двойного слепого рецензирования. Во втором файле мы приветствуем указание идентификатора автора: ORCID, SPIN-код, Researcher ID, Scopus Author ID, РИНЦ Author ID.

Журнал выпускает аналитические материалы по трём направлениям: исследовательская статья, обзорная статья, рецензия.

Исследовательская статья содержит результаты самостоятельных исследований автора и несет добавочное научное знание. Обзорная статья дает другим исследователям представление о текущем состоянии и направлении развития некоторой области знаний, теории или методов. Рецензия является критическим очерком о прочитанном научном исследовании.

Объем научной литературы, рассматриваемый автором, должен содержать как минимум 20 работ, в том числе и наиболее актуальные по теме исследования. В список литературы не включаются ссылки на авторефераты, диссертации, учебники, учебные пособия, ГОСТы, распоряжения.

К публикации принимаются статьи объемом от 35 000 до 45 000 знаков с пробелами без метаданных. Материалы для рецензий принимаются в виде краткой (до 25 000 знаков с пробелами) аналитической рецензии на недавно вышедшую книгу по тематике журнала. Работа должна быть оригинальной. Неоригинальные материалы не принимаются к рассмотрению.

Аннотация объемом 250–300 слов должна содержать характеристику темы исследования и основные выводы. Аннотация должна быть представлена на русском и английском языках. После аннотации следуют ключевые слова (до 7 слов) также на двух языках.

При оформлении списка литературы, полные требования по которому указаны на сайте журнала www.interanalytics.org в разделе «Правила для авторов», не забудьте указать имеющийся DOI всех цитируемых работ. Указание DOI осуществляется путем добавления рабочей гиперссылки в конце библиографического описания работы. Проверить наличие DOI можно на сайте www.crossref.org, в разделе Simple Text Query.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Содержание статей не обязательно отражает точку зрения Учредителя и Редакции.

Адрес редакции:

Проспект Вернадского, 76Б. Москва, 119454.

Оформить подписку на журнал

«Международная аналитика» можно:

в почтовом отделении по каталогу «Пресса России», подписной индекс 38777; по интернет-каталогу ООО «Агентство «Книга-Сервис», а также по каталогам стран СНГ www.akc.ru

Международная аналитика. – 2025. – 16(2). – С. 1-176.

Подписано к печати: 30.07.25.

Формат: 108х70/16. Печать офсетная. Цена свободная.

Уч.-изд. л. 11. Тираж 200 экземпляров. Заказ 1718.

Отпечатано в Издательском доме МГИМО.

119454, Москва, просп. Вернадского, 76.

mgimo.ru/id

E-mail: print@inno.mgimo.ru